

удивительные
сюжеты
ШЕКСПИРА

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ

BEAUTIFUL STORIES
FROM SHAKESPEARE

retold by
Edith Nesbit

Удивительные
сюжеты
Шекспира
в изложении
Эдита
Несбита

Рисунки
Джона
Гильберта

153108/1

МОСКВА
«ОКТОПУС»
2010

УДК 821.111-93
ББК 84(4 Вел)-44
Н 55

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках федеральной целевой программы «Культура России».

Эдит Несбит

Удивительные сюжеты Шекспира / Перевод с английского Евгении Канищевой и Яна Шапиро. — М.: Издательство «Октопус», 2010. — 256 с.

Двадцать лучших шекспировских пьес в изложении английской сказочницы Эдит Несбит увидели свет в 1907 году и сразу стали одной из любимейших детских книг. Прошло больше века, а «Удивительные сюжеты Шекспира» всё так же популярны. В чём секрет их успеха? Дело в том, что пьесы Шекспира, написанные языком XVII века, — непростое чтение даже для взрослых. А не знать сюжетов шекспировских сочинений по меньшей мере странно. Тут-то на помощь и приходит детская писательница Эдит Несбит, которая пересказала эти сочинения простыми словами и подарила нам увлекательное и занимательное чтение.

ISBN 978-5-94887-079-3

ISBN 978-5-94887-079-3

9 785948 870793

© Е. Канищева, Я. Шапиро, перевод, 2009

© Издательство «Октопус», 2009

Вряд ли будет преувеличением сказать, что из шекспировского наследия можно составить целую систему культурного и экономического знания. Шекспиру подражали все позднейшие авторы, но представляется сомнительным, что в трудах всех его последователей, вместе взятых, наберётся столько же принципов теоретического знания и правил знания практического, сколько дал своей стране один **Шекспир**.

Сэмюэл Джонсон,
английский литературный
критик XVIII века

предисловие

Двадцать лучших шекспировских пьес в изложении английской сказочницы Эдит Несбит увидели свет в 1907 году и сразу стали одной из любимейших детских книг. Прошло больше века, а «Удивительные сюжеты Шекспира» всё так же популярны. В чём секрет их успеха?

Дело в том, что пьесы Шекспира, написанные языком XVII века, — непростое чтение даже для взрослых. А не знать сюжетов шекспировских сочинений по меньшей мере странно. Тут-то на помощь и приходит детская писательница Эдит Несбит, которая пересказала эти сочинения простыми словами и подарила нам увлекательное и занимательное чтение.

Конечно, Несбит, как было принято в викторианскую эпоху, старалась «смягчить и облегчить» сюжеты Шекспира, ограждая детей от нагромождения деталей и от натуралистических подробностей. Нередко рассказчица дает собственные — тоже изрядно «викторианские» — оценки героям пьес. Не обошлось и без перестановки акцентов, исключения второстепенных сюжетных линий; впрочем, так всегда бывает при пересказе литературного произведения.

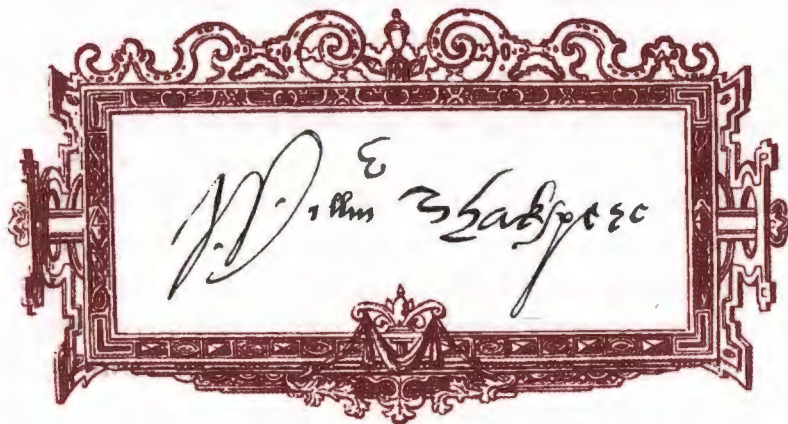
Работая над русским изданием, мы стремились решить двойную задачу: сохранить викторианский аромат «Удивительных сюжетов Шекспира», но при этом сделать так, чтобы и детям XXI века было интересно. Насколько нам это удалось — судите сами.

Надеемся, что для читателей этой книги первая встреча с Шекспиром не останется единственной и они прочтут пьесы великого драматурга в известных русских переводах, — а может быть, и в оригинале.

Помимо «Удивительных сюжетов Шекспира», в книгу вошли краткая биография Шекспира, словарь произношения имён персонажей и знаменитые шекспировские цитаты. (Отметим, что из многочисленных русских переводов мы выбирали самые узнаваемые цитаты.) Книга проиллюстрирована рисунками английского художника XIX века сэра Джона Гильберта.

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

краткая биография

В метрической книге приходской церкви Стратфорда-на-Авоне, торгового города в графстве Уорикшир, 26 апреля 1564 года появляется запись о крещении Вильяма, сына Джона Шекспира. Запись сделана на латыни: «Gulielmus filius Johannis Shakspeare». Принято считать, что Вильям Шекспир родился тремя днями ранее, но никаких доказательств этому нет.

Фамилия его писалась по-разному — даже сам Шекспир не всегда писал её одинаково. В записи о крещении указано «Shakspeare», в некоторых из дошедших до нас собственноручных подписей драматурга она выглядит как «Shakspere», а в первом издании его пьес напечатано «Shakespeare».

Холиуэл* подсчитал, что члены семьи Шекспира писали свою фамилию не менее чем тридцатью четырьмя разными способами. В книге записей городского совета Стратфорда, куда входил отец драматурга, его фамилия фигурирует сто шестьдесят шесть раз и в четырнадцати различных вариантах, причём современного («Shakespeare») среди них нет.

Отец Шекспира, который одно время занимал пост олдермена (главы городского совета), видимо, не умел писать свою фамилию. Впрочем, ничего постыдного в этом не было: в те времена девять из десяти мужчин довольствовались тем, что вместо подписи ставили значок.

Источники расходятся в вопросе о том, чем зарабатывал на жизнь Шекспир-старший. Одни считают, что он был мясником, другие — что торговал шерстью, третьи называют его перчаточных дел мастером. Не исключено, что он занимался всеми этими ремёслами одновременно или поочерёдно; даже если нельзя с уверенностью назвать его представителем одной из этих профессий, всё равно природа его занятий была такова, что любая из этих гипотез вполне правомерна. Ещё до женитьбы Джон Шекспир владел землёй и сам её обрабатывал, а женившись на Мэри Арден, дочери сквайра**, получил в приданое за женой поместье Асбис площадью 56 акров. Вильям был третьим ребёнком в семье. Две его старшие сестры, по всей вероятно-

*** Дж. О. Холиуэл (1820–1889) — библиограф Шекспира. — Здесь и далее примечания переводчиков и редакторов.**

**** Сквайр — представитель английского нетитулованного мелкопоместного дворянства.**

сти, умерли в младенчестве. После Вильяма у Джона и Мэри родились ещё трое сыновей и дочь. Ещё лет десять-двенадцать после рождения Вильяма семья вела безбедное существование. В 1568 году Джон Шекспир был то ли главным судебным приставом, то ли

главой магистрата* Стратфорда; к тому же тремя годами ранее он занял пост члена городского совета и сохранял его за собой много лет. За это благополучное десятилетие Вильям успел получить лучшее образование, какое только было возможно в Стратфорде. Городская школа была открыта для всех мальчиков; ею, как и всеми грамматическими школами того времени, управляли выпускники университетов, способные передать своим ученикам ту безупречную учёность, что некогда составляла гордость Англии. До нас не дошло документов, подтверждающих, что Шекспир учился в стратфордской школе, однако нет и оснований сомневаться в этом. Отец Шекспира нигде не смог бы найти для сына лучшее образование. Сочинения Шекспира, если читать их непредвзято, не пребывая под влиянием традиционной теории о весьма скромном образовании их автора, изобилуют доказательствами того, что он получил солидные, фундаментальные знания, которые давала грамматическая школа.

На становление юного ума не могло не повлиять и местоположение родного города, окружённого множеством достопримечательностей. В сферу мальчишеского интереса должны были попасть и замечательные древние города Уорик и Ковентри, и грандиозный замок Кенилворт, и развалины знаменитого аббатства Ившем. Да и вдоль его родной реки Авон располагалось предостаточно красивейших мест, тихих деревушек, укромных рощ. Стратфорд, в отличие от многих провинциальных городов, не был отрезанным от мира захолустьем: он стоял на оживлённом тракте, и его рынки привлекали к себе торговцев всевозможными товарами.

Так что взгляду будущего поэта и драматурга открывалось достаточно материала для наблюдения.

*** Магистрат — орган городского управления, выполняющий судебские функции.**

О жизни Шекспира от рождения до женитьбы в 1582 году на Энн Хатауэй нам не известно ничего определенного; впрочем, и о последующих семи годах мы знаем лишь то, что у Шекспира родилось трое детей; наконец, около 1589 года он появляется в Лондоне в качестве актёра.

Мы не знаем, как долго актёрская профессия была единственным занятием Шекспира, однако более чем вероятно, что вскоре после приезда в Лондон он занялся переработкой старых пьес — с чего, как известно, и началась его литературная карьера. Исправление и улучшение устаревших пьес, не отвечавших современным требованиям, — дело обычное даже для ведущих драматургов того времени, и Шекспир вскоре зарекомендовал себя как человек в высшей степени подходящий для такого занятия. Когда объём изменений, внесённых в произведение другого автора, становится весьма значительным, то редакторская работа по сути превращается в работу творческую. Именно это мы и находим в нескольких ранних пьесах Шекспира, переделанных из старых пьес.

Нет смысла превозносить на этих страницах труды величайшего в мире драматурга. Исследователи уже сказали о его творчестве всё, что только можно; лучшие умы Англии, Германии и Америки не устают разъяснять его непреходящую ценность.

Шекспир умер в Стратфорде-на-Авоне 23 апреля 1616 года. Его отец скончался раньше, в 1602 году, мать — в 1608-м. Жена Шекспира пережила мужа — её не стало в августе 1623 года. Сын Гамнет умер в 1596 году в возрасте восьми лет. Две дочери Шекспира пережили отца; старшая, Сузанна, в 1607 году вышла замуж за стратфордского врача по фамилии Холл. Единственный ребёнок от этого брака — дочь Элизабет, родившаяся в 1608 году, — вышла замуж за Томаса Нэша, а затем вторым браком за сэра Джона Барнарда; детей у неё не было. Младшая дочь Шекспира,

Джудит, 10 февраля 1616 года сочеталась браком со стратфордцем Томасом Куини и родила ему троих сыновей, ни один из которых не оставил потомства. Таким образом, род Шекспира угас.

Актёры, драматурги и другие современники Шекспира, знавшие его лично, были единодушны не только в восхищении его гением, но и в уважении и любви к нему. Бен Джонсон* сказал: «Я люблю этого человека, и моё почитание его памяти граничит с преклонением. Он был безупречно честен и обладал открытой и вольной натурой».

Шекспир был похоронен на следующий день после смерти в северной части алтаря стратфордской церкви Святой Троицы. На могиле его лежит плоский камень с эпитафией, которую, как говорят, сочинил он сам:

*Друг, ради Господа, не рой
Останков, взятых сей землёй;
Не тронувший блажен в веках,
И проклят — тронувший мой прах**.*

*** Б. Джонсон (1573–1637) — английский поэт, драматург, актёр; друг Шекспира.**

**** Перевод А. Аникста и А. Величанского.**

Удивительные
сюжеты
Шекспира
для детей

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

давние времена жили в Афинах Гермия и Лизандр. Они любили друг друга, но отец Гермии пожелал выдать её за другого — знатного юношу по имени Деметрий; Гермия же противилась.

А в Афинах были жестокие законы, и девушку, которая отказывалась выйти замуж по велению отца, могли предать смерти. Отец Гермии так рассердился на дочь, что отвёл её к афинскому герцогу и потребовал казнить строптивницу. Герцог дал Гермии четыре дня на раздумья: если по истечении этого срока она не согласится стать женой Деметрия, её казнят.

Лизандр, её возлюбленный, был вне себя от горя. Он предложил Гермии бежать из города и спрятаться в доме его тётки, вдали от Афин, там, где не действовали суровые законы и они могли бы пожениться. Гермия решилась на побег, но прежде чем отправиться в путь, рассказала о задуманном своей подруге Елене.

А Елена когда-то была возлюбленной Деметрия: это было задолго до того, как он захотел взять в жёны Гермию. Как и все ревнивые люди, Елена была глупа: она не могла понять, что если Деметрий разлюбил её и сватает-

ся к Гермии, то не Гермия в этом виновата. И вот Елена решила рассказать Деметрию о том, что Гермия собралась убежать из Афин и встретиться с Лизандром в лесу. Тогда Деметрий последует за Гермией, а она, Елена, пойдёт за Деметрием и будет счастлива хотя бы тем, что видит его.

Итак, Елена пошла к Деметрию и выдала ему тайну подруги.

А надо сказать, что лес, куда предстояло отправиться нашим героям, был не простой, а волшебный. В нём обитали эльфы и феи (их в лесах всегда предостаточно, нужно только хорошенько приглядеться). Той самой ночью в волшебный лес прилетели король и королева фей – Оберон и Титания. Хотя феи и мудрые создания, порой они со-

перешагивают те же глупости, что и простые смертные. Вот и Оберон с Титанией, вместо того чтобы радоваться быстротечному лету, затеяли ненужную ссору. Ни одна их встреча не проходила без перебранки: они так ругались, что все их крошечные подданные прятались в шляпках желудей и замирали от страха.

Им бы танцевать друг с другом в лунном свете ночи напролёт, как это заведено у эльфов, — но нет: Оберон с Титанией, разругавшись окончательно, разошлись по дальним уголкам леса. А поссорились они из-за маленького индийского мальчика. Оберону вздумалось сделать ребёнка волшебным пажом в своей свите, но Титания забрала мальчика к себе и отказалась отдавать.

В ту ночь король и королева фей встретились на мшистой опушке, освещённой лунным светом.

— *Не в добрый час я при сиянье лунном*

Надменную Титанию встречаю, — сказал король.

— А, это ты, ревнивец Оберон! — вскричала королева. — Вечно ты всё портишь дурацкими ссорами. Летим прочь, эльфы! Оберон мне больше не друг.

— Ты можешь легко положить конец всем ссорам, — сказал ей король. — Отдай мне малыша, и вновь я стану твоим покорным слугой и почитателем.

— Даже и не проси, — ответила королева. — Ценой всего волшебного королевства ты не купишь у меня ребёнка. Летим отсюда, эльфы!

И Титания вместе со свитой удалилась прочь, скользя по лунному лучу.

— Ну что же, ступай своим путём, — обиженно произнёс ей вслед Оберон. — Но не успеешь ты покинуть этот лес, как я с тобой посчитаюсь!

И Оберон призвал на помощь эльфа Пэка, своего любимца. Этот эльф — дух беспорядка и огорчений. Он проникает в коровник и снимает сливки с моло-

ка, забирается в маслобойку и не даёт сделать масло; из-за него скисает пиво; тёмными ночами он сбивает людей с пути, а потом потешается над ними. Едва захочет человек присесть, Пэк выдёргивает из-под него табурет, а как только кто-нибудь соберётся хлебнуть из стакана, маленький проказник плещет ему горячим элем на подбородок...

— Найди мне цветок, который зовётся «любовью в праздности», — велел Оберон своему крошечному слуге. — Если соком этого пурпурного цветка смазать веки спящему, то, проснувшись, он влюбится в первое же существо, которое увидит. Я смажу им веки своей Титании, и она полюбит то, на что упадёт её взор — *будь то медведь, иль лев, иль волк, иль бык, иль павиан, иль шустрая мартышка.*

Стоило Пэку уйти, как на поляне появился Деметрий. За ним плелась бедняжка Елена; она всё твердила о своей любви и напоминала о былых обещаниях. Деметрий же гнал её прочь, говоря, что не любит её и никогда не полюбит, а прежние обещания давно развеяны по ветру.

Оберон пожалел несчастную Елену. Когда Пэк возвратился с цветком, Оберон велел ему следовать за Деметрием и, когда тот за-

снёт, смазать ему веки. Проснувшись, Деметрий полюбит Елену и станет глядеть на неё так же влюблённо, как она сейчас глядит на него.

А что же Лизандр и Гермия? К тому времени они уже встретились в лесу, а когда настала ночь, улеглись спать. Спали они поодаль друг от друга. Пэк в поисках Деметрия набрёл на одиноко спящего Лизандра, принял его за Деметрия и смазал ему веки.

Случилось так, что Лизандр, проснувшись, первым делом увидел Елену, которая бродила по лесу в поисках жестокосердного Деметрия. И Лизандр, околдованный соком пурпурного цветка, влюбился в неё и последовал за новой возлюбленной, тотчас забыв свою Гермию. Пэк вернулся к Оберону и сказал, что выполнил приказ. Но Оберон вскоре заметил ошибку Пэка и послал его смазать соком глаза Деметрия.

Гермия, пробудившись, отправилась искать исчезнувшего Лизандра. Деметрий же, едва открыв глаза, увидел Елену и влюбился в неё. И вот Деметрий и Лизандр неотступно преследуют Елену, и теперь уже Гермия вынуждена догонять своего неверного возлюбленного. В конце концов Гермия затевает ссору с Еленой, а Деметрий и Лизандр идут сражаться на мечах. Оберон, расстроенный таким неожиданным исходом своих добрых намерений, говорит Пэку:

— Эти юноши собираются драться на поединке. Сделай так, чтобы ночное небо заволгло туманом; сбей их с пути, чтобы они не могли найти друг друга. Дождись, пока они выбьются из сил и уснут.

*Увидя, что Лизандр во сне глубоко,
Его опрыскай этим травным соком,
Который с глаз снимает заблужденье
И возвращает правильное зренье.
Когда враги проснутся, то сочтут
Бесплодной грёзой всё, что было тут,
И тотчас же воротятся в Афины
Жить в нерушимой дружбе до кончины.*

Пэк исполнил всё, что велел ему король: когда Лизандр и Дементрий, так и не отыскав друг друга, выбились из сил и заснули, Пэк смазал соком веки Лизандра и произнёс:

*— Пробудись, в неё взглядишь,
Прежним счастьем упоённый.
Всяк сверчок знай свой шесток,
Всякий будь с своею милой,
Всяк ездок – с своей кобылой,
А конец – всему венец.*

Тем временем Оберон отправился за Титанией. Она любила спать, завернувшись в пятнистую змеиную кожу, на берегу...

*...где цветут в избытке
Фиалки, дикий тмин и маргаритки,
И где кругом густой шатёр возрос
Из жимолости и мускатных роз.*

Оберон склонился над спящей и смазал ей веки соком, приговаривая:

*— Что увидишь, встав от сна,
Тем останься пленена
И томись, любви полна.*

Титания, проснувшись, увидела рядом с собой нелепейшее существо с ослиной головой. Это был один из актёров-любителей, которые пришли в лес репетировать пьесу; в лесу он столкнулся с Пэком, и тот заменил его собственную глупую голову ослиной. Выглянув на жуткое чудище, Титания воскликнула:

— О, что это за ангел? Ты так же мудр, как и хорош собой!

— Эх, вот бы мне хватило мудрости выбраться из этого леса — и большего мне и не надо, — ответил уродец с ослиной головой.

— Даже и не пытайся покинуть лес! — воскликнула Титания; ей, околдованной любовным соком, нелепый уродец казался прекраснейшим существом на земле. — Я люблю тебя! Остайся здесь, со мной! Мои эльфы будут исполнять любые твои желания.

И на зов Титании явились четыре эльфа: Душистый Горошек, Паутинка, Мотылёк и Горчичное Зерно.

— Вот ваш господин: верно служите ему, — приказала королева. — Кормите его абрикосами и ежевикой, пурпурным виноградом, спелым инжиром и шелковицей. Крадите для него мёд у шмелей; пестрокрылыми бабочками отгоняйте лунный свет от его сонных глаз!

— Мы готовы! — хором отвечали эльфы.

— *Любовь моя, здесь на цветы присядь!* — говорит Титания чудищу. — *Я голову поглажу дорогую.*

Дай розами тебя мне увенчать.

Дай уши я большие расцелую.

Дуралею с ослиной головой любовь королевы была ни к чему, зато очень льстило, что ему прислуживают эльфы.

— Где Душистый Горошек? — спрашивает он.

— К вашим услугам!

— Почеши мне голову, Душистый Горошек, — велит он. — А где Паутинка?

— Здесь! — отвечает эльф.

— Убей вон того красного шмеля на верхушке чертополоха и принеси мне его медовый мешочек. А где Горчичное Зерно?

— Здесь!

— А от тебя мне ничего не нужно, — отвечает это нелепое создание, — только помоги Душистому Горошку меня чесать. Пора мне к цирюльнику, а то лицо у меня что-то обросло шерстью.

— Не желаешь ли ты чего-нибудь съесть? — спрашивает Титания.

— Немного овса, пожалуй, — говорит уродец (его ослиная голова любит ослиную еду), — а потом, может быть, ещё охапочку сена.

— Хочешь, мои эльфы принесут тебе свежих орешков из беличьего дупла? — предлагает королева.

— Лучше пригоршню-другую гороха, — отвечает он. — И пусть никто из твоего народца не тревожит меня: я хочу вздремнуть.

— Спи! Я тебя руками обовью, — отвечает королева.

Тут появился Оберон — и увидел, как его прекрасная жена осыпает ласками и поцелуями дурацкого актёришку с ослиной головой!

Поняв, что шутка зашла слишком далеко, Оберон сжалился над Титанией и решил избавить её от наваждения. Но прежде король уговорил жену отдать индийского мальчика, которого так стремился заполучить в свою свиту. Затем он смазал её прекрасные глаза соком цветка, снимающего чары. В тот же миг Титания увидела истинный облик того, которого считала воплощением красоты, и поняла, как глупо себя вела. А Оберон вернул незадачливому актёру его собственную голову, такую же глупую, как ослиная.

И вот всё встало на свои места. Оберон и Титания полюбили друг друга ещё сильнее, чем прежде. Деметрий не думал ни о ком, кроме Елены, а Елена и не переставала любить его. А Гермия и Лизандр были самой нежной парой, какую только можно найти во всей округе и даже в зачарованном лесу.

Влюблённые пары возвратились в Афины и сыграли свадьбы, а король и королева эльфов стали жить в радости и веселье — и свидетелем тому был весь заколдованный лес.

БУРЯ

росперо, герцог Миланский, был человеком учёным, всем сердцем преданным науке. Ему были милы одни лишь книги, а управлять Миланом он поручил своему брату Антонио, которому всецело доверял.

Но Антонио оказался недостойным доверия: он мечтал о герцогской короне и ради неё был готов на всё. Убить брата он не решился, потому что миланцы любили Просперо. И тогда он сговорился со злейшим врагом Просперо, королём Неаполя, и с его помощью захватил герцогский престол, заполучив всю власть, богатство и почёт.

А свергнутого Просперо вывезли в открытое море и посадили в утлую лодку без руля, мачты и парусов. Враги так люто ненавидели Просперо, что отправили вместе с ним на верную смерть его дочь Миранду, которой не было и трёх лет.

Однако среди тех, кому было поручено это дело, нашёлся честный дворянин по имени Гонзало, который пожалел герцога и его дочь и решил помочь им. Он сумел тайно пронести в лодку воду, провиант, одежду и самое дорогое для Просперо — его бесценные книги.

Лодку прибило к острову, куда и высадились Просперо с малолетней дочерью, целые и невредимые. То был зародкованный остров: долгие годы он находился во власти злых чар колдуньи Сикораксы. Всех добрых духов, которые жили на острове, колдунья замуровала в стволах деревьев. Сикоракса умерла незадолго до того, как Просперо оказался на острове, но духи, во главе с верховным повелителем Ариелем, остались в своих темницах.

Просперо, пока брат от его имени управлял Миланом, занимался изучением магии и стал великим чародеем. С помощью своего искусства он вызволил пленённых духов, подчинил их своей воле, и они служили ему вернее, чем прежние подданные — миланцы. Просперо мудро и справедливо пользовался своим могуществом и был милостив к духам, выполнявшим его повеления. Лишь с одним существом ему приходилось проявлять суровость: то был Калибан, сын старой злой колдуньи, отвратительное и злобное чудовище, погрязшее в пороке.

Прошли годы, Миранда выросла и стала красивой и доброй девушкой. И вот однажды мимо острова шёл корабль. На нём плыли пре-

датель Антонио, милосердный придворный Гонзало, неаполитанский король Алонзо, его брат Себастьян и сын Фердинанд. Просперо, зная об этом, поднял такую бурю, что даже бывалые мореходы на корабле приготовились к смерти. Принц Фердинанд первым прыгнул в волны и, как подумалось его отцу, утонул; на самом же деле Ариель помог ему добраться до острова. Всех, кто плыл на корабле, смыло за борт, но они невредимыми выбрались на сушу в разных уголках острова. А корабль, который разбился о скалы на их глазах, Ариель поставил на якорь в бухте. Вот такие чудеса творил Просперо и верные ему духи!

Пока шторм ещё бушевал, Просперо показал дочери корабль, храбро боровшийся с волнами, и сказал, что там есть люди — такие же, как они сами (ведь Миранда с раннего детства не видела никого из людей, кроме отца). Сердце девушки сжалось от сострадания к бедным путешественникам, и она стала умолять отца усмирить бурю.

Просперо успокоил дочь, пообещав спасти всех, кто плывёт на корабле. Тогда-то он впервые поведал ей историю своей прежней жизни. Он признался, что затем и вызвал бурю, чтобы враги, Антонио и Алонзо, оказались в его власти.

Закончив свой рассказ, Просперо погрузил Миранду в сон и вызвал Ариеля, чтобы дать ему задание. Повелитель духов, мечтавший о сво-

боде, стал роптать на свой тяжкий труд. Но когда Просперо, рассердившись, напомнил Ариелю о том зле, которое причинила ему колдунья Сикоракса, и о долге благодарности перед освободителем, дух перестал жаловаться и обещал беспрекословно исполнять все приказы Просперо.

— Послужи мне ещё два дня, и я отпущу тебя на волю, — пообещал ему Просперо.

И он повелел Ариелю принять облик морской нимфы и отыскать юного неаполитанского принца.

Ариель, которого принц Фердинанд не мог увидеть, а только слышал, запел:

— *Духи гор, лесов и вод,
Все в хоровод! Утихло море.
В лёгкой пляске, с плеском фук
Сомкните круг, мне дружно вторя!*

И Фердинанд последовал за волшебным напевом; напев превратился в торжественный гимн, и от слов этого гимна сердце принца наполнилось горем, а глаза — слезами:

— *Отец твой спит на дне морском,
Он тиною затянут,
И станет плоть его песком,
Кораллом кости станут.
Он не исчезнет, будет он
Лишь в дивной форме воплощён.
Чу! Слышен похоронный звон!*

Этой песней Ариель заманил зачарованного принца туда, где его ждали Просперо и Миранда. А дальше всё вышло так, как и задумал Просперо. Миранда пришла в восторг от юного принца и полюбила его всем сердцем.

— *Божественным его б я назвала!* — сказала она. —

Нет на земле существ таких прекрасных!

— Так вот она, богиня, в честь которой раздавались волшебные напевы! — воскликнул Фердинанд, с благоговением взирая на её красоту.

Фердинанд не скрывал чувств, которые пробудила в нём Миранда; через считанные минуты после первой встречи он поклялся взять девушку в жёны, если она того пожелает. Но Просперо, втайне довольный происходящим, сделал вид, что страшно разгневался.

— Да ты лазутчик! — грозно сказал он. — Ты тайком пробрался на мой остров! Уж я тебя скую цепями, привяжу тебе шею к пяткам! Будешь пить одну морскую воду, есть ракушки да коренья. Ну-ка следуй за мной!

Фердинанд выхватил меч — но Просперо навёл на него чары, и принц застыл подобно каменному изваянию.

Миранда в ужасе умоляла отца сжалиться над её возлюбленным, но непреклонный Просперо отвёл Фердинанда в темницу, а потом заставил таскать и складывать

тысячи тяжёлых брёвен. Фердинанд повиновался, считая, что сострадание прекрасной Миранды — щедрая плата за его тяжкий труд. Миранда, полная жалости, порывалась помочь ему в трудах, но принц ей не позволил. Он вновь признался ей в любви, и Миранда с радостью в сердце пообещала стать его женой.

Вскоре Просперо освободил Фердинанда и от всей души дал согласие на их брак.

— Бери её в жёны, — сказал он Фердинанду, — она твоя.

Тем временем на другом конце острова Антонио и Себастьян задумали убить Алонзо, короля Неаполя. Они решили, что Фердинанд погиб в море, и, стало быть, после смерти Алонзо трон унаследует его брат Себастьян. Злодеи пытались умертвить Алонзо, пока он спал, но Ариель вовремя разбудил его.

Много шуток сыграл Ариель с врагами Просперо. Однажды он накрыл перед ними роскошный стол, но только они собрались приступить к трапезе, как вдруг раздались громовые раскаты и появился Ариель в виде гарпии, а все яства исчезли. Ариель же произнёс гневную речь, обличая их преступления, и тоже исчез.

Затем Просперо волшебством заманил врагов в рощу близ своей пещеры — не простую, а зачарованную рощу, откуда не было выхода, — и оставил там, дрожащих от страха, пока они не раскаялись в прежних злодеяниях.

Просперо решил в последний раз прибегнуть к магии и больше не заниматься ею:

— *Ныне собираюсь я отречься
От этой разрушительной науки.
Сломаю свой волшебный жезл
И схороню его в земле. А книги
Я утоплю на дне морской пучины,
Куда ещё не опускался лот.*

И вот в воздухе разлилась божественная музыка, и Просперо явился в своём истинном облике герцога Миланского. Он простил раскаявшихся врагов и поведал обо всём, что произошло с тех пор, как его с малолетней дочерью отдали на милость ветра и волн. Алонзо рассказывал больше всех и горестно сокрушался о погибшем сыне. Тут Просперо отдернул занавес в пещеру — и все увидели Фердинанда и Миранду, игравших в шахматы!

До чего же велика была радость Алонзо! Узнав, что прекрасная девушка, которая сидит напротив Фердинанда за шахматной доской, — дочь Просперо и что молодые люди дали друг другу брачные обеты, Алонзо воскликнул:

— Дайте мне руки! Пусть тот, кто не пожелает вам счастья, скорбит всю жизнь!

И вот близится счастливый конец. Корабль, готовый к отплытию, стоит в бухте, и на следующий день все отправятся на нём в Неаполь, где Фердинанд и Миранда заключат брачный союз. Ариель пошлёт им спокойное море и благоприятный ветер, и много радости будет на свадебном пиру.

Просперо вернулся в своё герцогство, и подданные встретили его с восторгом. Он больше не занимался волшебством, но и без того был счастлив: ведь он не только вернул утраченное, но и великодушно простил врагов, оказавшихся в его власти.

Ариель обрёл свободу и стал вольным, как ветер; он летает где хочет и с радостным сердцем поёт:

— Буду я среди лугов
Пить, как пчёлы, сок цветов,
Ночью лютик даст мне кров,
Там засну под крики сов;
Чуть зафи услышу зов —
К ней помчусь быстрее ветров.
Радостной, радостной жизнью свободы
Буду я жить средь цветущей природы.

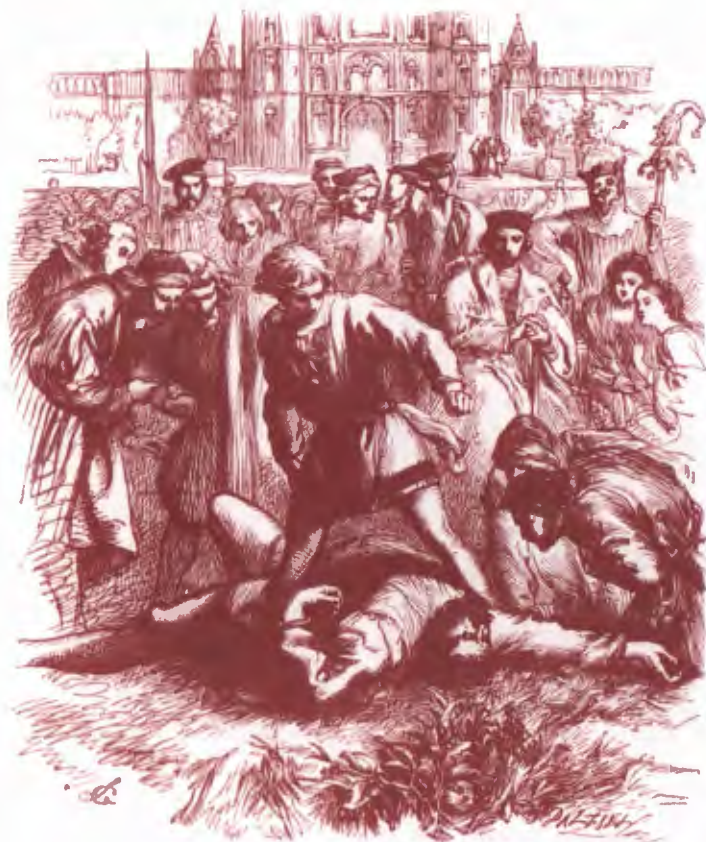

КАК ВАМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ

Некогда жил на свете герцог по имени Фредерик. Этот Фредерик захватил трон, по праву принадлежавший его брату, а самого брата изгнал. Герцог-изгнанник отправился в Арденнский лес и стал вольным стрелком, как отважный Робин Гуд из Шервудского леса в старой доброй Англии. А его дочь Розалинда осталась при дворе, потому что не могла расстаться с Селией, дочерью Фредерика: кулины Селия и Розалинда любили друг друга сильнее, чем родные сёстры.

Однажды Розалинда и Селия пришли посмотреть состязание в борьбе, проходившее при дворе герцога. Все были уверены, что

победит прославленный борец Шарль: мало кто оставался в живых после поединка с ним. На сей раз бороться с Шарлем предстояло юноше по имени Орlando. На вид он был юн и хрупок, и Селія с Розалиндой не сомневались, что ему суждено погибнуть от руки Шарля. Они принялись отговаривать Орlando от опасной схватки. Однако смельчак только укрепился в решимости победить Шарля и заслужить благосклонность прекрасных дам.

Орlando лишился законного наследства, как и отец Розалинды, по вине брата. Вероломство брата сокрушило дух Орlando; пока он не повстречал Розалинду,

ему было всё равно, жить или умереть. Но встреча с этой прекрасной девушкой придала ему сил и храбрости; он сражался как лев и под конец схватки так бросил Шарля оземь, что тот остался лежать без чувств. Герцог Фредерик, восхищённый отвагой юного борца, спросил, как его зовут.

— Я Орlando, младший сын покойного Роланда де Буа, — ответил юноша.

Роланд де Буа был добрым другом изгнанного герцога, и Фредерик, с досадой выслушав ответ, ничем не наградил Орlando. Розалин-

да же обрадовалась, что юный красавец оказался сыном старинного друга её отца. Все придворные ушли вслед за герцогом, а она вернулась сказать храбрецу доброе слово на прощание.

— Возьмите это на память обо мне, благородный юноша, — сказала Розалинда, снимая с шеи цепочку. — Я одарила бы вас щедрее, но, увы, я бедна.

Подруги, оставшись наедине, заговорили о смельчаке, и Розалинда призналась, что полюбила его с первого взгляда.

— Ну, полно тебе, — сказала Селия. — Умей бороться со своими чувствами.

— Мои чувства стали на сторону лучшего борца, чем я, — ответила ей Розалинда. — Но смотри, сюда идет герцог.

— И глаза его пылают гневом, — добавила Селия.

Герцог подошёл к Розалинде и приказал:

— Немедленно покинь мой двор!

— Но почему? — опешила она.

— Не смей задавать вопросов! — ответил герцог. — Отправляйся в изгнание. И если через десять дней ты окажешься ближе чем в двадцати милях отсюда, то умрёшь.

Итак, Розалинда уходит в Арденнский лес искать отца, герцога-изгнанника, а вместе с ней, сбежав от своего отца, герцога Фредерика, отправляется и преданная подруга Селия.

Собираясь в опасное путешествие, девушки решили изменить внешность: Розалинда, которая была повыше, переделалась кресть-

янином, а её кузина — деревенской девушкой. Розалинда стала зваться Ганимедом, а Селия — Алиеной.

И вот, усталые и голодные, они добрались до Арденнского леса и присели на траву отдохнуть. Ганимед попросил у проходившего мимо крестьянина что-нибудь поесть. Тот накормил их, а заодно рассказал, что неподалёку продаются дом и стадо овец. Подруги купили и дом, и стадо — и зажили в лесу как пастух и пастушка.

Вскоре юному Орlando тоже пришлось уйти в лес — после того как старший брат Оливер попытался его убить. В лесу Орlando встретил герцога-изгнанника и остался в его свите. Влюблённый юноша только и думал, что о Розалинде. Бродя по лесу, он вырезал её имя на деревьях и развешивал на кустах любовные сонеты. И эти сонеты не раз попадались на глаза Розалинде и Селии.

Однажды Орlando встретил девушек в лесу. Он не узнал переодетую Розалинду, но ему приглянулся миловидный пастушок, чем-то похожий на его любимую.

— Тут есть один влюблённый дурачок, который бродит по лесам и развешивает сонеты на деревьях, — сказала Розалинда. — Встреть я его, он бы у меня быстро излечился от любовной лихорадки.

Когда Орlando признался, что влюблённый дурачок — это он, мнимый Ганимед предложил ему свой способ лечения:

— Приходите ко мне каждый день! Я притворюсь вашей Розалиндой, буду капризной и своенравной, как положено женщинам, и в конце концов вам станет стыдно за ваши любовные безумства.

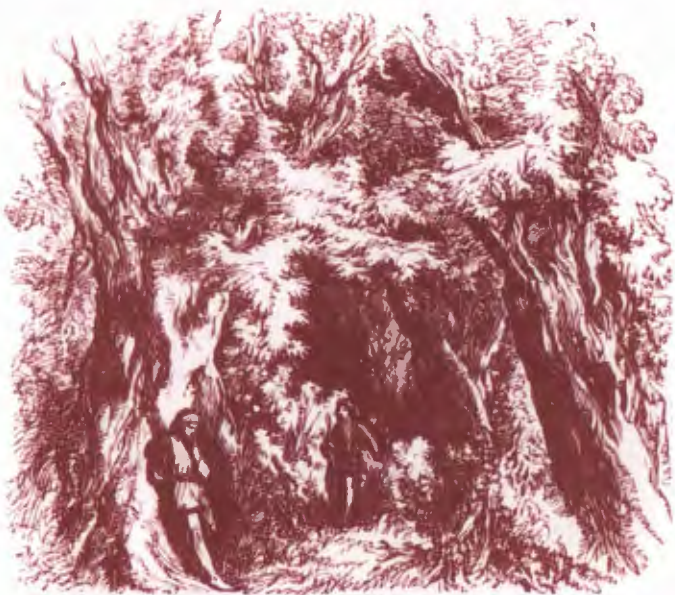
И вот Орландо стал по утрам приходить к Ганимеду и говорить нежные слова, которые хотел бы сказать Розалинде; а она тайне радовалась, что слова любви достаются той, кому и предназначены. Так пролетело много радостных дней.

Однажды утром Орландо, как всегда, отправился к Ганимеду. Вдруг он увидел, что на траве спит человек, а рядом с ним припала к земле львица, готовая разорвать его, как только он проснётся (говорят, что львы не трогают спящую добычу). Орландо взгляделся в спящего — и вдруг узнал в нём своего брата Оливера, того самого, который злодейски хотел его погубить! Благородный Орландо вступил в схватку с львицей и убил её.

Пока Орландо сражался с львицей, Оливер проснулся и увидел, что брат, которого он лишил наследства и пытался лишить жизни, спасает его от дикого зверя, рискуя собой. Тогда Оливер горько раскаялся, попросил у Орландо прощения, и с тех пор братья снова стали друзьями.

Львица сильно поранила руку Орландо; из-за боли он не смог известить своего приятеля-пастушка и потому послал к нему брата. Оливер отправился к Ганимеду и Алиене и рассказал им обо всём.

Алиена была восхищена тем, как мужественно Оливер признал свою вину, и тут же влюбилась в него. Розалинда же, услышав, что Орландо подвергся смертельной опасности, лишилась чувств. Очнувшись, она смущённо произнесла:

— По совести говоря, мне бы следовало родиться женщиной!

И, надо заметить, это было очень близко к истине.

Оливер вернулся к брату и сказал:

— Я полюбил Алиену всей душой! Поэтому я принял решение: я женюсь на ней, останусь в этом лесу и буду вести жизнь простого пастуха, а тебе отдам все свои владения.

— Назначим вашу свадьбу на завтра, — решил Орландо. — Я приглашу герцога с друзьями.

Встретившись с Ганимедом, Орландо рассказал о завтрашней свадьбе брата и добавил:

— *Боже, как это горько — видеть счастье только чужими глазами!*

На это Ганимед ответил:

— Если вы любите Розалинду всем сердцем, то обвенчайтесь с ней тогда же, когда ваш брат женится на Алиене.

Настало утро, и все собрались на свадебное торжество: Оливер с Алиеной, Орландо, Ганимед, герцог-изгнанник со своей свитой. И тут Ганимед вдруг спросил у герцога:

— Ваша светлость, если бы вы вновь обрели Розалинду, вы бы отдали её за Орландо?

— *Да, если б даже отдавал с ней царство,* — ответил герцог.

— А вы готовы взять Розалинду в жены? — спросил Ганимед у Орландо.

— *Да, если б даже был царём всех царств!* — воскликнул тот.

Тогда Ганимед и Алиена (но мы-то знаем, что это были Розалинда и Селия!) попросили подождать их и ненадолго удалились. А когда они вернулись, на Розалинде было нарядное женское платье.

— *Я ваша и веряюсь вам навек*, — сказала она отцу.

— Если мне не изменяют глаза, ты — дочь моя! — воскликнул герцог. Затем она повернулась к Орландо:

— *Я ваша и веряюсь вам навек*.

— Если мне не изменяют глаза, ты — моя Розалинда! — промолвил изумлённый Орландо.

— Я счастлива, что вы — отец мне! — сказала Розалинда герцогу.

— Я счастлива, что вы мой муж! — повторила она, обращаясь к Орландо.

Так Орландо взял в жёны Розалинду, а Оливер — Селию.

А что же герцог-злодей Фредерик? Когда Селия покинула его, бсжав с Розалиндой, он отправился на поиски дочери. На пути ему встретился святой отшельник, который открыл Фредерику глаза на то, как низко и подло тот поступал. Тогда герцог раскаялся, вернул трон брату, а сам ушёл в монастырь замаливать грехи. А Орландо с Розалиндой и Оливер с Селией вернулись вместе с законным герцогом в его владения и стали жить дружно и счастливо.

Но это было позже — а в тот день был устроен свадебный пир и гуляние на мшистых лесных лужайках. В тот же день обвенчались ещё две пары, друзья наших героев, и началось в зелёном лесу такое веселье, какого не увидишь в городских каменных стенах.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

давние времена Сицилией правил король Леонт, а Богемией — его лучший друг король Поликсен. В детстве они были неразлучны, а возмужав, расстались и отправились каждый в своё королевство.

Прошло много лет. Леонт и Поликсен нашли себе жён, у обоих родились сыновья. И вот наконец Поликсен приехал на Сицилию, чтобы повидаться с Леонтом после долгих лет разлуки.

А Леонт, надо заметить, был человеком вспыльчивым и неумным. Ему вдруг померещилось, что его жена Гермiona влюбилась в Поликсена, а тот отвечает ей взаимностью. Раз уж Леонт вбил себе это

в голову, разубедить его было невозможно. И он приказал своему придворному отравить Поликсена — влить ему яд в кубок с вином. Придворный (звали его Камилло) пытался отговорить Леонта от этого злодейства, но видя, что все его усилия напрасны,

притворился, будто готов исполнить приказ. Однако вместо того чтобы отравить Поликсена, Камилло открыл ему замысел Леонта. В тот же день они вместе бежали с Сицилии в Богемию; Камилло остался при дворе Поликсена и сделался его советником и другом.

Жену свою Гермиону Леонт бросил в тюрьму, и там она вскоре родила дочь. Паулина, подруга опальной королевы, красиво нарядила девочку и понесла показать королю. Она надеялась, что при виде беззащитной крошки отцовское сердце смягчится и Леонт сжаляется над Гермионой, которая ничем не провинилась перед мужем и любила его куда сильнее, чем он заслуживал. Но Леонт не пожелал даже взглянуть на дочь. Вместо этого он приказал Антигону, мужу Паулины, отвезти дитя на корабле в самое пустынное и дикое место, какое только найдётся, и бросить на произвол судьбы. Антигону пришлось поклясться, что он исполнит королевскую волю.

Леонт послал гонцов в храм Аполлона, чтобы спросить оракула, верны ли его подозрения. Однако у него не хватило терпения дожидаться возвращения посланников, и он устроил суд над несчастной королевой. Леонт обвинил её в том, что она изменила законному супругу с Поликсеном. Суд уже готов был вынести обвинительный приговор, когда возвратились посланцы с ответом оракула. Ответ был таков:

«Гермиона – целомудренна. Поликсен – безвинен. Камилло – верный слуга. Леонт – ревнивый тиран. Его невинное дитя – законно. У короля не будет наследника, покуда не найдётся утраченное».

В этот самый миг в зал суда ябежал слуга и сообщил, что умер единственный сын Леонта и наследник сицилийского престола. (Принц скончался от горя, не в силах видеть, как несправедливо и жестоко обошёлся с матерью отца.) Услышав это, несчастная королева упала без чувств.

Лишь теперь король начал понимать, что он натворил! Он велел Паулине и фрейлинам унести королеву и сделать всё для её спасе-

ния. Но вскоре Паулина вернулась с горестной вестью: Гермiona тоже умерла.

Леонт окончательно осознал всю меру своего безрассудства. Его жена и сын умерли, осталась только дочь — и ту он отдал на съедение волкам и хищным птицам! Жизнь потеряла для него всякий смысл, и безутешный Леонт много лет провёл в покаянных молитвах.

Новорождённую дочь Леонта оставили на берегу Богемии — того самого королевства, где правил Поликсен. Леонт об этом не узнал, потому что Антигон так и не вернулся домой: на него напал медведь, когда он, выполнив приказ короля, спешил обратно на корабль.

Несчастное брошенное дитя нашёл пастух. Девочка была укутана в материнскую мантию, там же лежали деньги и драгоценности, а в приколотом к мантии письме говорилось, что ребёнок — дочь знатных родителей и зовут её Утрата.

Пастух, человек добросердечный, взял малютку домой и вырастил как собственную дочь. Училась она не больше, чем полагалось дочери простого пастуха, но, унаследовав от своей благородной матери грацию, учтивость и очарование, заметно отличалась от других деревенских девушек.

Однажды принц Флоризель, сын доброго короля Богемии, охотился неподалёку от домика пастуха и увидел Утрату, которая к тому времени стала настоящей красавицей. Принц горячо полюбил прекрасную Утрату и стал видаться с ней почти каждый день. Он свёл знакомство с пастухом, её приёмным отцом, но скрыл от него своё имя и происхождение.

Король Богемии не мог понять, где так часто пропадает его сын, и велел проследить за ним. Слуги донесли Поликсену, что наследник престола влюбился в простую пастушку. Поликсен захотел убедиться в этом; вдвоём с верным Камилло, переодевшись, они отправились к хижине старого пастуха.

В деревне, где как раз отмечали праздник стрижки овец, гостей ждал радушный приём. Все плясали до упаду, юноши покупали своим избранницам ленты, перчатки и кружева...

Флоризель и Утрата не веселились вместе со всеми, а тихо беседовали в сторонке. Поликсен заметил очаровательные манеры и красоту Утраты, но и помыслить не мог, что это потерянная дочь его старого друга Леонта.

— *Ещё такой красотки не бывало*

В глуши полей; её слова, поступки —

Всё веет высшим благородством, странным

В таких местах, — удивился король.

— *Клянусь, она царица творога и сливок!* — отозвался Камилло.

Флоризель, не узнавший переодетых отца и Камилло, попросил их быть свидетелями на его помолвке с прекрасной пастушкой. Тут-то Поликсен и предстал в своём настоящем облике. Он запретил сыну жениться на пастушке, угрожая убить Утрату и её старого отца-пастуха, если она ещё хоть раз увидится с Флоризелем. Затем король уда-

лился, а Камилло, которому так понравились манеры и поведение девушки, остался, чтобы дать ей добрый совет.

Дело в том, что Камилло мечтал вернуться на Сицилию и вновь увидеть своего прежнего повелителя; он знал, что Леонт горько сожалеет обо всём, что натворил в умопомрачении. И вот Камилло предложил влюблённой паре бежать на Сицилию и просить покровительства Леонта. Флоризель и Утрата последовали его совету; старый пастух, страшась королевского гнева, тоже отправился на Сицилию, взяв с собой всё, что когда-то нашёл рядом с малышкой: драгоценности, одежду и письмо, которое было приколото к мантии.

Король Леонт радушно встретил Флоризеля и его невесту. Он был очень любезен с сыном старого друга, однако не мог отвести глаз от Утраты. Видя, как она похожа на покойную Гермину, он безутешно твердил:

— Моя дочь могла бы стать таким же чудесным созданием, если бы я в своей жестокости её не отослал.

Узнав, что дочь короля по его приказу в младенчестве отвезли в неизвестную страну и оставили на пустынном берегу, старый пастух вдруг подумал, что его Утрата и есть та самая пропавшая принцесса! Он поведал королю Леонту ту давнюю историю, а в доказательство своих слов предъявил драгоценности и письмо. Король пришёл в неописуемый восторг и щедро наградил доброго пастуха.

А что же король Богемии Поликсен? Как и предполагал Камилло, он поспешил на Сицилию вслед за сыном, чтобы помешать ему жениться на Утрате (и, конечно, взял Камилло с собой). Но, узнав, что простая пастушка оказалась принцессой и дочерью его старого друга, Поликсен с радостью дал благословение на этот брак.

Однако даже счастливое обретение Утраты не утешило Леонта. Он по-прежнему винил себя в смерти жены, которая могла бы сейчас вместе с ним радоваться счастью их дочери. Леонт вновь и вновь повторял в тоске: «О Гермину!», целовал Утрату и её жениха, принца Флоризеля, просил прощения у Поликсена, благодарил старого пастуха за всё, что тот сделал для его дочери...

И тут к Леонту обратилась Паулина, к которой король все эти годы был особенно добр, помня о её привязанности к покойной Гермione.

— У меня есть статуя королевы, над которой много лет трудился великий итальянский скульптор Джулио Романо, — сказала Паулина. — Она стоит у меня в доме, в отдельной нише. После смерти Гермione я захожу туда по несколько раз на дню. Не желает ли ваше величество взглянуть на статую?

Леонт, Поликсен, Флоризель и Утрата в сопровождении Камилло и придворных отправились в дом Паулины. И вот перед ними тяжёлый пурпурный занавес. Взявшись за его край, Паулина произнесла:

— *Ей равной*

При жизни не было, и после смерти

Её изображение превосходит

Созданье рук людских; его храню я

Особо от других, вот здесь. Готовьтесь

Увидеть то, что более похоже

На жизнь, чем сон на смерть. Вот это чудо.

С этими словами она отдёрнула занавес. Король впился взором в прекрасную статую покойной жены, не в силах вымолвить ни звука.

— Я высоко ценю ваше молчание, — сказала Паулина. — В нём больше изумления, чем в словах. Но отвечайте — похожа ли она?

— Вылитая Гермione! — ответил потрясённый король. — Но в жизни она была моложе, у неё не было морщин.

— О да! — согласился Поликсен.

— В этом отразилось искусство скульптора, — ответила Паулина. — Он изобразил её такой, какой она была бы теперь.

Леонт всё никак не мог оторвать глаз от статуи.

— Если б я знала, государь, — сказала Паулина, — что бедное извращение вас так взволнует, то никогда бы его вам не показала.

— Не закрывай занавесы, — только и мог вымолвить Леонт.

— Довольно, не смотрите так пристально, не то вам придёт в голову, что она движется.

— Пусть! Пусть! — воскликнул король. — Смотри, она как будто дышит!

— Нет, лучше уж я задёрну занавес, — сказала Паулина, — а то вам покажется, что статуя жива.

— Ах, Паулина, — ответил Леонт, — жаль, что мне так не казалось все минувшие годы!

— Если вы выдержите такое потрясение, я заставлю статую спуститься вниз и взять вас за руку, — сказала Паулина. — Но я боюсь, что вы сочтёте это колдовством.

— Делай всё что угодно — я буду только счастлив, — ответил король.

И вот, к изумлению присутствующих, статуя сходит с постамента, спускается по ступенькам и обнимает короля, а он в ответ обнимает и целует её — ведь это вовсе не статуя, а живая, настоящая Гермиона, его королева! Все эти годы она тайно жила в доме Паулины, не открываясь мужу: она знала, что Леонт раскаивается, но не могла простить ему потери новорождённой дочери.

Теперь, когда Утрата нашлась, Гермiona простила мужа, и они вновь стали одной семьёй. Наградой Леонту за долгие годы раскаяния стал тот миг, когда он вновь заключил любимую жену в объятия.

А Флоризель и Утрата сыграли свадьбу и жили вместе долго и счастливо.

КОРОЛЬ ЛИР

В давние времена в Англии царствовал король Лир. Он был стар, устал править королевством и желал лишь одного: спокойно прожить остаток своих дней рядом с тремя любимыми дочерьми. Две из них уже были замужем: одна за герцогом Альбанским, другая за герцогом Корнуэльским, а на руку и сердце младшей дочери претендовали герцог Бургундский и король Французский. Лир созвал дочерей и объявил, что намерен разделить королевство между ними.

— Но сначала, — сказал он, — я хочу узнать, насколько велика ваша любовь ко мне.

Старшая дочь, Гонерилья, — злая, порочная и вовсе не любившая отца — ответила так:

— *Мою любовь словами не опишешь.
Я вас люблю, как жизнь с её красой,
Свободой, властью, почестью, здоровьем.
Вы мне дороже глаз, дороже всех
Сокровищ и чудес. Такой любовью
Ещё любимы не были отцы.*

— Я люблю вас так же, как моя сестра, и даже ещё больше, — сказала вторая дочь, Регана, — мне ничего не нужно, кроме как любить вас.

Лир остался доволен признаниями Реганы. Наконец он обернулся к младшей дочери, Корделии:

— Ну, моя радость — меньшая по возрасту, но не по силе отцовской любви: ведь тебе я оставил лучшую часть королевства. Что скажешь мне ты?

— Ничего, государь, — ответила Корделия.

— *Из ничего не выйдет ничего,* — предостерёг отец. — Подумай и скажи ещё раз.

И Корделия сказала:

— *Я вас люблю, как долг велит, — не больше и не меньше.*

Корделия не могла ответить иначе: ей было противно слышать, как сёстры клянутся в любви к престарелому отцу, на самом деле не испытывая к нему даже простой благодарности.

— Я ваша дочь, — сказала она, — вы меня растили и любили. Я в благодарность плачу вам тем же: люблю вас, слушаюсь и уважаю.

Лир, который любил Корделию больше других дочерей, расстроился и обиделся, — ведь от неё он ждал ещё более возвышенных слов, чем от её сестёр.

— Тогда ступай прочь с глаз моих! — крикнул он. — Вырываю тебя из сердца навеки!

Граф Кентский, один из достойнейших придворных и военачальников Лира, встал на защиту Корделии, но король не пожелал его слушать. Он разделил королевство между Гонерильей и Реганой, а сам решил жить у них поочерёдно, оставив себе лишь свиту из сотни рыцарей.

Герцог Бургундский, узнав, что Корделия лишилась доли в королевстве, отказался просить её руки. Но французский король оказался мудрее.

— Твоя дочь-бесприданница станет моей королевой и королевой всей Франции, — сказал он.

— *Она твоя, король. Иди с ней прочь, — ответил непреклонный Лир. — Нам с ней не жить. Она не наша дочь.*

Так Корделия стала французской королевой, а граф Кентский, который осмелился заступиться за неё, был изгнан из королевства.

Король Лир поселился у старшей дочери. Гонерилья, получив от отца всё, о чём только могла мечтать, теперь досадовала даже на то, что у Лира осталась сотня рыцарей. Она вела себя с отцом непочтительно и сурово, слуги её не желали выполнять приказы короля или делали вид, будто не слышат их.

Тем временем бедный изгнанник граф Кентский притворился, что отправляется в другую страну, а сам переоделся простолюдином и пришёл наниматься слугой к Лиру. Теперь рядом с королём было два преданных друга: верный шут и Кент, которого Лир не узнал и взял в услужение.

Через некоторое время Гонерилья бессовестно заявила отцу, что его рыцари устраивают при её дворе разгул и буйство, и потребовала у Лира:

— *Извольте распустить часть вашей свиты.
Оставьте малое число людей,
Которые не будут забываться
И буйствовать.*

— Рыцари из моей свиты знают, в чём их долг, и дорожат своею честью, — гневно ответил отец. — Не буду больше жить у тебя, Гонерилья! У меня есть и другая дочь!

Лир велел своей свите седлать лошадей, и они отправились в замок Реганы. Но вторая дочь, которая недавно превзошла сестру в клятвах любви к отцу, теперь превзошла её и в неблагодарности. Регана заявила, что даже пятьдесят рыцарей свиты — слишком много, а Гонерилья (которая тоже поспешила к Регане, опасаясь,

что сестра окажется добрее к старому отцу, чем она сама) сказала, что много будет и пятерых — о Лире вполне позаботятся её собственные слуги.

Только теперь Лир понял, что не нужен дочерям, что они хотят от него избавиться, — и ушёл в грозовую ночь.

Грохотала буря, а старик-король, ополоумев от горя, бродил по вересковой пустоши, и рядом с ним был только лишь его шут. Граф Кентский нашёл Лира и уговорил зайти в жалкую лачугу и прилечь отдохнуть. На рассвете верный Кент проводил Лира в Дувр и поспешил известить обо всём случившемся французского короля и его жену, Корделию.

Король отпустил Корделию в Англию, послав вместе с ней своё войско. Оно высадилось близ Дувра и расположилось в палаточном лагере.

Бедного Лира, который скитался по полям в короне из крапивы и сорных трав, привели в палаточный лагерь, накормили и переодели. Когда Корделия пришла к отцу, стала обнимать и целовать его, Лир попросил у неё прощения:

— *Не будь со мной строга.*

Прости. Забудь. Я стар и безрассуден.

Теперь он наконец-то понял, которая из дочерей любила его по-настоящему и была достойна отцовской любви.

Тем временем Гонерилья и Регана объединили свои силы, чтобы разбить войско Корделии, — и им это удалось. Корделия и её отец были захвачены и брошены в темницу. Лишь теперь муж Гонерильи герцог Альбанский — достойный человек, который прежде не видел всей порочности жены, — узнал позорную правду о ней. Гонерилья же, когда стала известна вся мера её безнравственности, покончила с собой, но прежде отравила смертоносным ядом Регану.

Перед смертью преступные сёстры передали в тюрьму приказ умертвить Корделию. Узнав об этом, герцог Альбанский сразу же послал в темницу гонцов, но те не успели помешать убийству.

И вот старый король приносит в палатку герцога Альбанского бездыханное тело любимой дочери.

— *Тебя навек не стало,*

Навек, навек, навек, навек, навек! — в глубочайшем горе произносит он — и умирает с Корделией на руках.

ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ

Орсино, герцог Иллирийский, был влюблён в прекрасную графиню Оливию. Он любил её преданно, но безнадежно: Оливия отвергала его чувства. А когда скончался её брат, графиня перестала пускать в свой дом даже посланцев Орсино. Она передала герцогу, что отныне целых семь лет даже небо не увидит её лица: она будет носить вуаль, как монахиня, — в память об умершем брате, образ которого никогда не померкнет в её сердце.

Герцогу, страдавшему от неразделённой любви, нужен был наперсник — человек, которому он мог бы вновь и вновь рассказывать о своих

сердечных муках. И случай привёл к нему такого человека.

У иллирийского побережья разбился большой корабль. Среди тех, кому посчастливилось выбраться на берег живым, были капитан и молодая красивая девушка

ка по имени Виола. Впрочем, она не радовалась счастливому спасению из морских волн: на корабле вместе с ней плыл её брат-близнец Себастьян, и судьба его оставалась неизвестной. Виола очень любила брата; они были так похожи, что если бы не одежда, их можно было бы спутать. Капитан, утешая Виолу, призвал её не терять надежды:

— Я видел, как ваш брат
Себя к плывущей мачте привязал
И, оседлав её, поплыл по морю.

Узнав, что они попали в Иллирию, где правит молодой герцог Орсино, *по крови и по нраву благородный*, Виола решила переодеться мужчиной и поступить к нему в услужение.

Герцог взял её на службу, и Виола стала пажом по имени Цезарио. День за днём она выслушивала печальную повесть Орсино о его безответной любви. Сначала она ему просто сочувствовала, но со временем сочувствие переросло в любовь.

Однажды герцогу пришло в голову послать Цезарио к Оливии, чтобы тот попробовал уговорить её выйти замуж за Орсино. Виола помимо своей воли отправилась выполнять это поручение.

Она явилась в дом Оливии, но дворецкий Мальволио, человек тщеславный и вздорный («с большим самолюбием», по словам его госпожи), не пустил посланца герцога на порог.

Мнимый Цезарио не пожелал смириться с отказом и поклялся произнести свою речь перед графиней, чего бы то ни стоило. Оливия заинтересовалась посланцем, который не пожелал повиноваться её приказам, и захотела на него взглянуть:

— Ну что ж, послушаем ещё одного посланника Орсино, — сказала она.

Виолу впустили к графине. Та отослала слуг, терпеливо выслушала упрёки в жестокосердии, которыми дерзкий паж осыпал её от имени герцога, — и внезапно влюбилась в мнимого Цезарио. Когда он ушёл, Оливии захотелось одарить его каким-нибудь знаком любви. Она вызвала Мальволио:

— Этот дерзкий посланец оставил здесь перстень. Догони и верни — мне он не нужен. — С этими словами она вручила Мальволио свой собственный перстень.

Мальволио догнал пажа и отдал ему перстень. Виола, не оставлявшая никакого перстня, с женской проницательностью поняла, что Оливия влюбилась в неё. Возвращаясь во дворец герцога, она думала о неразделённой любви, выпавшей на долю её возлюбленного, её самой, а теперь ещё и Оливии.

Когда Цезарио вернулся к герцогу Орсино, тот слушал музыку, пытаясь унять душевную боль.

— Ты ведь тоже влюблён, не так ли? — сказал герцог той, кого принимал за пажа.

— Чуть-чуть, — ответила Виола.

— И какова же твоя возлюбленная? — спросил он.

— Похожа на вас.

— Молода? — поинтересовался герцог.

— Почти что ваших лет, — ответила Виола.

— Слишком стара, ей-богу! — воскликнул герцог. — Жена должна быть моложе мужа.

— Вы правы, государь, — смиренно ответила Виола.

Вскоре Орсино снова пожелал отправить мнимого Цезарио к Оливии. Пытаясь разубедить его, Виола спросила:

— Что, если бы другая женщина полюбила вас так, как вы любите Оливию?

— Нет, так никто другой любить не может, — ответил герцог.

— Мне известно, как способна полюбить женщина, — продолжала Виола. — У моего отца была дочь; она любила так, как я, быть может, полюбил бы вас, если б родился женщиной.

— Расскажи мне эту повесть! — воскликнул Орсино.

— В ней сплошь белые страницы, — ответила Виола. — Моя сестра и слова не проронила о своих чувствах. Любовь таилась в ней, слов-

но червяк в бутоне розы, питаюсь румянцем её щёк. Бледная, задумчивая, она вынуждена была улыбаться, скрывая любовную тоску. Это ли не настоящая любовь?

— Что же, твоя сестра умерла от любви? — спросил герцог.

И Виола, которая на самом деле говорила о своей любви к нему, ответила:

— Из всей семьи остался только я,

И я теперь все дочери отца

И сыновья... хоть точно и не знаю...

Что ж, я отправлюсь к леди?

— Да, ступай же скорее! — воскликнул Орсино, мгновенно потеряв всякий интерес к её рассказу. — И передай ей от меня вот этот драгоценный камень.

И бедная Виола вновь отправилась к графине.

На этот раз Оливия, не в силах скрыть свою любовь, призналась в ней так честно и открыто, что Виола поспешно ушла, сказав напоследок:

— Прощайте же.

К вам герцога слезу

Я больше никогда не принесу.

Но Виола не знала, как велико в ней чувство сострадания. И когда влюблённая Оливия прислала слугу, умоляя мнимого Цезарио прийти ещё раз, у Виолы не хватило решимости ей отказать.

В доме Оливии жил её дядя сэр Тоби со своим другом сэром Эндрю.

Этот сэр Эндрю, неумный и нелепый хвастун, сватался к Оливии, но та отвергла его. Видя, сколь благосклонна Оливия к простому пажу, он был вне себя от ревности и злости.

Сэр Тоби, старый весельчак и выпивоха, обожал шутки и розыгрыши. Зная, что его друг — изрядный трус, он решил позабавиться: убедил сэра Эндрю вызвать пажа на дуэль и сам передал Цезарио вызов, когда тот выходил из дома Оливии.

Бедный паж пришёл в ужас:

— Тогда я вернусь в дом; я не боец!

— Нет, в дом вы не вернётесь, — решительно ответил сэр Тоби, — не то вам придётся сначала сразиться со мной.

Вид у него при этом был такой свирепый, что Виола предпочла не связываться с ним и дождаться сэра Эндрю. Наконец тот появился, тоже перепуганный до полусмерти, и незадачливые дуэлянты со страхом взялись за шпаги. Тут, к счастью для обоих, появились стражники — и трагикомическая дуэль не состоялась. Виола поспешно удалилась, а сэр Тоби пробормотал ей вслед:

— Бесчестнейший, дрянной мальчишка, да ещё и трусливый как заяц!

Тем временем Себастьян, брат-близнец Виолы, счастливо избежавший опасностей бушующего моря, благополучно прибыл в Иллирию, где решил явиться ко двору герцога. Когда он проходил мимо дома Оливии, откуда совсем недавно убежала Виола, его заметили сэр Эндрю и сэр Тоби — и, конечно же, приняли за трусливого Цезарио. Сэр Эндрю, набравшись храбрости, кинулся на него с кулаками.

— Вот тебе! — крикнул он.

— А вот тебе, и вот, и вот, и вот! — ответил Себастьян, отвечая на удар ударом, и ещё одним, и ещё.

Сэр Тоби пришёл на помощь приятелю и схватил Себастьяна за руку. Тот вырвался и обнажил шпагу, готовый драться с обоими, — но тут на шум вышла Оливия, хозяйка дома. Она выгнала дядюшку с его приятелем, осыпая их упреками, а затем обратилась к Себастьяну (которого она тоже приняла за Цезарио), умоляя его успокоиться и войти в дом.

Себастьян с радостью согласился: конечно, он был удивлён и растерян, но не мог устоять перед красотой и учтивостью Оливии. В тот же день они обвенчались: Оливия так и не поняла, что перед ней не Цезарио, а Себастьян и вовсе был уверен, что видит сон или грезит наяву.

Тем временем Орсино узнал, что вышло из визитов Цезарио, и отправился к графине сам, прихватив с собой пажа. Оливия встретила их перед входом в дом. Увидев того, кого она считала своим мужем, Оливия принялась упрекать Цезарио за то, что он так скоро её покинул; герцогу же она заявила, что его сватовство ей так же неприятно, как вопли после музыки.

— Вы всё так же безжалостны? — печально произнёс Орсино.

— Я всё так же постоянна, — отрезала Оливия.

Орсино пришёл в ярость и поклялся отомстить, убив её возлюбленного, Цезарио.

— Пошли, мальчишка! — приказал он пажу.

Виола, покорно следуя за ним, произнесла:

— *Я тысячу смертей готов принять,
Чтоб вам покой и утешенье дать.*

— Цезарио, муж мой, стой! — в ужасе вскричала Оливия.

— Ты её муж?! — гневно переспросил герцог.

— Нет, государь! — ответила Виола.

— Позовите священника! — велела Оливия.

Священник, лишь недавно обвенчавший Оливию с Себастьяном, подтвердил её слова.

— Ах ты двуличный щенок! — рассвирепел герцог. — Что ж, забирай её — но смотри больше не попадайся мне на пути!

Тут неожиданно появился окровавленный сэр Эндрю и принялся обвинять Цезарио в том, что тот разбил голову ему и сэру Тоби.

— *Вы это мне? Я ничего не знаю, — уверенно ответила Виола, —
Вы без причины на меня напали,
Но после вежливого разговора
Мы разошлись без всякого ущерба.*

Конечно же, как она ни клялась, никто ей не поверил... И тут, к всеобщему изумлению, появился Себастьян.

— Я очень огорчён, что ранил вашего родственника, — сказал он жене. — *Простите мне, любимая, хотя бы во имя наших столь недавних клятв.*

Герцог, ошеломлённо переводя взгляд с Виолы на Себастьяна и обратно, воскликнул:

— *Одно лицо, одна одежда, голос, —
И двое! Как в волшебных зеркалах!*

— Родные братья не так похожи, как эти двое! — воскликнул кто-то. — Так который же из вас Себастьян?

— У меня нет братьев, — ответил Себастьян. — А сестру мою поглотили морские волны. Будь вы женщиной, — обратился он к Виоле, —

*Я бы слезами облил ваши щёки,
Сказав: «Привет, погибшая Виола!»*

Увидев брата живым, Виола невероятно обрадовалась и тотчас призналась, что она и есть его сестра. Слушая её поразительную историю, Орсино пожалел девушку — а как известно, от жалости до любви один шаг...

— *Мой мальчик, ты твердил мне сотни раз,
Что я всех женщин для тебя дороже, — проговорил он.
— И эти речи повторю под клятвой, — ответила Виола, —
И эти клятвы сохраню в душе.*

— Дай же мне руку и будь моей супругой и госпожой! — радостно произнёс Орсино.

Так благородная Виола нашла своё счастье, Оливия обрела в Себастьяне любящее сердце и доброго мужа, а он в ней — верную и преданную жену.

МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО

а острове Сицилия есть город Мессина; там-то несколько веков назад и разыгралась эта забавная буря в стакане воды.

Всё началось с радостного события: испанский герцог дон Педро одержал победу над чужеземным войском. Он нанёс врагам такое сокрушительное поражение, что позабылась даже страна, откуда они пришли. После тягот войны дон Педро решил отдохнуть в Мессине со своей свитой, в которую входили его сводный брат дон Хуан и два молодых итальянских аристократа, Бенедикт и Клавдио.

Бенедикт, весельчак и балагур, собирался всю жизнь оставаться холостяком. Зато его друг Клавдио, едва прибыв в Мессину, влюбился в Геро, дочь тамошнего правителя Леонато.

И тут случилось вот что. Июльским днём один человек по имени Борахио собирался окуривать сухой лавандой душную комнату в доме Леонато. Вдруг до него донеслись слова:

— Скажи мне прямо, что ты думаешь о Геро?

Это был Клавдио, который прогуливался с Бенедиктом в саду под окном. Борахио решил подслушать их разговор и устроился поудобнее.

— Скажу, что *она слишком мала для большой похвалы, слишком смугла для светлой и слишком низка для высокой*, — ответил Бенедикт. — Но будь она иной, она была бы нехороша.

— На мой взгляд, Геро прелестнейшая из девушек, — сказал Клавдио.

— А на мой — нет, — парировал Бенедикт, — причём я пока ещё обхожусь без очков. Зато её кузина Беатриче, не будь она такой ехидной, была бы настолько же прекрасней Геро, насколько начало мая прекрасней конца декабря.

Беатриче, племянница Леонато, обожала отпускать язвительные замечания в адрес Бенедикта, который называл её «милейшая Шпилька». Беатриче любила повторять, что родилась под пляшущей звездой и потому не может быть скучной.

Клавдио и Бенедикт всё ещё беседовали, когда к ним подошёл дон Педро и добродушно спросил:

— Что тут у вас за секреты?

— Сделайте одолжение, ваше высочество, заставьте меня говорить, — шутливо ответил Бенедикт.

— Повелеваю властью государя, — поддержал его шутку дон Педро.

— Ты слышишь, граф Клавдио?! — воскликнул Бенедикт. — Я умею хранить тайны, как немой, но уж если «властью государя», то вынужден ответить: он влюблён! Влюблён в малышку Геро, дочь Леонато.

Дону Педро нравились Геро и её отец Леонато; дождавшись, когда Бенедикт уйдёт, дон Педро сказал Клавдио:

— Будь верен своей любви к Геро, а я помогу тебе завоевать её. Этой ночью её отец устраивает маскарад. Я притворюсь, будто я — это ты, и расскажу Геро о твоей любви. Если она будет благосклонна, я пойду к её отцу и спрошу его согласия на ваш союз.

Мужчины предпочитают свататься сами, без посредников; но когда собираешься просить руки единственной дочери правителя города, не стоит отказываться от помощи, которую предлагает герцог. Можно сказать, что Клавдио повезло, — но у каждой удачи есть изнанка.

У Клавдио был тайный недруг — дон Хуан, сводный брат дона Педро. Он ненавидел Клавдио за то, что дон Педро благоволил к нему больше, чем к самому дону Хуану. Вот ему-то Борахио и решил пересказать подслушанный разговор.

— Ну что ж, — сказал дон Хуан, выслушав его, — я тоже пойду на маскарад и повеселюсь там по-своему.

В ту ночь все были в масках и маскарадных костюмах; дон Педро, выдав себя за Клавдио, попросил Геро прогуляться с ним.

Как только они удалились, к настоящему Клавдио подошёл дон Хуан:

— Синьор Бенедикт, я полагаю? — осведомился он.

— Он самый, — солгал Клавдио.

— Синьор, вы имеете большое влияние на моего брата, — сказал дон Хуан. — Он влюбился в Геро. Прошу вас, постарайтесь как-нибудь излечить его от этой любви. Геро ему не пара.

— С чего вы взяли, что он любит её? — недоверчиво спросил Клавдио.

— Я слышал, как он клялся ей в любви, — ответил дон Хуан.

— И я слышал! — поддакнул Борахио.

Доверчивый Клавдио решил, что герцог обманул его.

— Прощай, Геро, — пробормотал он. — Какой я был дурак, что доверился посреднику!

А неподалёку вели оживлённую беседу Беатриче и Бенедикт.

— Вас Бенедикт когда-нибудь смешил? — спросила она, притворяясь, будто не узнаёт его под маской.

— Бенедикт? А кто это такой? — удивлённо спросил Бенедикт.

— Шут принца, — ответила Беатриче и принялась высмеивать Бенедикта, да так язвительно, что тот сказал потом дону Педро:

— *Я бы не женился на ней, даже если бы и приданое за ней дали всё, чем владел Адам до грехопадения.*

Но главным героем маскарада стал не Бенедикт и не Беатриче, а дон Педро. Он в точности исполнил всё, что обещал, и вернул Клавдио радость жизни, появившись перед ним с Геро и Леонато.

— Граф, берите мою дочь и с ней всё моё состояние, — сказал Леонато, и от радости сердце Клавдио едва не выскочило из груди.

— Клавдио, когда вы идёте в церковь? — спросил дон Педро.

— Завтра, — мгновенно ответил Клавдио. — *Время тащится на ко-
стылях, пока любовь не вступит в свои права.*

— Дай ей ещё неделю, милый сын, — попросил Леонато.

— А теперь, — сказал дон Педро, улыбаясь, — нам предстоит найти жену для синьора Бенедикта. Это будет поистине подвиг, достойный Геракла.

— Я вам помогу, — ответил Леонато, — даже если мне придётся не спать десять ночей подряд.

— И я сделаю всё, чтобы подыскать кузине хорошего мужа, — сказала Геро.

Так, со смехом и весельем, закончился маскарад, на котором Клавдио получил хороший урок: доверять друзьям и не верить кому попало.

И вот дон Педро придумал, как поженить Бенедикта и Беатриче. Из них выйдет прекрасная пара, сказал он, только надо их немного подтолкнуть.

— Когда Беатриче окажется рядом, — предложил он друзьям, — мы громко заговорим о том, как Бенедикт сохнет от любви к ней. Она его пожалеет, потом заметит его хорошие стороны, а там и влюбится в него. А когда неподалёку окажется Бенедикт, мы станем жалеть прекрасную Беатриче, которая полюбила этого бессердечного насмешника. Вот увидите: через неделю, если не раньше, он объяснится ей в любви!

Вскоре заговорщикам представился удобный случай. Бенедикт читал в садовой беседке, вокруг которой густо разрослась жимолость; Клавдио и Леонато подошли и сели снаружи.

— Ваша дочь рассказала мне о том письме, что писала Беатриче, — начал Клавдио.

— Ох уж это письмо! — воскликнул Леонато. — Она вскакивает по дюжине раз за ночь и пишет неизвестно что. Но Геро как-то подсмотрела в нём имена: «Бенедикт» и «Беатриче»; а потом Беатриче разорвала его на куски.

— Геро слышала, — добавил Клавдио, — как она плакала, восклицая: «О милый Бенедикт!»

Тщеславный Бенедикт поверил в эту неправдоподобную историю, и она тронула его до глубины души. «Беатриче мила и умна, — ска-
зал он себе. — Но я не должен зазнаваться. Я уже чувствую, что люблю
её. Все, конечно, будут потешаться надо мной, но их бумажные стрелы
не причинят мне вреда».

Тут в беседку зашла Беатриче со словами:

— Меня послали пригласить вас обедать, хоть я и не хотела идти.

— Благодарю вас, милая Беатриче, — от всей души ответил Бе-
недикт.

— Мне было так же просто заслужить вашу благодарность, как
вам поблагодарить меня, — холодно произнесла Беатриче.

Хотя ответ и был холодным, на душе у Бенедикта потеплело: он
не сомневался, что на самом деле Беатриче рада его видеть.

Геро взялась за нелегкую задачу растопить сердце Беатриче —
и без труда нашла способ. В один прекрасный день она просто-напро-
сто сказала своей служанке Маргарите:

— Беги в гостиную и шепни Беатриче на ушко, что мы с Урсулой
гуляем в саду и разговариваем о ней.

Геро не сомневалась, что Беатриче не преминёт подслушать этот
разговор. И действительно: услышав слова Маргариты, Беатриче по-
спешила укрыться в садовой беседке.

— А правду ли говорят, — спросила Урсула, другая служанка Ге-
ро, подходя вместе с нею к беседке, — что Бенедикт страстно в неё
влюблён?

— Так говорят и принц, и мой жених, — ответила Геро. — Они
просили меня передать ей, но я сказала: «Нет! Пусть лучше Бенедикт
поборет это чувство».

— Но почему?

— Да потому, что Беатриче — невыносимая гордячка. Глаза еёечно сверкают насмешкой и презрением. Она чересчур тщеславна для любви. Мне будет больно видеть, как она посмеётся над любовью Бенедикта.

*Пусть лучше, словно пламень приглушённый,
Наш Бенедикт зачахнет от любви.*

— Я не согласна, — возразила Урсула. — Думаю, ваша кузина достаточно умна, чтобы разглядеть достоинства Бенедикта.

— Да, в Италии другого такого нет, — согласилась Геро. — Не считая моего Клавдио, конечно.

Геро и Урсула, весело болтая, ушли из сада, а взволнованная и растроганная Беатриче воскликнула:

— О бедный Бенедикт!
*Любовью за любовь вознагражу я,
И станет сердце дикое ручным.*

Но давайте от добрых замыслов друзей перейдём к коварным планам врагов.

Из козней дона Хуана на карнавале ничего не вышло, и тогда Борахио предложил новый план: убедить Клавдио и дону Педро, что Геро — легкомысленная особа, у которой уже есть возлюбленный.

Вечером накануне свадьбы дон Хуан, придя к дону Педро и Клавдио, поинтересовался, действительно ли Клавдио собирается взять в жёны Геро.

— Вам же это известно! — удивился дон Педро.

— Он может передумать, — ответил дон Хуан, — когда увидит то, что я ему покажу.

И он отвел их в сад. Там они увидели женщину, которая, выглянув из окна комнаты Геро, вела любовные беседы с Борахио.

Клавдио и дон Педро поверили, что эта женщина — Геро; Клавдио воскликнул:

— Завтра же я осрамлю её при всех!

Но то была вовсе не Геро, а только лишь её служанка Маргарита.

Клавдио и дон Педро в смятении покинули сад, а дон Хуан тихо смеялся им вслед.

За свой подлый замысел Борахио получил от дон Хуана кошелёк с тысячей дукатов; отправившись бродить по ночным улицам со своим другом Конрадом, он беспечно хвастался богатством и тем, как легко оно ему досталось.

Ночной сторож, услышав их разговор, решил взять под стражу человека, которому заплатили тысячу дукатов за низкий поступок. Сторож арестовал Борахио и Конрада и отвёл в тюрьму.

На следующий день в церкви собрались все знатные мессинцы. Появилась Геро в подвенечном платье; лицо её было прекрасно и безмятежно, а глаза сияли чистотой.

Отец Франциск, проводивший церемонию, спросил у Клавдио:

— Вы пришли сюда, синьор, чтобы заключить брачный союз с этой девушкой?

— Нет! — отвечает Клавдио.

Леонато, решив, что жених хочет блеснуть остроумием, сказал:

— *Он пришёл, чтобы вступить в брачный союз, а уж заключите его вы, отец Франциск.*

Тогда монах обратился к Геро:

— Вы пришли сюда, синьора, чтобы вступить в брачный союз с графом?

— Да, — ответила Геро.

— Если кому-либо из вас известны препятствия к заключению этого союза, я требую, чтобы вы их открыли.

— Вам известно какое-нибудь препятствие, Геро? — спросил Клавдио.

— Нет, — ответила она.

— А вам, граф? — продолжал монах.

— Осмелюсь ответить за него: нет, — сказал Леонато.

— На что только не осмеливаются люди, сами не зная, что делают! — с горечью воскликнул Клавдио, а затем спросил у Леонато:

— Отец, вы с лёгкою душой и добровольно отдаёте мне в жёны свою дочь?

— Да. Я отдаю её вам, как мне дал её Господь, — ответил Леонато.

— А чем же я вам отплачу за этот драгоценный дар? — продолжал Клавдио.

— Ничем, — неожиданно вступил в разговор дон Педро, — разве что вернёте его обратно.

— Мой герцог, я учусь у вас, — сказал Клавдио. — Возьмите дочь обратно, Леонато.

Вслед за этими жестокими словами прозвучали обвинения от донна Педро и донна Хуана.

Сама церковь, казалось, потеряла свою святость. Геро пыталась доказать свою невиновность, но не выдержала и упала в обморок. Её гонители удалились, приглашённые на свадьбу гости тоже разошлись; остались лишь Леонато и Бенедикт с Беатриче.

Леонато поверил клевете; вне себя от горя и гнева, он кричал:

— Уйдите все! Пускай она умрёт!

Но отец Франциск видел, что Геро безгрешна — видел по её ясным глазам, в которых, как в зеркале, видна душа.

— Она невиновна, — решительно заявил он. — Тысяча признаков говорит мне об этом.

Под его добрым взглядом Геро пришла в себя. Растерянный Леонато не знал, что и думать. Тогда монах сказал:

— Уходя, они решили, что Геро умерла от позора. Пусть же считают её мёртвой, пока не откроется правда; и тогда клевета обернётся раскаянием.

— Это добрый совет, — сказал Бенедикт.

И Леонато увёл Геро в потаённое место, а в церкви остались лишь Бенедикт и безутешно плачущая Беатриче.

— Я уверен, что вашу прекрасную кузину оклеветали, — сказал он, но Беатриче по-прежнему лила слёзы.

— Я вас люблю больше всего на свете, — нежно произнёс Бенедикт. — Не странно ли это?

— Я тоже могла бы сказать, что люблю вас больше всего на свете. Но я этого не скажу. Моё сердце переполнено жалостью к Геро.

— Скажите, что я могу сделать для неё?

— Убейте Клавдио!
— Нет! Ни за что на свете! — воскликнул Бенедикт.
— Вы убиваете меня своим отказом, — ответила Беатриче. — Тогда прощайте.

— Хорошо! Я вызову его на дуэль! — решительно сказал Бенедикт.

А тем временем в тюрьме полицейский пристав начал допрашивать Борахио и Конрада. Он призвал обвинителя, ночного сторожа, и тот рассказал о награде в тысячу дукатов, которую Борахио получил за свои козни против Геро.

Леонато ничего не знал об этом допросе, однако теперь он уже твёрдо верил в невиновность дочери. Он прекрасно играл роль убитого горем отца, потерявшего дочь, и когда дон Педро и Клавдио попытались завести с ним дружескую беседу, он сурово ответил, обращаясь к Клавдио:

— *Ты дочь мою безвинно опорочил,
И клевета пронзила сердце ей.*

Я вызываю тебя на дуэль!

— Я не могу биться со стариком, — ответил Клавдио.

— Старика убить не можешь, а мою девочку смог! — с презрением воскликнул Леонато, и Клавдио залился краской.

Хотя дон Педро и Клавдио не чувствовали за собой никакой вины, обвинения Леонато задели их за живое. Когда Леонато ушёл и в комнату влетел Бенедикт, Клавдио полушутя-полусерьёзно пожаловался ему:

— Нам чуть не откусил носы беззубый старик.

— Вы негодяй, — резко ответил Бенедикт. — Я буду драться с вами чем угодно и когда угодно, а иначе я назову вас трусом.

— Я принимаю ваше приглашение, — ответил изумлённый Клавдио.

— Он зовёт вас на пирушку? — спросил подошедший дон Педро.

— Да, приглашает меня на телячью голову, — ответил Клавдио. — И я надеюсь, что сумею её как следует разделать.

Бенедикт лишь мрачно улыбнулся в ответ.

В это время дверь отворилась, и полицейский пристав ввёл арестованных: Борахио и Конрада.

— В чём провинились эти люди? — спросил дон Педро.

И Борахио счёл за благо во всём признаться. Он возложил всю вину на дону Хуана, который к тому времени уже сбежал.

— Геро мертва, — сказал он, — и я не желаю ничего, кроме возмездия за мою низость.

Клавдио был полон стыда и раскаяния.

— Теперь совершенно ясно, что Геро ни в чём не виновна, — сказал он вошедшему Леонато. — Назначьте мне любое наказание, какое захотите.

— Леонато, — смиренно вторил ему дон Педро, — я готов принять любую кару.

— Я хочу, — ответил Леонато, — чтобы вы объявили о невинности моей дочери и почтили её могилу печальным гимном. А от вас, Клавдио, я хочу вот чего: у моего брата есть дочь, по виду неотличимая от Геро. Женитесь на ней, и я позабуду все обиды.

— Вы благородный человек! — воскликнул Клавдио. — Я согласен.

И он отправился сочинять торжественный гимн.

Придя в церковь вместе с доном Педро и его свитой, Клавдио исполнил свой гимн перед фамильным склепом семьи Леонато, а затем добавил:

— Спи с миром, Геро! Каждый год я буду совершать этот обряд.

И вот Клавдио приготовился взять в жёны нелюбимую незнакомку, хотя сердце его было отдано умершей Геро.

В назначенный час он в сопровождении дона Педро явился в дом Леонато. Там его уже ждали отец Франциск, Леонато и Бенедикт. Вслед за Клавдио в комнату вошёл Антонио (брат Леонато) и девушки в масках.

Антонио подвёл одну из девушек к Клавдио.

— Позвольте мне увидеть ваше лицо, — попросил тот.

— Сначала поклянитесь с ней обвенчаться, — ответил Леонато.

— Дайте вашу руку, — сказал Клавдио незнакомке в маске. — Перед святым отцом я клянусь на вас жениться, если вы согласитесь стать моей женой.

— При жизни я была вашей женой, — ответила девушка, снимая маску.

— Вторая Геро! — вскрикнул Клавдио.

— Геро была мертва, пока жило злословье, — сказал Леонато.

Монах уже собрался обвенчать воссоединившуюся пару, но тут вмешался Бенедикт.

— Пойдите! Кто здесь Беатриче?

Беатриче сняла маску, и Бенедикт спросил её:

— Вы меня любите?

— Не так чтобы очень, — ответила она. — А вы любите меня?

— Не так чтобы очень, — повторил её слова Бенедикт.

— А мне клялись, что вы насмерть влюблены, — сказала Беатриче.

— О, и мне о вас то же говорили, — ответил он.

— Вот ваше собственноручное признание в любви, — сказал Бенедикту Клавдио, протянув ему бумагу с неуклюжим сонетом в честь Беатриче.

— А вот другой, во имя Бенедикта, — Геро показала другой кусок бумаги. — Я его украла у Беатриче.

— Вот чудеса! Наши руки свидетельствуют против наших сердец! — воскликнул Бенедикт. — Ну что ж, я беру тебя в жёны, Беатриче.

— Я стану вашей женой — но лишь чтобы спасти вас от смерти, — последовал быстрый ответ.

Они поцеловались, и монах обвенчал их сразу же после Клавдио и Геро.

— Ну, как поживает женатый Бенедикт? — с улыбкой спросил дон Педро.

— Я так счастлив, что никому не удастся меня расстроить, — ответил Бенедикт. — Шутите сколько вам вздумается. А тебя, Клавдио, я собирался поколотить, но раз ты теперь мой родственник, то оставайся цел — и люби мою кузину.

— Жаль, что я не успел пройтись по тебе своей дубинкой, — шутливо ответил Клавдио.

— Ладно, ладно, мир! — сказал Бенедикт. — Давайте лучше танцевать!

И они пустились в пляс. Даже известие о том, что наконец-то схвачен дон Хуан, не прервало их веселья — ведь трудно желать возмездия тому, чьи злодейские замыслы потерпели крах.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

авным-давно жили в Вероне два знатных семейства: Монтекки и Капулетти. И те и другие были богатыми и, наверное, вполне здравомыслящими, как большинство состоятельных людей. Но кое в чём им явно не хватало здравого смысла. Была между двумя семействами давняя вражда — и вместо того чтобы закончить её миром, как сделали бы люди благоразумные, они эту вражду всячески поддерживали и раздували, не давая ей угаснуть. Если кто-то из Монтекки встречал на улице кого-то из Капулетти, то они даже не здоровались; если же разговор всё-таки начинался, то быстро переходил в об-

мен оскорблениями, а нередко и тумаками. Их дальние родственники и друзья вели себя столь же безрассудно, поэтому вражда двух семей постоянно приводила к уличным схваткам и дуэлям.

Однажды глава семейства Капулетти устроил большой праздник с застольем и танцами и пригласил на него всех желающих — кроме Монтекки, конечно.

Однако юный Ромео Монтекки очень хотел попасть на праздник, поскольку туда собиралась Розалина — девушка, в которую он был влюблён. Эта Розалина не питала к Ромео особых чувств, да и он не слишком серьёзно к ней относился: просто он хотел любить, но ещё не встретил свою настоящую любовь.

И вот Ромео с друзьями, которых звали Меркуцио и Бенволио, отправился в дом Капулетти. Глава семейства любезно встретил их, и юный Ромео смешался с толпой знатных веронцев, одетых в атлас и бархат. У мужчин на шеях звенели золотые цепи, на эфесах шпаг сверкали самоцветы; у дам на груди и руках искрились бриллианты, а их яркие пояса были изукрашены драгоценными камнями. Ромео тоже надел свой лучший наряд, и хотя лицо его скрывала черная полумаска, каждый сказал бы, что он самый красивый юноша в этом зале.

Вдруг Ромео увидел девушку столь прекрасную, что тут же позабыл о Розалине. Он смотрел, как незнакомка танцует, любовался её атласным платьем и жемчугами, и весь мир виделся ему блёклым и никчёмным в сравнении с ней. Из уст Ромео невольно вырвались слова восхищения — и тут Тибальт, племянник синьоры Капулетти, понял, кто скрывается под маской!

Тибальт в гневе кинулся к дяде — рассказать, что к ним на бал заявился незваный Монтекки. Однако синьор Капулетти был слишком благороден, чтобы обидеть гостя, будь то даже Монтекки; он велел Тибальту умерить пыл и вести себя прилично. Но задира Тибальт только и ждал случая, чтобы затеять ссору с Ромео.

Тем временем Ромео пробился к девушке сквозь толпу. За несколько минут он успел признаться ей в любви и даже поцеловать. Тут девушку позвали, и она ушла; а Ромео узнал от её кормилицы, что красавицу, похитившую его сердце, зовут Джульетта и она дочь хозяина дома, его кровного недруга. Опечаленный, но по-прежнему влюблённый, Ромео покинул дом Капулетти.

— Кто тот синьор — тот, что не любит танцевать? — спросила у кормилицы Джульетта.

— Это Ромео Монтекки, единственный сын вашего закланного врага, — ответила кормилица.

Расстроенная Джульетта поднялась к себе в спальню и вышла на балкон. Внизу в свете луны серебрился сад, а в саду среди деревьев прятался Ромео. Он пробрался туда тайком в надежде хотя бы издали увидеть возлюбленную. Джульетта же, ни о чём не подозревая, стала рассказывать спящему саду о своей любви к Ромео.

Подслушав её признание, Ромео затрепетал от восторга. Он глядел на балкон, увитый листвой, любовался прекрасным лицом Джульетты, слышал её нежный голос — и ему чудилось, что какой-то волшебник перенёс его в заколдованный сад.

— Ромео... ах, зачем тебя зовут Ромео? — промолвила Джульетта. —

Неужто больше нет других имён?

Что значит имя? Роза пахнет розой,

Хоть розой назови её, хоть нет.

— Назови меня любимым — и клянусь, я сменю имя и больше не буду зваться Ромео! — воскликнул юноша, выходя из тени кипарисов и олеандров под свет луны.

Джульетта испугалась внезапного появления незнакомца — но до чего же она обрадовалась, узнав в нём Ромео! И они повели долгую беседу — он внизу, в саду, она на балконе, — пытаясь найти те драгоценные слова, которыми обмениваются любящие сердца.

Когда влюблённые вместе, время для них летит стрелой. Уже почти рассвело, а Ромео и Джульетте казалось, что прошло всего лишь мгновение. Они всё медлили и никак не могли расстаться...

Наконец они простились. Джульетта ушла к себе, и тёмные шторы скрыли свет в её окне. Ромео, как зачарованный, покинул тихий, покрытый росой сад.

На другой день Ромео с самого утра поспешил к монаху по имени Лоренцо и стал умолять немедленно обвенчать их с Джульеттой. После недолгих колебаний брат Лоренцо дал своё согласие.

Джульетта отправила к Ромео старую кормилицу. Та вернулась с известием, что Ромео всё устроил и на полдень назначено тайное венчанье.

Из-за бессмысленной ссоры между Монтекки и Капулетти влюблённые не могли попросить родительского благословения. Поэтому брат Лоренцо и согласился обвенчать их тайно. Он надеялся, что правда вскоре откроется и примирит две семьи, положив конец давней вражде.

И вот Ромео и Джульетта обвенчались в келье брата Лоренцо, а затем со слезами и поцелуями расстались. Ромео обещал прийти вечером в сад, и кормилица приготовила верёвочную лестницу, чтобы спустить её из окна: Ромео поднимется в комнату Джульетты и сможет побеседовать наедине с молодой супругой.

Но в тот же день случилось непоправимое.

Тот самый Тибальт, что так злился во время праздника, повстречал на улице Ромео и двух его друзей, Меркуцио и Бенволио. Тибальт обозвал Ромео негодяем и вызвал на дуэль — но Ромео отказался драться с двоюродным братом Джульетты. Тогда Меркуцио, отстаивая честь Монтекки, вступил в схватку с Тибальтом и был убит. Ромео, увидев, как умирает Меркуцио, забыл обо всём, в гневе бросился на убийцу своего друга и бился с Тибальтом, пока тот не упал замертво.

Так в день своего бракосочетания Ромео убил двоюродного брата Джульетты и был за это приговорён к изгнанию. Бедняжка Джульетта и её юный супруг всё же встретились той ночью: Ромео поднялся в её комнату по верёвочной лестнице — но встреча эта была полна печали. Они расстались со слезами на глазах и с тяжестью на сердце, не зная, когда им суждено увидеться вновь.

Отец Джульетты, конечно же, не знал, что дочь уже обвенчана, и собрался выдать её за знатного веронца графа Париса. Когда Джульетта ответила отказом, синьор Капулетти пришел в неописуемую ярость. Джульетта поспешила за помощью к брату Лоренцо — и монах посоветовал ей притвориться, что она согласна:

— Я дам тебе лекарство: выпив его, ты сорок два часа пролежишь бездыханной. Все решат, что ты умерла, и в церковь тебя пове-

дут не венчать, а хоронить. Тебя по-
ложат в склеп, а когда ты очнёшься,
мы с Ромео уже будем сидеть подле
тебя. Ты согласна? Не боишься?

— *Дай склянку мне. Не говори
о страхе,* — ответила Джульетта.

Она возвратилась домой
и сказала отцу, что согласна выйти
замуж за Париса. Решись она от-
крыть синьору Капулетти правду —
и... Впрочем, тогда история Ромео
и Джульетты была бы совсем иной.

Отец обрадовался, что добил-
ся своего; Капулетти тут же разо-
слали приглашения друзьям и стали
готовиться к свадебному торжеству. Той ночью никто не спал — ведь
предстояло сделать множество дел, а времени было в обрез. Синьор
Капулетти спешил поскорее выдать дочку замуж, потому что ему боль-
но было видеть, как она страдает. Мы-то с вами знаем, что Джульетта
терзалась из-за Ромео, но отец думал, что она оплакивает своего двою-
родного брата Тибальта, и решил, что замужество — лучшее лекарство
от печальных мыслей.

Рано утром кормилица отправилась будить Джульетту и наря-
жать её к свадьбе, но Джульетта никак не просыпалась.

— О горе, горе! — вскричала кормилица. — Помогите! Моя девоч-
ка умерла! О, лучше бы мне не дожить до этого проклятого дня!

Прибежала мать Джульетты, а за ней синьор Капулетти с Пари-
сом. Спящая Джульетта была так бледна, что казалась бездыханной,

и все их рыдания не пробудили её к жизни. В тот день в семье Капулетти вместо свадьбы были похороны.

Тем временем брат Лоренцо отправил в Мантую, где скрывался Ромео, гонца с письмом о том, что произошло и что должно произойти. И всё бы хорошо, но гонец не успел доставить письмо в срок.

А дурные вести не стоят на месте. Слуга Ромео, оставшийся в Вероне, знал о тайной помолвке хозяина, но не был посвящён в замысел брата Лоренцо. Сразу после похорон этот слуга поспешил в Мантую известить Ромео, что его юная жена скончалась и лежит в гробу.

— Нет! — выкрикнул убитый горем Ромео. — Раз так, Джульетта, мы этой же ночью будем вместе!

Ромео купил яд и помчался в Верону. Там он сразу же направился к гробнице, в которой лежала Джульетта. Её положили не в могилу, а в семейный склеп Капулетти. Ромео взломал дверь и по каменным ступенькам начал спускаться в склеп — и вдруг услышал голос:

— Остановись!

Это был граф Парис, ещё утром мечтавший стать мужем Джульетты.

— Как ты посмел, подлец Монтекки, явиться сюда и потревожить покой усопших Капулетти?! — закричал Парис. — Тебе же сказали, что если ты вернёшься в Верону, то умрёшь!

Несчастный Ромео, почти потерявший рассудок от горя, всё же попытался отвечать вежливо:

— Да, я умру — за этим и вернулся. Ты же, милый друг, оставь меня и уходи, пока я не причинил тебе вреда. Тебя мне жаль больше, чем себя... оставь меня... уйди...

— Я презираю твои слова, — крикнул Парис, — и задержу тебя как преступника!

Тогда в гневе и отчаянии Ромео выхватил шпагу. Они стали биться, и Ромео нанёс сопернику смертельный удар.

— Ты убил меня! — вскричал Парис. — О, если в тебе есть сострадание, открой гробницу и положи меня рядом с Джульеттой!

И Ромео поклялся выполнить его предсмертную просьбу.

Он внёс убитого в гробницу, уложил рядом с Джульеттой, и сам встал на колени перед мёртвой возлюбленной. Ромео говорил с ней, обнимал, целовал в холодные губы... Он не сомневался, что Джульетта мертва, а между тем близился час, когда ей предстояло очнуться от забытья.

Увы, Ромео этого не дождался — он выпил яд и упал рядом с любимой женой.

Лишь теперь, когда было уже слишком поздно, появился брат Лоренцо — и тут же очнулась Джульетта. Она открыла глаза и увидела рядом с собой мужа и жениха, но, увы, оба они были мертвы.

На звуки схватки между Ромео и Парисом прибежали люди. Брат Лоренцо, слышав голоса, скрылся, и Джульетта осталась одна. Она увидела склянку с ядом, но та была пуста: Ромео выпил всё до капли. Тогда Джульетта схватила кинжал мёртвого Ромео, вонзила его себе прямо в сердце — и умерла на груди любимого.

Так закончилась история этих самых преданных и самых несчастных влюблённых.

Когда старшие Монтекки и Капулетти узнали обо всём от брата Лоренцо, горю их не было предела. Над телами своих детей, павших жертвами их застарелой вражды, они раскаялись, протянули друг другу руки и поклялись жить в мире и согласии, забыв старые обиды.

*Но повесть о Ромео и Джульетте
Останется печальнейшей на свете...*

ПЕРИКЛ

ерикл был сыном царя, правившего в Тире. Когда отец его умер, Перикл сам стал царём. Вскоре у Перикла появился грозный враг — Антиох, злобный и жестокий царь Антиохии. Жизни Перикла угрожала опасность, и он, по совету своего верного помощника Геликана, решил отправиться в дальние страны. Он отплыл в Тарс, оставив Геликана правителем на время своего отсутствия.

Вскоре выяснилось, что, последовав совету Геликана, Перикл поступил мудро. Едва он отплыл из Тира, как туда прибыл приближённый Антиоха, которому его владыка повелел убить Перикла. Верный

Геликан быстро выяснил, зачем приплыл незванный гость, и послал гонцов в Тарс предупредить Перикла о нависшей над ним угрозе.

Народ Тарса жил в голоде и нищете; Перикл, не найдя там надёжного убежища, отправился дальше. В море его корабль попал в ужасный шторм и затонул; из всех, кто был на борту, спасся один лишь Перикл. Вымокший, избитый о камни, полуживой, он выбрался на прибрежные скалы Пентаполиса — страны, где правил добрый царь Симонид. На пустынном берегу измученному Периклу нечего было ждать, кроме скорой смерти. Но, к счастью, вдоль берега шли рыбаки, которые дали Периклу одежду и утешили его добрым словом.

— *Пойдёшь с нами, будем жить-поживать, по праздникам у нас будет мясо, а в постные дни — рыбка, а то и пироги да вафли. Идём! Мы все тебе будем рады!*

Рыбаки рассказали, что ко двору Симонида на рыцарский турнир съезжается великое множество принцев и рыцарей, а победитель турнира получит в жёны царскую дочь, прекрасную Таису.

— Как бы я хотел оказаться среди них, — вздохнул Перикл.

Тут появился ещё один рыбак, с трудом волочивший свою сеть. Когда её вытащили на берег, вместо рыбы в ней оказались ржавые доспехи. Взглянув на них, Перикл возблагодарил судьбу за милость: это были его собственные доспехи, доставшиеся ему от покойного отца! Перикл уговорил рыбаков отдать доспехи ему, чтобы он мог сразиться на турнире,

и пообещал в случае удачи щедро их наградить. Рыбаки охотно согласились, и Перикл отправился на турнир.

На турнире Перикл превзошёл всех рыцарей и завоевал венок победителя, которым его собственноручно увенчала царская дочь. Потом, по велению отца, она принялась расспрашивать незнакомца, кто он и откуда родом. Перикл назвался рыцарем из Тира, скрыв свой царский титул, — иначе Антиох рано или поздно узнал бы, где он, и ему снова пришлось бы спасаться бегством.

Но Таисе было не важно, царь он или простой рыцарь, — ведь она полюбила Перикла всей душой. Она сказала отцу, царю Симониду, что хочет стать женой этого чужеземного рыцаря, а иначе ей не жить! И царь, которому пришлось по душе храбрость и благородство Перикла, с радостью благословил дочь на этот брак.

Так Перикл женился на прекрасной царевне, за руку и сердце которой сражались рыцари всего мира.

Тем временем умер злобный царь Антиох. Жители Тира, ничего не зная о судьбе своего царя Перикла, потребовали, чтобы Геликан занял пустующий трон. Но верный Геликан попросил их подождать ещё год — вдруг Перикл всё-таки вернётся! — и разослал гонцов во все стороны света на поиски пропавшего царя.

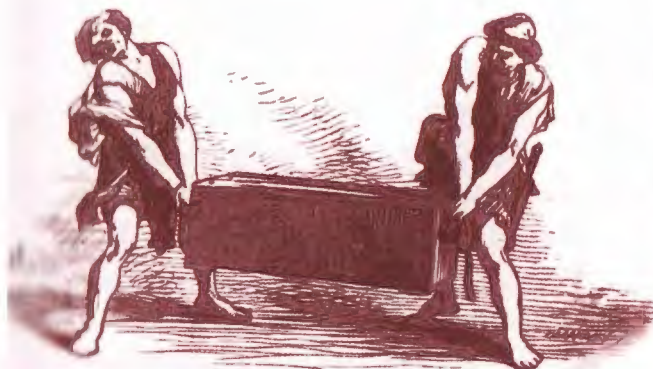
Один из этих посланцев добрался до Пентаполиса, нашёл там Перикла и рассказал ему, что народ недоволен его отсутствием. Теперь, когда Антиох умер, Периклу ничто не мешало вернуться в Тир. Перикл наконец открыл жене и тестю, кто он на самом деле. Народ Пентаполиса ликовал, узнав, что доблестный супруг Таисы — царь по праву рождения. И Перикл вместе с любимой женой отправился в долгое морское путешествие к родным берегам.

Но море было немилосердно к нему: вновь разразилась страшная буря. В самый её разгар у Перикла родилась дочь. Но радость длилась недолго: жена Перикла, его дорогая Таиса, умерла.

Пока Перикл молился богам, прося их смилостивиться над его крошечной дочуркой, пришли моряки и потребовали отправить тело царицы за борт: по морским поверьям, шторм не уляжется, пока на корабле есть мертвец. Таису положили в большой ящик с душистыми травами и драгоценностями, и несчастный царь вложил туда письмо:

*«Я, царь Перикл, взываю к вам.
Коль гроб сей, вверенный волнам,
На берег море принесёт,
Того молю я, кто прочтёт:
В гробу лежит моя жена,
Из рода царского она, —
Прошу её земле предать,
Себе ж за то в награду взять
Сокровища, что здесь лежат,
И боги вас благословят!»*

И ящик бросили в море; его подхватили волны и вскоре прибили к берегам Эфеса. Там ящик нашли слуги благородного человека, лекаря по имени Церимон. Церимон открыл ящик и, увидев прекрасную

Таису, сразу усомнился в том, что она мертва. Он попытался привести её в чувство — и случилось чудо: та, которую сочли мёртвой и бросили в море, вернулась к жизни. Однако, думая, что никогда больше не увидит любимого мужа, царица удалилась от мира и стала жрицей в храме богини Дианы.

А Перикл отправился с новорождённой дочерью в Тарс. Девочку он назвал Марина, что значит «морская», потому что она была рождена в морском странствии. Оставив дочь на попечение старого друга, правителя Тарса, царь вернулся в свои владения.

Дионисса, жена правителя Тарса, была женщиной злой и завистливой. Задумав убить юную царевну Марину, которая затмила красотой и изяществом её, Диониссы, родную дочь, она повелела своему слуге отвести Марину, которой едва исполнилось четырнадцать лет, на морской берег и лишить её жизни.

Злодей уже занёс над Мариной нож — и тут на берегу появились пираты. Слуга сбежал, а пираты схватили Марину, посадили на свой корабль, отвезли в город под названием Митилена и там продали

в рабство. Однако Марина была так прекрасна, добра и благородна, что вскоре заслужила всеобщее уважение, и Лисимах, молодой правитель города, влюбился в неё. Увы, он не мог взять её в жёны: жена правителя должна была происходить из знатного рода.

Злодейка Дионисса поверила слуге, уверявшему, что Марина мертва. Когда Перикл приплыл

в Тарс, чтобы после долгих лет разлуки повидаться с дочерью, его отвели к памятнику, воздвигнутому в её честь. Горе царя было безмерно; он вновь отправился в море, дав клятву не умываться и не стричь волосы до самой смерти. Периклу поставили шатёр на палубе, и он лежал там в одиночестве, одетый в рубище, никому не говоря ни слова.

Случилось так, что корабль Перикла приплыл в Митилену, и Лисимах поднялся на борт; чтобы расспросить, откуда прибыло это судно. Услышав о несчастье Перикла и его скорбных обетах, Лисимах решил, что добрая Марина поможет царю справиться с печалью. Он привёл Марину на корабль и, пообещав любую награду, попросил сделать всё возможное, чтобы царь заговорил. Марина с радостью согласилась и, войдя в шатёр Перикла, стала петь убитому горем отцу. Но как ни прекрасен был её голос, царь оставался недвижим и нем. И тогда Марина поведала Периклу свою историю — историю о том, как она, чьи предки не уступают знатностью могущественным царям, стала рабыней.

Рассказ девушки тронул сердце Перикла. Он поднял взгляд на Марину — и с изумлением заметил, как она похожа на Таису — его умер-

шую жену. В сердце его внезапно вспыхнула надежда, и он попросил девушку продолжать.

И когда Марина рассказала, как она спаслась от злодейки Диониссы, Перикл поверил, что перед ним действительно его дочь, и, сам не свой от счастья, заключил её в объятия.

— Я захлебнусь — ведь море радости великой мои затопит берега! Будь благословенна, дочь моя! — воскликнул он, снимая траурные одежды.

И тут до Перикла внезапно донеслась прекрасная музыка — однако никто, кроме него, её не слышал. То была музыка небесных сфер. Она погрузила царя в сон, и во сне к нему явилась богиня Диана.

— Ступай в мой храм в Эфесе, — сказала богиня. — Когда там соберутся жрицы, поведай им, как отняло твою жену бушующее море.

Повинуясь велению богини, Перикл отправился в Эфес и рассказал свою историю перед алтарём Дианы. Не успел он закончить рассказ, как верховная жрица воскликнула:

— О, этот голос!.. это ты, мой царственный Перикл! — и без чувств упала на землю. Очнувшись, она вновь обратилась к нему:

— Мой господин, неужто ты и вправду Перикл?

— Я слышу голос умершей Таисы! — изумлённо воскликнул царь.

— Умершая Таиса — это я, — ответила жрица — и, всмотревшись в её черты, Перикл узнал пропавшую жену.

Так Перикл и Таиса после долгих лет разлуки вновь обрели счастье и забыли прежние горести и страдания. Марине тоже выпала счастливая судьба — она нашла родителей, вышла замуж за Лисимаха и стала женой правителя того самого города, в котором некогда была бесправной рабыней.

ГАМЛЕТ

ринц Гамлет был единственным сыном датского короля. Он нежно любил отца и мать. А ещё у него была возлюбленная по имени Офелия — дочь Полония, главного королевского советника.

Гамлет учился в университете в городе Виттенберге. Когда его отец внезапно умер, охваченный горем юный принц поспешил домой. Там он узнал, что король скончался от укуса змеи.

Вскоре — не прошло и месяца с тех пор, как тело короля было предано земле, — королева решила снова выйти замуж. Её избранником стал брат покойного короля. Можете представить себе, что почув-

ствовал при этом Гамлет, который очень любил отца. Он отказался снять траурные одежды ради этой свадьбы:

— Я ношу траур по отцу не только на теле, но и в сердце. Пусть хотя бы сын помнит и скорбит о нём.

— *Оно прекрасно и похвально, Гамлет, Отдать отцу прискорбный долг печали,* — принялся укорять его Клавдий, брат короля. —

*Но сохранять печаль с таким упорством
Есть недостойная мужчины скорбь.*

— Я не могу всего за какой-то месяц забыть тех, кого люблю, — резко ответил Гамлет.

Королева и Клавдий сыграли весёлую свадьбу, позабыв несчастного короля, который всегда был добр к ним.

А Гамлет глубоко задумался, пытаясь понять, как ему теперь быть. Он не верил в историю с укусом змеи. Он не сомневался, что это Клавдий злодейски умертвил брата, желая занять его трон и жениться на королеве. Но Гамлет не мог обвинить Клавдия, потому что у него не было доказательств.

И вот, пока Гамлета одолевали эти мысли, к нему пришёл Горацио, его товарищ по университету.

Гамлет сердечно приветствовал друга.

— Зачем ты приехал из Виттенберга? — спросил он.

— На похороны вашего отца, принц.

— Скорее уж, на свадьбу королевы, — с горькой усмешкой ответил Гамлет. — О мой отец! Такого человека, как он, нам больше не увидеть.

— Мой принц, — неожиданно сказал Горацио, — я видел вашего отца прошлой ночью.

И Горацио рассказал поражённому Гамлету, что он и двое офицеров стражи видели призрак короля на крепостной стене. На следующую ночь Гамлет сам отправился вместе с ними на крепостную стену — и в полночь, в холодном лунном свете, ему явился призрак отца, облачённый в доспехи, которые король носил при жизни.

Отважный Гамлет не бросился бежать при виде призрака, а заговорил с ним — и тот позвал его с собой в уединённое место.

Там призрак короля открыл Гамлету, что его подозрения — истинная правда. Да, это Клавдий злодейски убил своего доброго брата: влил ему в ухо яд, когда тот в полдень спал в саду.

— Отомсти моему вероломному брату за это жестокое убийство, — сказал призрак. — Но не причиняй вреда королеве: она твоя мать, и я её любил. *Прощай, прощай и помни обо мне.*

И с этими словами призрак исчез, потому что близился рассвет.

— Теперь я буду жить одной лишь мстью, — сказал Гамлет. — Я буду помнить о тебе! Забуду обо всём — о книгах, о веселье, о забавах юности — и исполню твой завет.

Когда стражники и Горацио подошли к Гамлету с расспросами, тот заставил их поклясться, что они сохраняют в тайне явление призрака. И принц покинул крепостные стены, сереющие в рассветном сумраке. Отныне он думал только о том, как отомстить за отца.

После всего услышанного Гамлет был одержим жаждой мести, и, чтобы дядя не заметил этого, решил притвориться сумасшедшим.

И вот, встретившись с Офелией — своей возлюбленной, которой он говорил слова любви, дарил подарки, писал нежные письма, — Гамлет повёл себя так грубо, что она поневоле поверила в его безумие. Ведь Офелия любила Гамлета и могла объяснить его жестокость лишь одним — сумасшествием. Она отправилась к отцу, поведала ему о странном поведении принца и показала письмо, в котором были такие строки:

*Не верь дневному свету,
Не верь звезде ночей,
Не верь, что правда где-то,
Но верь любви моей.*

С тех пор никто уже не сомневался, что Гамлет сошёл с ума от любви.

Бедный принц мучился и страдал. Он страстно желал исполнить волю призрака, но был слишком добр и мягок, чтобы лишить жизни человека, пусть даже этот человек убил его родного отца. К тому же иногда он сомневался, правду ли сказал призрак.

Тем временем к датскому двору прибыли бродячие актёры, и Гамлет велел им сыграть перед королём и королевой одну пьесу. Это была история человека, которого близкий родственник убил в его собственном саду, а потом женился на его вдове.

Представьте себе чувства преступного короля, который сидит на троне рядом с женой-королевой, в окружении придворных, а перед ним на сцене разыгрывается то самое злодейство, в котором он виновен! Когда актёр, игравший убийцу, влил яд в ухо спящему, Клавдий вдруг встал и,

пошатываясь, вышел прочь — а за ним королева и все придворные.

Тогда Гамлет сказал своему другу Горацио:

— Теперь я не сомневаюсь, что призрак сказал правду. Будь Клавдий невиновен, он бы не испугался, увидев сцену убийства.

Королева по велению Клавдия послала за Гамлетом, чтобы выбранивать его за историю с пьесой и за прочие выходки. На самом же деле Клавдию хотелось знать, что задумал Гамлет, и он велел старику Полонию спрятаться за ковром в покоях королевы, чтобы подслушать её разговор с принцем. Когда королева, испугавшись беспощадных речей Гамлета, стала кричать и звать на помощь, Полоний подхватил её крик. А Гамлет, решив, что это король, проткнул ковёр шпагой и убил того, кто за ним стоял...

Так Гамлет превратил дядю в смертельного врага и по трагической случайности убил отца своей любимой.

— Как ты жесток! — воскликнула королева. — Какое злодеянье!

— Не большее злодеянье, чем убить короля и выйти замуж за его брата! — с горечью ответил Гамлет.

Теперь он наконец открыл матери свои мысли, рассказал, как узнал об убийстве, и взмолился, чтобы она рассталась с подлецом, погубившим доброго короля. Пока они говорили, Гамлету вновь явился призрак отца, но для королевы он оставался невидимым. Затем призрак исчез, и Гамлет покинул покои матери.

Когда королева поведала Клавдию о том, как погиб Полоний, тот сказал:

— Теперь совершенно ясно, что Гамлет безумен. Раз он убил советника, мы должны отправить его подальше, в Англию — для его же безопасности.

И Гамлета послали в Англию в сопровождении двух верных Клавдию придворных. Клавдий вручил им письмо к вассальному английскому двору, в котором приказывал лишить Гамлета жизни. Но предусмотрительный Гамлет подменил это письмо другим, содержащим повеление казнить придворных, которые так охотно согласились его предать.

По пути в Англию корабль столкнулся с пиратами, Гамлет попал на пиратское судно и поспешил назад в Данию, а злодеи-придворные, бросив его на произвол судьбы, отправились навстречу собственной незавидной участи.

В Дании тем временем случилась беда: несчастная Офелия, потеряв и отца, и любимого, лишилась рассудка. В печальном умопомрачении она бродила по замку, покрыв голову соломой, травой и цветами, напевая обрывки песен и бормоча бессвязные слова. Однажды Офелия пришла к заросшему ивами берегу реки; она хотела украсить иву венками, но оступилась, упала вместе с цветами в воду и утонула.

Гамлет любил Офелию, но он выдавал себя за сумасшедшего и потому вынужден был скрывать свои чувства. Вернувшись домой, он застал короля, королеву и весь двор на похоронах любимой.

Лаэрт, брат Офелии, как раз вернулся из Франции к датскому двору. Он бросился к королю и потребовал справедливой кары за смерть своего отца Полония. Вне себя от горя, он прыгнул в могилу сестры, чтобы последний раз заключить её в объятия.

— Я любил её так, как сорок тысяч братьев любить не могут! — вскричал Гамлет, прыгнул следом в могилу Офелии и кинулся на Лаэрта.

Их разняли, и впоследствии Гамлет попросил у Лаэрта прощения.

— Я не мог стерпеть, чтобы кто-нибудь, пусть даже и брат, говорил, что любил её больше, чем я, — сказал он.

Но подлый Клавдий не хотел, чтобы они помирились. Он рассказал Лаэрту о том, как Гамлет убил старика Полония, и они вдвоём — Лаэрт и Клавдий — замыслили вероломное убийство Гамлета.

Лаэрт вызвал Гамлета на фехтовальный поединок, посмотреть который собрался весь двор. У Гамлета была обычная тупая рапира для фехтования, Лаэрт же взял себе острую, да вдобавок смазал её ядом. К тому же Клавдий приготовил кубок отравленного вина, намереваясь дать его несчастному Гамлету, когда тот разгорячится и захочет пить.

Поединок начался, и после обмена ударами Лаэрт нанёс Гамлету укол остриём рапиры. Гамлет, разъярённый таким вероломством —

ведь они просто фехтовали, а не бились всерьёз, — схватился с Лаэртом; оба выронили оружие, а когда вновь его подобрали, то Гамлет, сам того не заметив, вместо своей тупой рапиры взял отравленную рапиру Лаэрта. Он пронзил Лаэрта его же клинком, и тот погиб, пав жертвой собственного коварства. И в этот миг королева вскрикнула:

— Питьё, питьё! О мой милый Гамлет! Меня отравили!

Оказалось, что она выпила вино из отравленного кубка, который король приготовил для Гамлета. И вот на глазах у Клавдия умирает королева, которую он искренне любил, — умирает от его руки!

Лишь теперь Гамлет решился исполнить волю призрака и отомстить за смерть отца — теперь, когда погибли Офелия, Полоний, королева, Лаэрт и двое придворных, посланные в Англию. Решись он раньше, все остались бы живы; умер бы только злодей-братоубийца, заслуживавший смерти.

И Гамлет, набравшись мужества, совершает то, что должно: обращает отравленный клинок против короля-самозванца.

— *Ступай, отравленная сталь, по назначенью!* — воскликнул он — и пронзил Клавдия.

Так Гамлет сдержал наконец обещание, данное отцу. Всё конечно, и он тоже умирает — от раны, нанесённой отравленным клинком Лаэрта. А свидетели его смерти стоят над принцем в слезах и молятся за него — ведь друзья и подданные любили Гамлета всем сердцем.

Таков конец трагической повести о Гамлете, принце датском.

ЦИМБЕЛИН

давние-предавние времена Британией правил король, и звали его Цимбелин. Обоих его сыновей похитили, когда они были ещё совсем маленькими, и осталась у короля одна дочка — Имогена. Жена короля приходилась ей мачехой.

И ещё у него был воспитанник по имени Леонат Постум. Отец Леоната, лучший друг короля, погиб в бою, а мать умерла; вот король и взял мальчика на своё попечение. Леонат рос и воспитывался вместе с принцессой Имогеной, они дружили с самого детства, а когда выросли, тайно поженились. Король и королева за это очень на них рассер-

дились. В наказание Цимбелин изгнал Леоната из Британии и запретил ему возвращаться.

Когда бедняжка Имогена прощалась с Леонатом, сердце у обоих разрывалось от горя. Ведь они были не просто возлюбленными, не просто мужем и женой — они с детства были самыми близкими друзьями. Расставаясь, они плакали, осыпали друг друга поцелуями и никак не могли проститься. Они поклялись, что никогда, никогда не забудут друг друга и до самой смерти не полюбят никого другого.

— Милый, — сказала Имогена, снимая с пальца кольцо, — вот алмазный перстень моей матери. Возьми его, любимый, и храни, пока любишь меня.

— Прекрасная моя, — отвечал Леонат, — а ты возьми на память обо мне вот этот браслет.

— Неужели мы больше никогда не увидимся? — сквозь слёзы спросила Имогена.

Они крепко-крепко обнялись — но тут ворвался разгневанный король и велел Леонату немедленно убраться вон.

Леонат приехал в Рим и остановился у Филарио, старого друга своего отца. Целыми днями он думал о милой Имогене, а ночами она ему снилась. Однажды гости Филарио, итальянские и французские вельможи, наперебой стали хвастать своими дамами сердца. Каждый

говорил, что его избранница самая верная, добродетельная и прекрасная на всём белом свете. И тут один француз, давний знакомый Леоната, припомнил, как прежде тот говорил, что Имогена прекраснее, умнее, добродетельнее и неприступнее всех до единой французских дам.

— А я и сейчас это говорю, — откликнулся Леонат.

— Не бывает дам без изъяна, — сказал итальянский дворянин Якимо.

— Бывают, — не уступал Леонат. — Моя жена — само совершенство.

— Готов биться об заклад, — заявил Якимо, — что если бы мне представился случай попасть в Британию и хотя бы разок перемолвиться словечком с вашей женой, я отбил бы её у вас.

— Это невозможно, — улыбнулся Леонат. — Ставлю вот этот алмазный перстень — (а это было то самое кольцо, которое Имогена подарила ему при расставании!) — на то, что у вас ничего не выйдет — моя жена останется верна своим клятвам.

Сказано — сделано; Якимо поставил половину своего состояния против Леонатова перстня, взял у Леоната рекомендательное письмо к Имогене и, не медля ни минуты, пустился в путь.

Прибыв в Британию, он сразу явился во дворец. Имогена приняла его приветливо и почтительно, но сердце Якимо не дрогнуло: он всё равно был полон решимости выиграть пари.

Якимо принялся всячески чернить Леоната, говоря, что тот позабыл жену и больше её не любит. Имогена растерялась и пона-

чалу внимательно слушала обманщика, но затем, словно стряхнув наваждение, вдруг поняла, что перед нею — настоящий негодяй, и велела ему убираться вон. Тогда Якимо пошёл на другую хитрость.

— Простите меня, прекрасная принцесса! — воскликнул он. — Всё, что я сказал вам, — обман. Я просто хотел испытать вас и узнать, правду ли говорил ваш супруг, что вы безмерно добродетельны и достойны всяческого доверия. Сумеете ли вы простить меня?

— Прощаю с радостью, — ответила Имогена.

— Тогда, — продолжал Якимо, — в знак того, что я действительно прощён, не согласитесь ли вы взять на хранение сундук с драгоценностями? Мы с вашим мужем и ещё несколькими друзьями приобрели их в дар римскому императору.

— Я рада выполнить любую просьбу мужа и его друзей, — сказала Имогена. — Пусть драгоценности принесут ко мне в спальню. Я их сберегу.

— Всего лишь на одну ночь! — обрадовался Якимо. — Завтра рано утром я покидаю Британию.

Его слуги принесли сундук в спальню к Имогене. Ночью, как только Имогена уснула крепким сном, крышка сундука приподнялась, и оттуда выбрался человек.

Это был Якимо. Никаких драгоценностей в сундуке, конечно же, не было. Якимо снова солгал. Он выдумал всю эту историю, чтобы коварно пробраться к Имогене в спальню и выиграть спор.

Якимо хорошенько огляделся по сторонам, запоминая, какая в комнате мебель, как она расставлена, какие картины висят на стенах. Потом он подкрался к спящей Имогене и снял с её руки браслет — прощальный подарок мужа. Затем обманщик снова залез в сундук и наутро отбыл в Рим.

— Итак, — сказал он Леонату по возвращении, — я побывал в Британии и выиграл спор. Ваша жена о вас и думать забыла. Я провёл всю ночь в её спальне, украшенной коврами. Там у неё ещё резной камин, а подставками к нему служат два дремлющих купидона.

— Не верю, что жена меня забыла, и не верю, что она принимала вас у себя в спальне. Вы, наверное, подкупили слуг, и они описали вам обстановку.

— Не верите? А как же этот браслет?

Она сняла его — я до сих пор

Прелестное движенье это вижу,

Оно превосходило самый дар

И ценность увеличило его.

Браслет мне протянув, она шепнула,

Что прежде он ей дорог был...

— Вы выиграли! — вскричал Леонат. — Забирайте перстень, а с ним, если хотите, и мою жизнь — зачем она мне, если любимая меня позабыла?

И, не помня себя от гнева и обиды, Леонат написал в Британию своему верному старому слуге Пизанио. Он приказал ему привезти Имогену в Мильфордскую гавань и там убить её, раз она забыла мужа и отдала его подарок другому. В письмо он вложил записку для Имогены, в которой велел ей ехать с Пизанио в Мильфордскую гавань, где он, Леонат, будет её ждать.

Пизанио был слишком добр, чтобы выполнить такой приказ, и слишком мудр, чтобы сложить руки и не вмешиваться. Он вручил Имогене записку от супруга и отправился с нею в Мильфорд.

А незадолго до этого королева, мачеха Имогены, подарила ему один напиток — по её словам, это было чудодейственное средство, ис-

целявшее от любой болезни. Сама же королева считала этот напиток ядом и мечтала, что Пизанио даст его Имогене, та, выпив, умрёт, и тогда наследником станет злой и глупый сын королевы. Но мачеха ошибалась: на самом деле это было сонное зелье, от которого человек погружался в глубокое забытьё.

Когда Пизанио и Имогена подъехали к Мильфордской гавани, Пизанио открыл своей госпоже правду о том, что же на самом деле приказал ему Леонат.

— Я должна с ним увидаться, — сказала отважная Имогена.

На прощание верный Пизанио подарил Имогене полученный от королевы напиток и вернулся ко двору Цимбелина. А Имогена переоделась в мужское платье, которое раздобыл Пизанио, и отправилась в путь. Но вскоре она сбилась с дороги, ведущей в Мильфорд. Она шла и шла, пока ноги у неё не подкосились от усталости. Тут она заметила пещеру и заглянула туда. В пещере явно кто-то жил, но в тот момент она была пуста. Имогена умирала от голода и, увидев еду, решила поесть — будь что будет. Но едва она откусила первый кусочек, как послышались шаги и в пещеру вошли трое: старик и два юноши. Имогена похолодела от ужаса. Она собиралась, подкрепившись, оставить на столе немного денег — но хозяева-то об этом не знают и наверняка рассердятся! Однако, к её изумлению, они ничуть не рассердились и ласково приветствовали её. Имогене очень шёл мужской костюм, а лицо её светилось красотой и добротой.

— Будь нашим братом! — сказали юноши.

Имогена согласилась остаться с ними. Она помогала готовить еду и поддерживать уют. Но однажды, когда старик (его звали Беларий) и его воспитанники были на охоте, Имогена почувствовала себя плохо. Она вспомнила о чудесном напитке, который дал ей Пизанию, сделала глоток — и тут же рухнула наземь, как подстреленный зверёк, и забылась глубоким сном.

Вернувшись вместе с Беларием с охоты, юноши решили, что их названный брат умер. Они горестно оплакали Имогену и на руках отнесли в лес. Там они спели над нею похоронные песни, грустные и прекрасные, покрыли её цветами — бледно-жёлтыми первоцветами, лазурными колокольчиками, розами, пушистым мхом — и в глубокой печали вернулись домой. Но как только они ушли, Имогена проснулась. Не понимая, где она и что с ней, она побрела по лесу куда глаза глядят.

А раньше, пока Имогена ещё жила в пещере, римляне объявили войну Британии. Войска их высадились в Мильфордской гавани. С ними был безутешный Леонат, который никак не мог простить себе, что приказал слуге убить Имогену. Раскаявшийся, убитый горем, он вернулся на родину с римскими войсками — но сражаться он собирался не за римлян, а за британцев.

Что же произошло с Имогеной? Бродя в одиночестве, она повстречала Луция, римского полководца, и тот, поражённый красотой мальчика (напомним, Имогена была одета, как юноша), взял его себе в пажи.

Итак, между римлянами и британцами развернулась битва. Беларий и его воспитанники сражались за свою родину; плечом к плечу с ними бился и Леонат, переодетый простым британским крестьянином. Римляне захватили короля Цимбелина в плен, а старый Беларий, названные братья Имогены и Леонат храбро вызволили его.

Британцы победили в бою и привели к королю пленных, среди которых были Луций с Имогеной, Якимо и Леонат, одевшийся римским воином. Он никак не мог простить себе, что приказал убить любимую жену; жизнь окончательно ему опостылела, и он искал гибели. Поэтому он оделся так, чтобы его приняли за римлянина и предали смерти.

Итак, все пленники предстали перед королем, и Луций бесстрашно обратился к Цимбелину:

— У нас, римлян, храбрые сердца, и мы достойно встречаем смерть, — сказал он. — Если мне суждено погибнуть, так тому и быть. Об одном лишь прошу перед смертью. У меня есть паж, урождённый британец; позволь мне внести за него выкуп! Никогда и ни у кого не было столь кроткого, усердного, заботливого и преданного пажа. Хоть он и служил мне, римлянину, но не причинил британцам зла. Сохрани ему жизнь!

Цимбелин посмотрел на пажа и, хотя не узнал в нём свою дочь, сердце его смягчилось.

— Ты почему-то сразу стал мне дорог, — обратился он к юному пажу. — Живи! Проси что хочешь у меня.

И Имогена произнесла:

— Пусть вот этот человек, — и она указала на Якимо, — скажет, где он взял то кольцо, что у него на пальце.

— Говори, — приказал Цимбелин. — Откуда у тебя этот алмаз?

Якимо без утайки поведал всё о своём злодействе. Услышав его рассказ, Леонат был не в силах больше скрывать своё истинное лицо. Он проклинал себя за то, что поверил лжецу, и горестно причитал:

— Имогена, любовь моя, жизнь моя! О, Имогена! Что же я наделал!

Имогена, забыв, что она одета пажом, бросилась к мужу:

— Не надо, господин мой!

Леонат обернулся, собираясь ударить дерзкого пажу, посмевшегося нарушить его великую скорбь, — и узнал в нём Имогену!

Леонат и Имогена бросились в объятия друг друга. Король Цимбелин был так счастлив вновь обрести дочь и так благодарен человеку, спасшему ему жизнь (теперь-то он знал, что это был Леонат), что тотчас благословил их брак.

Затем король вспомнил о других своих спасителях и повернулся к старику.

— Я твой старый слуга Беларий, — сказал старик. — Когда-то давным-давно я служил тебе верой и правдой, а ты обвинил меня в измене и тем самым вынудил совершить её. Это я похитил твоих сыновей — вот они, оба!

И он подвёл к королю обоих юношей — тех самых, что поклялись быть братьями Имогене, когда считали её мальчиком.

Злая королева, мачеха Имогены, скончалась от одного из ядов собственного приготовления, а король, заново обретший всех своих детей, счастливо дожил с ними до старости.

Итак, негодяи получили по заслугам, а хорошие люди обрели своё счастье. Пусть же во веки веков, пока стоит этот мир, злодеи не находят себе места, а добрые и честные живут долго и счастливо.

МАКБЕТ

сли вы попросите кого-нибудь рассказать вам историю Макбета, то имейте в виду: таких историй целых две.

Одна из них — о человеке по имени Макбет, который в 1039 году от Рождества Христова преступным путём захватил шотландский престол, после чего лет пятнадцать или около того правил Шотландией — в основном справедливо. Это часть другой, большой истории — истории Шотландии.

Вторая же история о Макбете, страшная и чудесная, берёт начало в дебрях Воображения. Её-то вы сейчас и услышите.

За год или два до того, как Англией стал править Эдуард Исповедник, шотландцы под предводительством Банко и Макбета разбили войско норвежского короля. После битвы полководцы вдвоём направились в Форрес; там их ждал король Шотландии Дункан.

И вдруг в вересковой пустоши они увидели трёх женщин, трёх бородатых сестёр! В лохмотьях, иссохшие, морщинистые, они кружились, взявшись за руки, и вид их был дик и странен.

— Кто вы такие? — изумился Макбет.

— *Будь здоров, Макбет, будь здоров, Гламисский тан!* — сказала первая из сестёр.

— *Будь здоров, Макбет, будь здоров, Кавдорский тан!* — сказала вторая.

— *Будь здоров, Макбет, будь здоров, король в грядущем!* — сказала третья.

— А что вы скажете обо мне? — спросил Банко.

Третья старуха ответила:

— Твои потомки будут королями.

— Но как такое может быть? — в растерянности спросил Макбет. — С тех пор как умер мой отец, я — тан Гламисский, но не Кавдорский; тан Кавдорский жив, и король жив, и дети его тоже. Откуда у вас такое знание? Ответьте, заклинаю!

Но вместо ответа три старухи исчезли, как будто растаяли в воздухе.

Банко и Макбет поняли, что это были не просто старухи, а ведьмы. Не успели они обсудить чудесные про-

рочества, как навстречу им вышли двое знатных шотландцев. Один от имени короля поблагодарил Макбета за доблесть и отвагу, а второй сказал:

— Король велел мне назвать тебя Кавдорским таном.

Оказалось, что человек, ещё вчера носивший титул Кавдорского тана, уличён в государственной измене и будет казнён. Узнав об этом, Макбет невольно подумал: «А ведь третья ведьма назвала меня будущим королём!»

— Банко, — обратился он к товарищу, — видишь, про меня эти ведьмы сказали правду. А ты-то веришь, что твои сын и внук станут королями?

Банко нахмурился. У короля Дункана было двое сыновей, Малькольм и Дональдбайн, и потому, считал Банко, с его стороны было бы вероломством мечтать о том, чтобы его сын Флинс правил Шотландией. Должно быть, сказал он Макбету, ведьмы посулили им обоим владычество, чтобы завлечь в беду и соблазнить на злое дело. Макбету же пророчество так запало в душу, что он поспешил написать о нём жене.

Леди Макбет была внучкой короля Шотландии; в жилах её мужа тоже текла королевская кровь. Прочтя его письмо, леди Макбет мгновенно подумала: быть ему королём! И когда ей сообщили, что король Дункан намерен остановиться на ночь в замке Макбета, она решилась на подлый и низкий поступок.

Едва завидев Макбета, жена заявила ему, что для Дункана *над этим утром солнце не взойдёт*. Она имела в виду, что Дункан должен умереть — ведь мёртвые не видят света дня.

— После поговорим, — сказал Макбет, которому от слов жены стало не по себе.

Настала ночь, и они вернулись к этому разговору. Макбет не хотел убивать гостя, от которого в тот день услышал столько добрых слов. Но леди Макбет, для которой человечность и трусость означали одно и то же, вскричала:

— Неужели ты хочешь прожить жизнь трусом?

— *Я смею всё, что можно человеку*, — отрезал Макбет. — *Кто смеет больше, тот не человек.*

— Тогда зачем ты написал мне это письмо?!

Разгневанная леди Макбет обидными упрёками подтолкнула мужа к убийству короля и подучила, как совершить это убийство.

После ужина Дункан отправился в постель; спальню его сторожили двое слуг. Леди Макбет опоила их вином до бесчувствия, вытащила у них кинжалы... и убила бы короля сама, если бы он во сне не был так похож на её отца. Кинжалы она оставила на виду, рядом с пьяными слугами. Макбет довершил дело — и вскоре появился перед

женой с окровавленными руками. Он сказал, что словно бы слышал крик: *«Не спите больше! Макбет зарезал сон!»*

— Вымой руки, — хладнокровно сказала леди Макбет. — И зачем ты принёс сюда кинжалы? Отнеси их назад и выпачкай слуг кровью.

— Не пойду, — сказал Макбет. — Я не в силах туда вернуться. Мне страшно и подумать о том, что я сделал.

Зато его жене не было страшно. Она отправилась в королевскую спальню и, вернувшись, сказала гордо, с презрением к страху, которым был охвачен муж:

— *Цвет рук моих — как твой, но сердце, к счастью,
Не столь же бледно.*

Тут убийцы услышали стук. «Ах, — подумал Макбет, — если бы этот стук мог разбудить Дункана!» Но это был всего лишь Макдуф, Файфский тан, которому Дункан велел явиться пораньше. Макбет встретил Макдуфа и указал ему путь к королевской спальне.

Макдуф вошёл — и тут же выбежал с криком:

— *О ужас! Ужас! Ужас!*

Макбет сделал вид, что потрясён не меньше, чем Макдуф. Притворившись, будто ему больно видеть убийц Дункана живыми и невредимыми, он зарезал слуг их же кинжалами, пока они не успели заявить о своей невиновности.

И Макбет отправился в Скон принимать королевский венец. А сыновья Дункана бежали — Дональдбайн в Ирландию, Малькольм в Англию.

Макбет же стал королём. Но счастлив он не был. Ему не давало покоя пророчество, относящееся к Банко. Если сыну Банко Флинсу суждено стать королём, значит, сыну Макбета королём не быть!

И Макбет решил убить Банко и Флинса. Он нанял пару головорезов, и те зарезали Банко вечером, когда он шёл на пир, устроенный

Макбетом для придворной знати.
А Флинсу удалось бежать.

Тем временем пир был в разгаре. Король и леди Макбет радушно принимали гостей.

— *Прошу охотно и обильно кушать, во здравие!* — произнёс тост Макбет.

— Просим короля присесть вместе с нами! — сказал Леннокс, шотландский дворянин.

И тут в зале появился призрак Банко. Он уселся на месте Макбета, но Макбет ничего не заметил. Он как раз говорил о том, что, будь среди них Банко, на пи-

ру собрался бы весь цвет державы. Однако король покривил душой: на пиру не было ещё и Макдуфа, который ответил на приглашение резким отказом.

Макбета снова пригласили садиться. Леннокс показал королю свободное место за столом — место, занятое призраком Банко (для Леннокса призрак оставался невидимым).

Однако Макбет внутренним оком увидел призрака — туманную окровавленную фигуру — и закричал:

— Кто это сделал?

Гости растерялись — ведь никто, кроме короля, призрака не видел.

Тогда Макбет обратился к призраку:

— Ты не можешь сказать, что это сделал я!

Призрак исчез, и Макбету хватило бесстыдства поднять бокал вина со словами: *

— *Да здравствует весь этот стол и Банко,
Наш дорогой отсутствующий друг!*

Все выпили, и тут призрак Банко появился снова.

— *Сгинь! Скройся с глаз моих! Упрячься в землю!* — завопил Макбет.

И вновь оказалось, что никто, кроме него, призрака не видит.

— С кем это вы разговариваете, ваше величество? — спросил один из дворян.

Королева никак не могла допустить, чтобы Макбет ответил на этот вопрос. Она поспешила выпроводить гостей, заявив им, что король болен, а от разговоров ему станет ещё хуже.

Однако Макбету, видно, было не так уж и плохо, потому что наутро он отправился к тем самым ведьмам, чьи пророчества толкнули его на путь злодейства.

Он нашёл их в пещере. Кругом бушевала гроза, гремел гром. Ведьмы плясали вокруг бурлящего котла, где варились части тел разных мерзких тварей. Старухи заранее знали, что к ним спешит Макбет.

— Ответьте мне на вопрос! — взмолился король.

— Ты хочешь, чтобы тебе ответили мы сами или наши старшие? — спросила первая ведьма.

— Пусть старшие. Зови их! — сказал Макбет.

Ведьмы плеснули в котёл крови и слизи, языки пламени вспыхнули сильнее, и из огня показалась голова в шлеме. Забрало было опущено, поэтому Макбет видел только глаза.

— Скажи мне... — начал было Макбет.

Но первая ведьма сурово сказала:

— Он знает все твои мысли без слов.

— Макбет, — заговорила голова, — берегись Макдуфа, Файфского тана.

И голова вновь скрылась в котле.

— Ещё хоть слово! — взмолился Макбет.

— Нельзя приказывать ему! — сказала первая ведьма.

И тут над котлом появился маленький мальчик в короне и с деревом в руке.

— Макбет останется непобедимым, — сказал он, — пока Бирнамский лес не пойдёт войной на Дунсинанский холм.

— Ну, такого никогда не будет, — приободрился Макбет. — Но скажи: будут ли когда-нибудь править Шотландией потомки Банко?

Тут котёл исчез — как сквозь землю провалился; послышалась музыка, и перед Макбетом возникла череда призрачных королей; за ними шёл призрак Банко. В каждом короле Макбет видел сходство с Банко, а всего этих королей было восемь.

Потом вдруг всё исчезло, и Макбет остался один.

Вскоре после этого Макбет подослал убийц к Макдуфу. Не найдя его, убийцы потребовали у леди Макдуф сказать, где её муж. В ответ прозвучала гневная отповедь. Тогда один из убийц назвал Макдуфа изменником.

— Врёшь! — закричал маленький сын Макдуфа и тут же был заколот. — Мамочка, беги, спасайся! — крикнул он, умирая.

Леди Макдуф бросилась бежать, но злодеи настигли её и убили, как и всех, кто встретился им в замке.

Макдуф же в это время был в Англии. Вместе с Малькольмом он слушал рассказы о короле Эдуарде Исповеднике и его чудесном даре исцелять больных.

Тут появился его друг Росс, принёсший весть о том, что жены и детей Макдуфа больше нет в живых. Поначалу Росс не осмеливался сказать об этом, чтобы радость Макдуфа за тех, кого король излечил от тяжёлой болезни, не обернулась скорбью и ненавистью.

Но когда Малькольм сказал, что Англия посылает войска в Шотландию против Макбета, Росс не выдержал и открыл правду.

— Все? — вскричал Макдуф. — Все мои крошки? И их мама тоже? Все?!

Его израненная душа жаждала мести; но если бы в тот миг он мог заглянуть в замок Макбета на Дунсинанском холме, то увидел бы действие сил более могущественных, чем месть. Возмездие уже вершилось: леди Макбет сошла с ума. Она бродила во сне, её мучили кошмары. Она по четверти часа терла руки, но всё равно видела на них кровавые пятна и чужая запах крови. Страшно было слушать её жалобы на то, что все благовоения Аравии не надуют её маленькую руку.

— Вылечи её! — требовал Макбет у врача. — Разве ты не можешь исцелить больной разум?

Но доктор ответил ему, что больной разум может исцелить только сам себя, иного способа нет. Услышав этот ответ, Макбет пришёл в ярость:

— *Так брось лекарства псам, мне их не надо!*

Вскоре настал день, когда в замке раздалися причитания женщин. К Макбету, который вместе с войском готовился дать отпор англичанам, подошёл один из офицеров со словами:

— Мой государь, королева скончалась.

— *Истлевай, огафок*, — пробормотал Макбет.

Он имел в виду, что жизнь — это свеча, слабое пламя которой колеблется на ветру и может погаснуть в любое мгновение. Макбет не плакал; он привык к смерти.

Тут появился запыхавшийся гонец и сообщил Макбету, что, стоя в дозоре, увидел, как Бирнамский лес двинулся к замку!

Макбет обозвал его лжецом и жалким рабом и пригрозил повесить, если тот сказал неправду.

— Если же это правда, — добавил он, — тогда ты можешь повесить меня.

С башен Дунсинанского замка действительно казалось, что Бирнамский лес движется. А дело было вот в чём: каждый солдат английского войска нёс в руке ветвь, сорванную с дерева в лесу; и так, словно деревья, они штурмовали Дунсинанский холм.

Но Макбет не утратил мужества. Он вступил в бой не на жизнь, а на смерть, и первое, что он сделал в этом бою, — убил в поединке сына предводителя английского войска. Макбет был уверен, что никто из простых смертных не может победить его и остаться в живых; поэтому, когда к нему, горя жаждой отмщения, приблизился Макдуф, Макбет сказал:

— Уходи; я и так пролил слишком много крови твоих родных.

— Пусть на это ответит мой меч! — сказал Макдуф и бросился с мечом на Макбета.

— Не сдамся! — крикнул Макбет, но его час пробил, и он упал замертво.

Воины Макбета отступили, а Макдуф предстал перед Малькольмом с головой Макбета в руках.

— Да здравствует король! — воскликнул он.

И новый король посмотрел на голову прежнего.

Итак, после Макбета королём сделался Малькольм; но прошло время, и в Шотландии стали править потомки Банко.

КОМЕДИЯ ОШИБОК

Сиракузах — это портовый город на острове Сицилия — жил купец по имени Эгеон. У него была жена Эмилия, и жили они очень счастливо. Но тут вдруг у Эгеона умер помощник, и купцу пришлось самому отправиться в город Эпидамн на Адриатическом море.

Эмилия вскоре последовала за мужем. Некоторое время спустя у них родились двое мальчиков-близнецов, похожих друг на друга как две капли воды. Даже когда детей одевали по-разному, их всё равно невозможно было различить.

Хотите верьте, хотите нет, но в том же самом доме и в тот же самый день у другой супружеской пары тоже родилась двойня — и тоже мальчики! Вот только их родители были гораздо беднее. По правде говоря, они были попросту нищими и поэтому продали своих близнецов Эмили и Эгеону.

Эмили не терпелось показать сыновей друзьям, оставшимся в Сиракузах. И вот однажды они с Эгеоном взяли всех четверых мальчиков и отправились на родину.

Вдруг погода резко переменилась. Начался шторм. Когда до Сиракуз было ещё далеко, корабль дал течь, и вся команда бежала в единственной шлюпке, ничуть не заботясь о судьбе пассажиров, оставшихся на борту. Эмилия привязала к запасной мачте одного из сыновей и мальчика, которому предстояло стать его слугой. Эгеон поступил так же с другими двумя детьми. Затем оба родителя привязали к мачтам себя — и вверились судьбе, надеясь на спасение. Но тут корабль напоролся на мель и раскололся.

Эмилию и двоих мальчиков подобрало судно из Эпидамна. Но какие-то рыбаки из Коринфа силой отняли у Эмили детей, и она вернулась в Эпидамн одна, в глубоком горе. Прошло время, и она поселилась в городе Эфесе, что в Малой Азии.

Эгеон с двумя мальчиками тоже спасся. Ему повезло больше, чем Эмили: он вернулся в Сиракузы и воспитывал детей, пока им не исполнилось восемнадцать. Его родного сына звали Антифол, а юношу-слугу — Дромио.

Как ни странно, два других мальчика — те, с которыми Эгеона разлучила буря, — получили точно такие же имена!

Когда тому Антифолу, который рос с Эгеоном, исполнилось восемнадцать лет, ему отчаянно захотелось отыскать брата, и Эгеон

отпустил его вместе со слугой на поиски. С этого момента мы будем называть этих юношей Антифол Сиракузский и Дромио Сиракузский.

Оставшись в одиночестве, Эгеон затосковал по сыну и пустился в путь вслед за ним. Он странствовал целых пять лет и все эти годы не получал никаких вестей из Сиракуз, иначе ни за что не отправился бы в Эфес. Однако случилось так, что скитания завели его в эфесскую гавань.

Не успел он ступить на берег, как тотчас был схвачен. Тут-то Эгеон и узнал, что однажды герцог Сиракуз жестоко обошёлся с эфесскими купцами, которых угораздило попасть к нему в руки, и возмущённые старейшины Эфеса издали закон: всякий житель Сиракуз, прибывший в порт Эфеса, будет предан казни, если не заплатит выкуп в тысячу марок. Эгеона привели к Солину, герцогу Эфеса, и тот сказал, что Эгеон должен заплатить выкуп до захода солнца, иначе будет казнён.

Вы наверняка увидите руку судьбы в том, что мальчики, отнятые у Эмилии коринфскими рыбаками, выросли и стали жителями Эфеса — их привёз туда герцог Менафон, дядя герцога Солина. С этой минуты мы будем называть их Антифол Эфесский и Дромио Эфесский.

Но на этом чудеса не закончились. В тот самый день, когда был схвачен Эгеон, Антифол Сиракузский тоже появился в Эфесе! Чтобы

не платить выкуп, он сказал, что прибыл из Эпидамна. Антифол велел Дромио, слуге, отнести деньги в гостиницу «Кентавр», где они остановились, и ждать его там.

Не прошло и десяти минут, как на базарной площади Антифол Сиракузский встретил Дромио Эфесского и, конечно же, принял его за своего Дромио.

— Почему ты так быстро вернулся? Где оставил деньги? — набросился на слугу Антифол Сиракузский.

Дромио Эфесский знать не знал ни о каких деньгах, кроме монетки, которую хозяин в среду велел ему уплатить шорнику; зато он точно знал, что хозяйка сердится, потому что её муж не пришёл к обеде. Поэтому он принялся упрашивать Антифола Сиракузского, чтобы тот поспешил к супруге, в дом под названием «Феникс». Антифол рассердился на эти непонятные ему речи и наверняка побил бы слугу, если бы тот не убежал.

Затем Антифол Сиракузский отправился в «Кентавр» и обнаружил, что его золото там, в целости и сохранности. Выйдя из гостиницы, он увидел, что его знаками подзывают две красавицы. Одна из них, Адриана, была женой его брата — Антифола Эфесского, а вторая, Люциана, — её

родной сестрой. Адриана, которой Дромио Эфесский рассказал о странном разговоре с хозяином, решила, что муж предпочёл ей другую женщину, и потому была вне себя.

— Ты смотришь на меня так, словно я не жена тебе, словно ты видишь меня впервые, — стала она укорять брата своего мужа, думая, что он и есть её муж. — А ведь были времена, когда ты клялся, что не слышал слов слаще, чем мои, и не ел еды вкуснее, чем приготовленная мною!

— Сударыня, — холодно ответил Антифол Сиракузский, — ко мне ли вы обращаетесь? Я вас не знаю.

— Фи, брат! — воскликнула Люциана. — Вы прекрасно знаете, что ваша жена послала Дромио звать вас домой к обеду...

— Довольно, — сказала Адриана. — Хватит смеяться надо мной. Конечно же, мой верный муж пообедает со мной, признается в своих проделках и будет прощён.

Адриана и Люциана были дамами упорными и настойчивыми. Антифол Сиракузский устал с ними спорить и вместе со своим Дромио послушно поплёлся в «Феникс», где давным-давно остыл обед.

Пока они обедали, Антифол Эфесский и его слуга Дромио Эфесский подошли к дому «Феникс», увидели, что дверь заперта, и потребовали их впустить.

— Эй, Мод, Бригитта, Марианна, Цецилия, Джильяна, Джин! — горланил Дромио Эфесский, знавший всех служанок по именам.

— Дурак, олух, болван! — неслось в ответ.

Это Дромио Сиракузский на все лады бранил ломившегося в дверь, не догадываясь, что это его родной брат.

Чего только не делали хозяин дома и его слуга, чтобы проникнуть домой! Они даже хотели выбить дверь, но не нашли чем — и при-

шлось им уйти несолоно хлебавши. Антифол Эфесский так рассердился на Адриану, что даже решил подарить золотую цепочку, заказанную для неё, другой женщине, а Дромио Эфесского послал за верёвкой, чтобы отхлестать ею жену и слуг.

Тем временем в «Фениксе» Люциана, оставшись наедине с Антифолом Сиракузским (которого считала мужем своей сестры), пыталась убедить его быть добрее к жене. Тот же в ответ сказал, что никакой жены у него нет, но он так любит её, Люциану, что,

будь она русалкой, он бы с радостью опустил на дно морское, лишь бы только прикоснуться к её золотым волосам...

Люциана в ужасе выбежала от влюблённого Антифоло Сиракузского и рассказала Адриане о его ухаживаниях. Та пришла в ярость, обозвала мужа старым уродом и заявила, что больше не желает его ни слышать, ни видеть, — но в глубине души любила его по-прежнему.

Вскоре к Антифолу Сиракузскому явился незнакомец. Это был ювелир Анджело, которому Антифол Эфесский заказал золотую цепочку — ту самую, которую он пообещал жене, а потом, разозлившись, решил подарить другой женщине.

Ювелир вручил цепочку Антифолу Сиракузскому, а уверения, что тот ничего не заказывал, счёл забавной шуткой. Озадаченный Ан-

тифол принял цепочку так же благосклонно, как прежде обед Адрианы (как не взять того, что тебе так любезно предлагают!), и предложил ювелиру денег. Однако Анджело сказал, что зайдёт за деньгами вечером, — и с его стороны это было опрометчиво.

Не прошло и часа, как к нему нагрянул кредитор и пригрозил посадить Анджело в тюрьму, если тот немедленно не вернёт ему долг. Кредитор этот был из тех, кто шутить не любит: он привёл с собою пристава. Анджело обрадовался, увидев, как Антифол Эфесский выходит из дома, где обедал (поскольку домой, в «Феникс», его не пустили). Каково же было негодование ювелира, когда Антифол заявил, что никакой цепочки он не брал! За такое Анджело отправил бы в тюрьму и родную мать. И он без лишних слов отдал Антифола Эфесского в руки пристава.

В этот самый миг объявился Дромио Сиракузский. Считая этого Антифола своим хозяином, он сообщил, что нашёл корабль, погрузил на него все хозяйские пожитки, что дует попутный ветер и пора отправляться в путь. Антифолу Эфесскому всё это, конечно же, показалось полной бессмыслицей. В другое время он бы побил слугу, но сейчас было не до того — и он велел Дромио бежать к Адриане и упрашивать её прислать к тюрьме, куда его сейчас отведут, спрятанный дома в сундуке мешок с монетами.

Адриана по-прежнему ужасно сердилась на мужа — она ведь думала, что он ухаживает за её сестрой, — но всё же сказала Люциане до-

стать из сундука деньги и отправила Дромио за хозяином, приказав быстрее привести его домой.

На беду, не успев добежать до тюрьмы, Дромио встретил своего настоящего хозяина — Антифолу Сиракузского, который вовсе не был арестован и никак не мог понять, почему слуга суёт ему мешок с деньгами. Но ещё больше он удивился, когда совершенно незнакомая особа потребовала у него обещанную цепочку. Как вы уже догадались, это была та самая девушка, с которой обедал Антифол Эфесский, пока его место за домашним столом занимал его родной брат.

— Исчезни, ведьма! — воскликнул он к немалому изумлению девушки.

Тем временем Антифол Эфесский напрасно ждал денег. Он и так-то не отличался кротостью, а сейчас просто рассвирепел, когда Дромио Эфесский, зная не зная ни о каком мешке с деньгами, явился с верёвкой! Несмотря на все увещевания пристава, Антифол отстегал слугу этой самой верёвкой прямо на улице. А когда появились Адриана

и Люциана и привели с собой доктора, чтобы тот непременно пощупал пульс бедному обезумевшему мужу Адрианы, Антифол Эфесский так разбушевался, что его пришлось связать. Но добрая Адриана спасла его от позора: она пообещала выплатить сумму, которую Антифол задолжал, и попросила доктора отвести его в «Феникс».

Купец, который был кредитором Анджело, получив назад свои деньги, сменил гнев на милость, и теперь они с ювелиром шли по ули-

це перед аббатством и по-приятельски беседовали о странных выходках Антифола Эфесского.

— Тише, — сказал вдруг купец, — кажется, это он.

Но это был, как вы уже догадались, Антифол Сиракузский со своим Дромио, а на шее у него висела та самая цепочка, которую изготовил Анджело! Примирившиеся приятели бросились к нему и стали выпрашивать, почему же он отрицал, что взял у ювели-

ра цепочку, которой теперь имеет наглость себя украшать? Антифол Сиракузский окончательно вышел из себя и выхватил меч. Тут неожиданно появилась Адриана и с ней ещё несколько человек.

— Стойте! — закричала заботливая жена. — Только не причините ему боль! Он безумен. Отнимите меч! Свяжите его — и слугу тоже.

Но Дромио Сиракузский совсем не хотел, чтобы его связали.

— Бежим, господин! — закричал он. — Скорее, вон в то аббатство, иначе мы пропали!

И они скрылись в аббатстве, а Адриана, Люциана и толпа остались на улице.

Из аббатства вышла аббатиса.

— Почему вы здесь столпились, люди? — спросила она.

— *Мой бедный муж безумный скрывается здесь,* — ответила Адриана.

Анджело и купец удивились: они не знали, что Антифол не в своём уме. Адриана же принялась подробно рассказывать аббатисе о своих тревогах. Но аббатиса из её жалоб заключила, что Адриана — сварливая мегера, так что если её муж и впрямь утратил рассудок, то лучше ему пока не возвращаться к жене.

Тогда Адриана надумала пожаловаться герцогу Солину — и тот, как нельзя кстати, объявился у аббатства. Кроме свиты, с ним были ещё двое: Эгеон и палач. Эгеону так и не удалось раздобыть тысячу марок, и участь его, казалось, была решена.

Адриана упала перед герцогом на колени и поведала печальную историю о том, что её безумный муж носится повсюду, размахивая мечом, и крадёт у мирных горожан драгоценности, а аббатиса не даёт увести его домой!

Герцог велел позвать аббатису. Но едва он отдал этот приказ, как к Адриане подбежал слуга из «Феникса» и доложил, что его хозяин подпалил доктору бороду.

— Что за вздор? — возмутилась Адриана. — Он же тут, в аббатстве!

— Госпожа, я говорю правду! — сказал слуга. — Это так же верно, как то, что я стою перед вами!

Антифол Сиракузский всё ещё скрывался в аббатстве — и тут появился его брат, Антифол Эфесский. Он бросился в ноги герцогу и воскликнул:

— Молю о правосудии, о добрый герцог! Спаси меня от этой женщины! — Он указал на Адриану. — Она бесстыдно пировала с другим мужчиной, как будто с мужем, в моём же доме!

Слушая эту речь, Эгеон пробормотал:

— Если я не обезумел, то передо мною мой сын Антифол!

Однако никто не расслышал его слов, и Антифол Эфесский продолжил свой рассказ о том, как доктор, которого он назвал оборванным паяцем, вместе с какой-то шайкой связал его самого и слугу его Дромио и бросил в тёмный погреб, откуда он спасся, перегрызая верёвку зубами.

Герцог недоумевал: как может один и тот же человек одновременно говорить с ним — и скрываться в аббатстве? Он всё ещё ломал голову над этой загадкой, когда Эгеон спросил Антифола Эфесского, не сын ли тот ему. Антифол ответил, что никогда в жизни не видел своего отца.

— *Мой мальчик, лишь семь лет тому назад*

С тобою в Сиракузах мы расстались.

Меня стыдишься ты признать в нужде? — укоризненно произнёс Эгеон (его обмануло сходство Антифола Эфесского с братом, которого он, Эгеон, воспитал).

Тут из аббатства показалась аббатиса с Антифолом Сиракузским и Дромио Сиракузским.

— *Два мужа предо мной! Не грежу ль я?* — воскликнула Адриана.

— Это же Эгеон — или его призрак! — прошептал Антифол, увидев своего отца.

Но на этом сюрпризы не кончились.

— Я освобожу этого человека, — сказала вдруг аббатиса. — Я заплачу за него выкуп — и вновь обрету мужа, которого потеряла много лет назад. Скажи мне, Эгеон, помнишь ли ты свою жену Эмилию?

— Не надо выкупа! — вскричал растроганный герцог. — Я поми-
лую его!

Итак, Эгеон и Эмилия вновь соединились, Адриана и её супруг
помирились, и обе пары были вне себя от счастья. Но счастливее всех
был Антифол Сиракузский, который, не стесняясь присутствия герцо-
га, подошёл к Люциане и произнёс:

— Я ведь говорил тебе, что люблю тебя. Станешь ли ты моей
женой?

Ответ Люцианы легко было прочесть в её глазах.

А уж как были рады оба Дромио, что всё благополучно разреши-
лось и на их спины больше не будут сыпаться тумаки!

ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ

Венеции жил богатый купец Антонио. Корабли его бороздили все моря — он торговал с Португалией, Мексикой, Англией, Индией. Антонио гордился своим богатством, но при этом был очень щедр и с радостью давал деньги своим друзьям, самым близким из которых был его родственник Бассанио.

Как и многие другие светские щёголи, Бассанио был беспечен и расточителен. И вот, обнаружив, что он не только промотал своё состояние, но и залез в долги, Бассанио, как всегда, пришёл за помощью к Антонио.

— Вам, Антонио, я должен больше всех — и деньгами, и дружбой, — сказал Бассанио. — Я придумал, как вернуть вам все долги, если вы только согласитесь мне помочь.

— Скажите, что я могу для вас сделать, — и это будет сделано, — ответил его друг.

И Бассанио начал свой рассказ:

— В Бельмонте живёт одна богатая наследница по имени Порция. Поклонники едут к ней свататься со всех краёв земли — не только из-за богатства девушки, но также из-за её красоты и доброты. Когда мы в последний раз с ней виделись, Порция посмотрела на меня так благосклонно, что я уверен: из всех женихов она выберет меня... если только я раздобуду денег на поездку к ней в Бельмонт.

— Все мои товары — в море, на кораблях, — сказал Антонио, — поэтому свободных денег у меня нет. Но в Венеции у меня хорошая репутация, так что я займу для вас столько, сколько нужно.

В то время в Венеции жил богатый ростовщик по имени Шейлок. Антонио его презирал. Бывало, он прогонял его пинками со своего крыльца, обзывал псом, даже с отвращением плевал на него. Шейлок

сносил все унижения смиренно, с пожатьем плеч покорным, но в глубине души затаил жажду мести надменному богачу. Ведь Антонио не только задевал его гордость, но и препятствовал его обогащению. «Если бы не он, — думал Шейлок, — у меня было бы на полмиллиона дукатов больше. На рыночной площади, да и повсюду, где только

можно, он ссужает деньги под меньший процент, чем я, а то и вовсе даёт займы без процентов!»

И вот, когда Бассанио пришёл к Шейлоку с просьбой одолжить три тысячи дукатов на три месяца под поручительство Антонио, Шейлок скрыл свои истинные чувства и, обращаясь к Антонио, произнёс:

— Хоть вы обходились со мной дурно, я хочу быть вам другом и заслужить вашу приязнь. Поэтому я ссужу вам денег и даже не возьму процентов. Но вы, просто шутки ради, подпишите вексель: если вы ровно через три месяца не вернёте мне долг, то я получу право вырезать фунт мяса из любой части вашего тела на мой выбор.

— Не вздумайте! — крикнул Бассанио другу. — Вы не должны так рисковать из-за меня!

— Не бойтесь, — ответил Антонио. — Мои корабли вернутся домой за месяц до назначенного срока. Я подпишу этот вексель со спокойной душой.

Так у Бассанио появились средства на то, чтобы отправить-ся в Бельмонт и предложить руку и сердце прекрасной Порции.

В ту же ночь, как он отплыл, дочь Шейлока, красавица Джессика, убежала из отцовского дома с возлюбленным, прихватив с собой два мешка дукатов и драгоценные камни из отцовских сундуков. Горе и гнев ростовщика были страшны. Его любовь к дочери обернулась ненавистью.

— Чтоб она лежала мёртвой у моих ног с драгоценными камнями в ушах! — вопил он.

Единственным его утешением стал слух о том, что Антонио понёс большие убытки — некоторые из его кораблей потерпели крушение.

— Пусть попомнит о своём векселе! — злорадствовал Шейлок. — Пусть попомнит о своём векселе!

Тем временем Бассанио добрался до Бельмонта и нанёс визит красавице Порции. Как он и говорил, слух о её богатстве и красоте привлекал к ней воздыхателей из ближних и дальних стран. Но у Порции для них был один ответ: она принимала лишь тех, кто клялся выполнить условия, поставленные в завещании её отцом. Эти условия уже отпугнули немало пылких поклонников: каждый, кто искал руки и сердца Порции, должен был дать клятву, а затем угадать, в каком из трёх ларцов находится её портрет. Если он угадает, Порция станет его невестой; если же ошибётся, то, согласно клятве, обязан будет выполнить три условия: никому не говорить, на какой ларец он указал, немедленно покинуть дом Порции и никогда не жениться.

Один из трёх ларцов был золотым, второй серебряным, а третий — свинцовым. Надпись на золотом ларце гласила: «Со мной получишь то, что многие желают». На серебряном — «Со мной получишь то, чего достоин ты». На свинцовом — «Со мной ты всё отдашь, фискнув всем, что имеешь».

Принц Марокканский, чья отвага не уступала его черноте, одним из первых согласился на это испытание. Он сказал, что серебро и низменный свинец недостойны заключать в себе портрет Порции.

Выбрав золотой ларец, он обнаружил внутри череп — подобие смерти, которой многие желают.

Затем пришла очередь надменного принца Арагонского. Со словами: «Я получу то, чего достоин, — ведь я, конечно же, заслуживаю руки этой женщины!» — он указал на серебряный ларец. Однако в нём оказалась лишь глупая маска. «*Ужель достоин я дурацкой рожи?*» — вскричал он.

Наконец настал черёд Бассанио. Порция хотела оттянуть момент выбора из страха, что и он ошибётся, — ведь она нежно полюбила Бассанио, как и он её.

— Нет, — сказал Бассанио, — позвольте мне сделать выбор, потому что жить так, как я живу, — это пытка!

Тогда Порция приказала слугам принести музыкальные инструменты и играть, пока её благородный возлюбленный будет выбирать ларец. Бассанио принёс клятву и подошёл к ларцам. Всё это время музыканты играли тихую музыку.

— Внешность далека от сущности, — сказал Бассанио. — Мир легко обмануть украшениями. Поэтому мне не нужно ни блестящего золота, ни тусклого серебра. Я выбираю свинцовый ларец — и пусть мой выбор принесёт мне счастье!

Открыв ларец, Бассанио обнаружил там портрет Порции!

— Неужели вы теперь и вправду принадлежите мне? — спросил он девушку, не веря собственному счастью.

— Да, — ответила Порция, — я ваша, и этот дом тоже ваш, равно как и этот перстень, с которым вы не должны никогда расставаться.

Бассанио, едва не утративший от радости дар речи, всё же нашёл слова и поклялся, пока он жив, не расставаться с перстнем.

Но внезапно счастье их омрачила беда. Из Венеции прилетела весть о том, что Антонио разорён и Шейлок требует у венецианского герцога — дожа — выполнения условий векселя. А согласно векселю он, ростовщик Шейлок, имеет право на фунт плоти купца Антонио. Услышав об угрозе, нависшей над жизнью лучшего друга её жениха, Порция огорчилась не меньше, чем Бассанио.

— Пойдёмте скорее в храм, — сказала она, — и обвенчаемся. А потом сразу же мчитесь в Венецию на выручку другу. И возьмите с собой в двадцать раз больше золота, чем нужно для покрытия его долга!

Но как только новобрачный Бассанио покинул Бельмонт, Порция отправилась вслед за ним. Она прибыла в Венецию под видом молодого юриста с рекомендательным письмом от знаменитого учёного Белларио, которого венецианский дож просил разобраться в иске Шейлока к Антонио. Представ перед судом, Бассанио предложил Шейлоку сумму, вдвое превышающую сумму долга, если тот отзовёт свой иск. Но ростовщик ответил:

— Даже если бы каждый из этих шести тысяч дукатов делился на шесть частей и каждая часть тоже была дукатом, всё равно я бы их не взял, а потребовал бы уплаты по векселю.

Вот тогда-то и появилась Порция, переодетая доктором права, так что её не узнал даже муж. Дож приветствовал её, выслушал лестную рекомендацию великого Белларио и вверил ей решение дела. Порция произнесла благородную речь, взывая к милости Шейлока. Но тот остался глух к её просьбам.

— Я требую фунт мяса, — заявил он.

— Вам есть что сказать? — обратилась Порция к купцу.

— Не так уж много, — ответил Антонио. — Я готов. Пусть свершится приговор.

— Суд подтверждает твоё законное право на фунт мяса купца Антонио, — сказала Порция ростовщику.

— Премудрый, справедливый судья! — воскликнул Шейлок. — Вот это приговор! Готовься, Антонио!

— Постой-ка, — перебила Порция. — Этот вексель даёт тебе право только на фунт плоти Антонио, но не на его кровь. Если ты прольёшь хоть каплю его крови, всё твоё имущество перейдёт в казну республики. Таков закон.

— Тогда, — испугался Шейлок, — я лучше возьму то, что предложил Бассанио.

— Нет, — сурово отвечала Порция, — тебе не причитается ничего, кроме неустойки. Бери свой фунт мяса. Но учти: ровно фунт, не больше и не меньше. Если стрелка весов отклонится хотя бы на волосок, ты потеряешь всё своё имущество и будешь предан смерти.

Шейлок был вне себя от страха:

— Отдайте мне мои три тысячи дукатов, которые я ему одолжил, — и я его отпущу.

Бассанио хотел отдать Шейлоку эти деньги, но тут вмешалась Порция:

— Нет! Он не получит ничего, кроме неустойки. К тому же, — добавила она, — ты, чужестранец, покушался на жизнь гражданина Венеции. Поэтому, согласно венецианскому закону, все твои товары будут конфискованы, а право на жизнь ты утратил. На колени — и моли бога о милости!

Итак, противника сокрушили его же оружием. Никто бы не смиловился над Шейлоком, если бы не Антонио. Ростовщику пришлось отдать половину своего имущества в казну, а вторую половину завещать дочери и зятю — и радоваться тому, что остался жив.

Чтобы отблагодарить мудрого «юриста», Бассанио был вынужден отдать ему перстень, подаренный женой, — тот самый, с которым он пообещал никогда не расставаться. Именно такого дара потребовал «юрист» и ни на что другое не соглашался. Когда, приехав в Бельмонт, он признался в этом Порции, та притворилась ужасно рассерженной и поклялась не разговаривать с мужем, пока он не вернёт перстень. Но потом Порция всё-таки призналась, что это она сама, переодевшись доктором права, спасла жизнь друга Бассанио, и сама же выманила у мужа кольцо. Бассанио был прощён и стал ещё счастливее, когда осознал, насколько же велико сокровище, которое он приобрёл, угадав нужный ларец.

ТИМОН АФИНСКИЙ

а четыре сотни лет до Рождества Христова жил в Афинах человек по имени Тимон, настолько щедрый, что щедрость его граничила с безумием. Тимон был очень богат; но тому, кто дарит и раздаёт своё добро направо и налево, не хватит никакого земного богатства.

Если кто-то дарил Тимону лошадь, то получал в ответ двадцать прекрасных скакунов. Если кто-то занимал у Тимона деньги, а потом предлагал вернуть долг, Тимон чувствовал себя оскорблённым. Если Тимон находил время прочесть новые стихи, он тотчас покупал их у поэта, а художнику стоило

лишь развернуть перед Тимоном картину, как Тимон платил за неё вдвойне.

Безрассудность Тимона приводила в ужас его домоправителя Флавия. В доме Тимона шёл пир горой, кутили вельможи, рекой лились дорогие вина — а Флавий в погребке лил слёзы. Он не мог не думать о том, что в доме горят тысячи свечей, а в залах поют певцы,

и каждый из них за один концерт получает столько, сколько бедняк за целый год тяжкого труда. Флавий вспоминал слова философа Апеманта, одного из друзей хозяина: *«Какая тьма людей Тимона жрёт, а он не видит их!»*

Конечно же, Тимона все восхваляли.

Ювелир, продавший ему бриллиант, говорил, что этот камень не будет совершенным, пока его не наденет Тимон.

— Когда вы наденете этот бриллиант, он станет ещё прекраснее, — говорил он.

Когда Тимон подарил драгоценный камень вельможе по имени Семпроний, тот воскликнул:

— Этот человек — воплощение щедрости!

Другой вельможа, Лукулл, которому Тимон подарил великолепную лошадь, клялся:

— Тимон бесконечно дорог мне!

Прочие афиняне тоже расточали Тимону похвалы.

Слушая подобные льстивые речи, Апемант однажды сказал:

— Так и хочется вышибить одному достойному афинянину мозги.

— Но ты же заплатишься за это жизнью, — заметил Тимон.

— Значит, я умру за то, чего не делал, поскольку невозможно вышибить то, чего нет, — парировал Апемант; и теперь вы знаете, как шутили за четыреста лет до Рождества Христова.

Этот Апемант искренне презирал человечество, однако вовсе не чувствовал себя несчастным. В этом пёстром мире у каждого есть знакомый, который хотя и говорит о людях язвительно, отнюдь не избегает их; похвально, что его не обмануть сладкими речами, а в глубине души доволен собой и жизнью. Вот таким человеком и был Апемант.

Но вот настал день, который у нас называется «квартальным днём», и — вы не поверите! — добряк Тимон стал злее Апеманта.

Квартальный день — это день уплаты по всем счетам; день, когда бакалейщики, мясники и булочники вспоминают о своих должниках. Разумный человек к этому дню заранее запасается деньгами, но Тимон этого не сделал. Причём задолжал он не только за еду, но и за драгоцен-

ности, лошадей, дорогие вещи. А главное — он задолжал всё это ростовщикам, которые хотели получить от него вдвое больше, чем ему дали.

В кварталный день не принимаются никакие обещания заплатить позже. И в этот самый день все, кто давал Тимону займы, потребовали у него уплаты долга.

— Продай мои поместья, — велел Тимон домоправителю.

— Увы, это невозможно.

— Как же так?! — воскликнул Тимон. — У меня сотни, тысячи акров земли!

— Да вы бы раздали и весь мир, будь он вашим, — вздохнул Флавий.

— Тогда возьми денег в долг, — сказал Тимон. — У Вентидия.

Он подумал о Вентидии в первую очередь, потому что в своё время вызволил этого юношу из тюрьмы, заплатив его долги; теперь Вентидий разбогател, и Тимон рассчитывал на его благодарность. Однако Тимон задолжал столько, что денег одного Вентидия никак не хватило бы, поэтому он разослал слуг к нескольким друзьям с просьбой о займе.

Слуга по имени Фламиний отправился к Лукуллу. Узнав, что к нему пришёл слуга Тимона, Лукулл пробормотал:

— Наверняка он явился с подарком. То-то мне сегодня приснились таз и кувшин для умывания — оба из чистого серебра.

И тут же сменил тон:

— Как поживает достойнейший, великодушный, благороднейший господин твой Тимон?

— Он здоров, сударь, — ответил Фламиний.

— А что это у тебя под плащом? — игриво осведомился Лукулл.

— Там всего-навсего пустая шкатулка, сударь, которую я по поручению моего господина умоляю вас наполнить деньгами.

— Так-так... — пробормотал Лукулл, думая про себя: «Как бы не так!» — Твой господин — прекраснейший из людей, у него только один недостаток: чересчур любит закатывать пиры. Уж сколько раз я советовал ему поменьше тратить... Ты, Фламиний, сам понимаешь: не то сейчас время, чтобы одалживать деньги просто по дружбе, без всякого залога. Так что, будь другом, скажи своему господину, что не застал меня дома. Вот тебе за это три солидара.

— Прочь от меня, мерзкие деньги! — крикнул Фламиний, отшвырнув монеты. — Летите к тому, кто вам поклоняется!

Таковыми же скупердьями оказались и прочие друзья Тимона, в том числе и Семпроний.

— А к Вентидию твой хозяин обращался? — спросил Семпроний слугу Тимона. — Ведь Вентидий ему обязан.

— Вентидий отказал.

— А к Лукуллу?

— И Лукулл отказал.

— Значит, ко мне он обратился последнему? — Семпроний притворился оскорблённым. — Если бы он начал с меня, я бы с радостью одолжил ему денег, но теперь — ни за что! Не такой я глупец.

— Зато ваша милость — изрядный негодяй, — ответил слуга.

Узнав о низости друзей, Тимон воспользовался передышкой, которую дали ему кредиторы, и пригласил Вентидия и остальных на пир.

Флавий пришёл в ужас — но приглашённые ничуть не устыдились и собрались в доме Тимона, дружно решив, что добрейший хозяин, должно быть, просто подшучивал над ними, желая их испытать.

— Мне пришлось отложить важную встречу, чтобы поспеть сюда, — заявил Лукулл, — но разве я мог отказать Тимону?

— На беду, у меня как раз не было денег, когда он присылал за ними, — сказал Семпроний.

— И у меня не было. Какая жалость! — подхватил третий вельможа.

Тут вошёл Тимон, и гости принялись наперебой извиняться и расхваливать хозяина. Тимон, в душе презирая их, внешне был со всеми ласков и любезен.

Великолепный стол в пиршественном зале был заставлен блюдами, а блюда накрыты крышками. У гостей рты наполнились слюной. Эти неверные друзья любили хорошо поесть.

— Садитесь, дорогие гости, — пригласил Тимон и вознёс благодарение греческим богам. — Одарите каждого вдоволь, — попросил он богов, — но оставьте кое-что и себе про запас, ибо если вы, боги, начнёте занимать у людей, люди перестанут вам поклоняться. Пусть гости любят пиры больше, чем тех, кто их задаёт. Пусть на два десятка гостей будет двадцать негодяев. Благословите моих друзей так же, как они благословили меня... Снимайте же крышки, псы, и лакайте!

Голодные вельможи были так удивлены этой речью, что даже не стали возмущаться. Они подумали, что Тимон нездоров, поэтому, хотя он и обозвал их псами, сняли крышки с блюд. И в блюдах оказалась одна лишь тепловатая водичка.

— Чтоб вам никогда не знать лучших пиров! — пожелал гостям Тимон. — Я смываю с себя всю лесть, которой вы облепили меня, и бросаю вам в лицо вашу же подлость!

С этими словами Тимон выплеснул воду в лица гостям и принялся швырять в них блюда. Тем и закончился пир.

Тимон навсегда покинул Афины и поселился в пещере у моря.

Из всех друзей Тимона только один не отвернулся от него — красивый и статный воин Алкивиад. Но к нему Тимон не обращался за деньгами, потому что Алкивиад, поссорившись с афинским сенатом, покинул город.

Мысль о том, что Алкивиад мог бы помочь ему в беде, не смягчила ожесточившегося сердца Тимона. Ему не доставало мудрости понять, что в этом пёстром мире добро и зло ходят рука об руку. Неблагодарность Вентидия и подлость Лукулла — вот и всё, что видел Тимон в человечестве. Теперь он ел одни коренья и часами разговаривал сам с собой, копая землю в поисках пропитания.

Однажды, когда Тимон искал коренья около моря, лопата его упёрлась во что-то твёрдое. Это оказалось золото. Будь Тимон человеком мудрым, он бы тотчас обогатился, вернулся в Афины и жил в достатке. Но вид золота не вызвал у Тимона радости — только гнев и презрение:

— Золото — жёлтый раб! Оно связывает обетами и расторгает их. Оно делает чёрное — белым, уродство — красотой. Оно покупает убийства и благословляет то, что проклято!

Он всё ещё бранился, когда к нему приблизился Алкивиад (ставший теперь врагом Афин) со своими воинами и с двумя красивыми женщинами, которых интересовали лишь удовольствия и развлечения.

Чёрные мысли и простая, грубая жизнь так изменили Тимона, что Алкивиад поначалу его не узнал.

— Кто ты такой? — спросил он.

— Животное, как и ты, — ответил

Тимон.

Алкивиад узнал голос Тимона и предложил ему помощь и деньги. Тимон отверг то и другое, да вдобавок принялся оскорблять спутниц Алкивиада. Однако брань Тимона ничуть не задела женщин — ведь они уже узнали, что тот наткнулся на золотую жилу.

— Дай нам золота, любезный Тимон! Да побольше! — потребовали они.

Тимон, осыпая женщин ругательствами, наполнил их передники золотом.

— Прощай! — сказал Алкивиад, решивший, что Тимон лишился рассудка.

Вышколенные солдаты Алкивиада послушно зашагали за ним — ать-два! — не взяв и горсти золота, и пошли маршем на Афины.

Тимон же всё копал, извергая проклятия, а когда выкопал корень, оказавшийся сухим и бесплодным, принялся издевательски изображать восторг.

Тут-то и появился Апемант.

— Ходят слухи, что ты стал подражать мне, — сказал Апемант.

— Это потому, что у тебя нет пса, а был бы — я подражал бы ему, — ответил Тимон.

— Ты хочешь отомстить друзьям, а наказываешь самого себя, — заметил Апемант. — Это глупо. Они-то по-прежнему сытно едят и сладко спят. Жаль, что такой глупец хочет походить на меня.

— Если бы я походил на тебя, — сказал Тимон, — я бы сам себя вышвырнул прочь.

— А ты и вышвырнул, — презрительно усмехнулся Апемант. — Ты что, полагаешь, что холодный ручей заменит тебе освежающий утренний напиток, а восточный ветер, словно слуга, согреет твою одежду?

— Проваливай! — закричал Тимон.

Но Апемант и не подумал уходить. Он принялся доказывать Тимону, что тот бросается в крайности — либо богатство, либо нищета. При этом Апемант отпускал шутки, но Тимону было не до смеха. Они горячились, как мальчишки, и под конец совсем вышли из себя. Расвирепевший Тимон швырнул в Апеманта камень, сказав при этом:

— *Мне жаль и камень на тебя потратить!*

И Апемант ушёл, съязвив на прощанье:

— *Живи и наслаждайся нищетой!*

Но посетители, почти как в прежние времена, не оставляли Тимона в покое: вскоре к пещере явились разбойники и потребовали золота.

— Не слишком ли многого вы хотите? — сказал Тимон. — Вот вода, коренья, ягоды.

— Мы не птицы и не свиньи, — отрезал один из разбойников.

— Да, вы людоеды! Забирайте золото, и пусть оно вас погубит. Идите и грабьте друг друга.

Тимон говорил с ними так гневно, что, хотя разбойники ушли с полными карманами золота, они почти раскаялись и готовы были бросить своё ремесло.

Последним, кто пришёл в тот день к Тимону, был его верный домоправитель Флавий.

— Дорогой мой господин! — вскричал он.

— Прочь! Кто ты такой?

— Вы забыли меня, господин? — опечалился Флавий.

— Я забыл всех людей, — последовал ответ. — Ты человек? Значит, я и тебя забыл.

— Я был вам честным слугою, — напомнил Флавий.

— Чушь! — фыркнул Тимон. — Никогда со мной рядом не было честных людей.

Флавий расплакался.

— Что такое? — изумился Тимон. — Ты плачешь? Тогда подойди поближе. Ты мне нравишься. Видно, ты стал женщиной. Мужчины-то плачут только от смеха или когда о чём-либо умоляют.

Они ещё немного поговорили, а потом Тимон сказал:

— Это золото — моё. Я щедро одарю тебя, Флавий, но при одном условии: если пообещаешь жить уединённо и ненавидеть людей. Я сделаю тебя очень, очень богатым, если ты дашь слово, что скорее увидишь, как плоть слезает с костей нищего, чем дашь ему хлеба, и скорее уморишь должника в темнице, чем простишь ему долг.

Флавий же просто ответил:

— Позвольте мне остаться с вами, господин, и утешать вас.

— Если не любишь проклятий, уходи прочь!

И Тимон отвернулся от Флавия, а тот печально побрёл в Афины, не смея ослушаться потерявшего рассудок хозяина.

Итак, домоправитель ничего не взял у Тимона. Однако по городу прошёл слух о том, что бывший хозяин предлагал Флавию золото, и к пещере Тимона опять потянулись гости. На сей раз это были живописец и поэт, которым он покровительствовал в пору своего процветания.

— Приветствуем вас, о достойнейший Тимон! — сказал поэт. — Мы с изумлением узнали, что вас предательски покинули все друзья. Нет наказания, которого бы они не заслужили!

— Мы пришли, — добавил живописец, — предложить свои услуги.

— Стало быть, вы слышали, что я нашёл золото, — сказал Тимон.

— Был такой слух, — покраснев, признался художник, — но мы с другом явились не за этим.

— Какие добрые, честные люди! — продолжал глумиться Тимон. — Хоть вы пришли и не за этим, я всё равно дам вам золото, много золота, если вы избавите меня от двух злодеев.

— Кто они? — хором спросили оба.

— Вы! — ответил Тимон и принялся колотить их, приговаривая: — Вот вам плата! Ты нарисуй побои и продай картину. А ты опиши их в стихах — вот и будет тебе золото. — И поэт с живописцем убежали.

Наконец к Тимону явились двое сенаторов. Афинам угрожал Алкивиад со своим войском, и они хотели привлечь Тимона на свою сторону, опасаясь, что тот поддержит своим золотом их врага.

— Забудь все обиды, — сказал один сенатор. — Афины предлагают тебе высокие посты и славу.

— Афины признают, что грубо ошиблись, забыв твои заслуги, раскаиваются в такой забывчивости и предлагают возместить тебе всё, и с избытком, — сказал второй.

— О достойные сенаторы! — принялся, по своему обыкновению, насмехаться Тимон. — Вы так растрогали меня, что вот-вот прольются слёзы! Так одолжите мне женские глаза и сердце дурака!

Но сенаторы беспокоились о судьбе своего города. Они верили, что этот озлобленный человек способен спасти Афины, и не хотели с ним ссориться.

— Будь нашим правителем, — просили они, — и поведи Афины в бой против Алкивиада, который грозит погубить наш город.

— Так пусть погубит и его жителей! — закричал Тимон.

Видя его злобу и отчаяние, сенаторы отступились и вернулись в Афины.

Вскоре у городских стен раздались звуки труб, зовущие к переговорам. Сенаторы взойшли на стену, и Алкивиад обратился к ним с речью. Он сказал, что вскоре под злодеями пошатнутся их удобные кресла. Видя его решительно настроенное войско, сенаторы поняли, что город не выдержит штурма. Поэтому они решили вступить в переговоры — ведь слова проникают глубже стрел.

— Эти стены возведены не теми, кто когда-то причинил тебе зло, Алкивиад, — сказал первый сенатор.

— Войди в город, — сказал второй, — и казни каждого десятого, если твоя месть так жаждет человеческой плоти.

— Пощади Афины — свою колыбель! — добавил первый сенатор.

— Я ищу лишь справедливости, — ответил Алкивиад. — Если вы впустите мои войска в город, то, клянусь вам, любой солдат, который осмелится нарушить афинский закон, будет наказан по этому закону.

В этот миг к Алкивиаду приблизился воин со словами:

— Мой доблестный командир! Тимон скончался.

Он вручил Алкивиаду восковую пластинку и сказал:

— Он похоронен на морском берегу, и на его надгробье есть надпись, но я не умею читать, а потому сделал этот слепок.

И Алкивиад прочел:

— *Себя схоронил здесь Тимон, ненавидевший мир и людей.*

Пройдя, прокляните его и ступайте дорогой своей.

— Ты умер, благороднейший Тимон, — сказал Алкивиад.

И он вошёл в Афины не с мечом, но с оливковой ветвью. Это был единственный из Тимоновых друзей, кто отличался великодушием и щедростью...

А печаль и гнев Тимона остались в людской памяти как напоминание о том, что чёрная неблагодарность способна превратить любовь в ненависть.

ОТЕЛЛО

етыре сотни лет назад в Венеции жил человек по имени Яго. Он служил знаменосцем у генерала Отелло. Яго был очень зол на Отелло за то, что тот, несмотря на просьбы важных вельмож, не сделал его лейтенантом и своим первым помощником. Отелло предпочёл взять на эту должность Микеле Кассио, чьё красноречие в своё время помогло ему завоевать любовь прекрасной Дездемоны. У Яго был приятель Родриго, который щедро ссужал его деньгами. Этот Родриго влюбился в Дездемону и говорил, что не будет счастлив, пока она не станет его женой.

Отелло был мавр, такой чернокожий, что враги называли его дьяволом. Жизнь его состояла из трудностей и опасных приключений. Однажды его захватили в плен, продали в рабство, а потом выкупили; он странствовал в дальних краях и видел много диковинного — даже людей с головами, растущими ниже плеч... Этот человек, храбрый как лев, имел всего один недостаток — один, но очень большой. Отелло был ревнивец. Любовь его не назовёшь бескорыстной, ибо любил он в первую очередь себя. Любить женщину для него означало владеть ею безраздельно, точно вещью, которая не способна мыслить и чувствовать. История Отелло — это история ревности.

Однажды ночью Яго известил своего приятеля Родриго, что Отелло тайком похитил Дездемону у её отца — сенатора Брабанцио. Яго уговорил Родриго разбудить Брабанцио, и когда сонный сенатор вышел на балкон, Яго в очень грубых выражениях сообщил ему о тайном бегстве Дездемоны. При этом он, не стесняясь, обозвал своего генерала Отелло вором и берберийским жеребцом!

Взбешённый Брабанцио перед лицом дожа Венеции обвинил Отелло в том, что тот околдовал и приворожил его дочь. Отелло же на это ответил, что единственным «приворотным зельем», которым он угощал девушку, был его собственный голос: Отелло рассказывал Дездемоне о своих приключениях и о том, как часто он бывал на волосок от гибели. Дож велел вызвать Дездемону в зал совета, и та объяснила, почему она полюбила Отелло, несмотря на его черноту:

— *Лицом Отелло был мне дух Отелло.*

Итак, выяснилось, что Дездемона вышла замуж за Отелло по доброй воле и рада быть его женой. Так что все обвинения против Отелло были сняты, тем более что дож собирался немедленно послать его на Кипр — защищать остров от турок. Отелло с готовностью согласился, а Дездемона взмолилась, чтобы ей позволили сопровождать мужа, — и получила разрешение.

Прибыв на Кипр, Отелло испытал огромную радость: его встретила Дездемона! Отправившись вслед за мужем, она приплыла на остров раньше — с Яго, его женой и Родриго.

— Мой нежный друг, — воскликнул Отелло, — я так счастлив!

Вскоре стало известно, что буря потопила турецкий флот, и на радостях Отелло объявил на Кипре праздник: все были вольны пировать, плясать и веселиться с пяти часов вечера и до тех пор, пока часы пробьют одиннадцать.

Отелло, главный военачальник и наместник на Кипре, жил в замке. В праздничную ночь начальником стражи замка был Кассио. Злой Яго решил напоить лейтенанта допьяна. Это оказалось не так-то просто: Кассио знал, что быстро пьянеет, и потому отказывался пить. Но слуги принесли вино прямо в зал, где Кассио нёс стражу, Яго запел заздрав-

ную песню, и Кассио пришлось один за другим поднимать бокалы за здоровье военачальника...

Когда хмель ударил Кассио в голову и тот сделался буйным и задиристым, Яго принялся подстрекать Родриго, чтобы тот сказал Кассио какую-нибудь пакость. Родриго так и сделал — и Кассио изо всех сил ударил его. Родриго

бросился наутёк, Кассио за ним. Всё это увидел Монтано, бывший наместник, и вежливо попытался вмешаться. Но Кассио так грубо ему ответил, что Монтано воскликнул:

— Да вы пьяны!

Услышав это, Кассио бросился на Монтано и ранил его. Тогда Яго шепнул Родриго:

— Беги и кричи, что в городе бунт!

Родриго и тут послушался Яго. Поднялся переполох, и звон набата разбудил Отелло. Тот, узнав, что произошло, сказал:

— Хоть я тебя и люблю, Кассио, но офицерского звания лишаю.

Когда Кассио и Яго остались наедине, Кассио, сгорая со стыда, стал горько сокрушаться о потере своего доброго имени. Яго на это с ухмылкой возразил, что доброе имя — пустая выдумка.

— *Боже мой!* — восклицал Кассио, не слушая его. — *И нужно же людям впускать в себя через рот врага, который крадёт у них разум!*

И тут хитрый Яго посоветовал Кассио вот что: умолять Дездемону, чтобы та вступилась за него и уговорила Отелло его простить. Кассио воспрянул духом, поблагодарил Яго за добрый совет и на следующее же утро в саду замка изложил Дездемоне свою просьбу.

Дездемона была сама доброта. Она сказала:

— Приободришься, Кассио; я скорей умру, чем брошу хлопотать о тебе.

В этот миг Кассио заметил, что к ним приближаются Отелло и Яго, и поспешил прочь.

— Не нравится мне это, — со значением сказал Яго.

— Что? — переспросил Отелло, которому в голосе Яго послышалось что-то неприятное.

Но Яго притворился, будто он вовсе ничего не говорил:

— Нет, ничего. А впрочем... Нет, не знаю.

— Не Кассио ли это беседовал тут с моей женой? — спросил Отелло.

Яго, который точно знал, что это был именно Кассио, и знал, зачем тот приходил к Дездемоне, сказал:

— Не может быть, чтобы Кассио крался от вас прочь, как будто в чём-то виноват.

Дездемона рассказала Отелло, что Кассио, завидев его, убежал, потому что ему стыдно. Она напомнила мужу о том, как раньше, когда они ещё не были женаты и у них случались размолвки, верный друг

Кассио всегда заступался за Отелло и становился на его сторону. Расстроженный Отелло смягчился:

— Всё будет как ты просишь.

На это Дездемона ответила: то, о чём она просит, на пользу самому Отелло — как если бы она просила его потеплее одеться и вкусно поесть. И с этими словами она ушла из сада.

А Яго спросил Отелло: правда ли, что Кассио был знаком с Дездемоной, когда её сердце было ещё свободно?

— Да, — ответил Отелло.

— Вот оно как... — пробормотал Яго, словно наконец прояснилась какая-то тайна, не дававшая ему покоя.

— А что тут такого? — насторожился Отелло. — Разве он не честный человек?

— Честный человек... — эхом повторил Яго, и в голосе его прозвучало сомнение, словно он боялся ответить «нет».

— Что ты хочешь сказать? — не отступал Отелло.

И Яго на это ответил нечто противоположное тому, что он раньше говорил Кассио! Помните, как он убеждал Кассио, что доброе имя — это пустая выдумка? А теперь он сказал Отелло вот что:

— Кто украл у меня кошелёк — украл пустяк, но кто украл моё доброе имя — тот разорил меня!

При этих словах Отелло едва не подпрыгнул. Яго понял, что добился своего: распалил в генерале ревность. Поэтому он осмелился предостеречь Отелло:

— *Берегитесь ревности, синьор.*
То — *чудище с зелёными глазами,*
Глумящееся над своей добычей.

Затем Яго подлил ещё масла в огонь, напомнив Отелло, что Дездемона бежала с ним втайне от отца. Намёк был прозрачен: «Если она обманула родного отца, почему бы ей не обмануть и мужа?»

Когда Яго ушёл, явилась Дездемона с известием, что обед готов. Она сразу заметила, что мужу не по себе. Отелло объяснил это тем, что у него болит голова. Тогда Дездемона предложила ему перевязать голову платком, который он ей когда-то подарил. Это был не простой платок. Пророчица, прожившая на свете двести лет, соткала его из шёлка священных червей, окрасила зельем из сердец умерших дев и расшила алой земляникой. Но милая, добрая Дездемона не знала всего этого. Она не знала, что на платке лежит заклятие и что потерявшую его ждёт страшная беда. Для неё это был просто мягкий, прохладный лоскут, который поможет унять головную боль.

— Дай я обвяжу тебе голову, — потянулась она к мужу, — и уже через час тебе полегчает.

Но Отелло проворчал, что платок слишком мал. Он оттолкнул руку Дездемоны, и та сама не заметила, как уронила платок.

Дездемона и Отелло отправились в замок обедать. А платок подобрала Эмилия, служанка Дездемоны. Ведь это был тот самый платок, который Яго, её муж, столько раз уговаривал её украсть!

Эмилия как раз любовалась платком, когда появился Яго. Он поспешно отобрал у жены платок и велел ей уйти.

Вскоре в сад вышел Отелло. Казалось, он готов был с жадностью ухватиться за любую, самую чудовищную ложь, какую только мог измыслить Яго. А Яго только того и ждал. Он поспешил сказать, что яко-

бы видел, как Кассио утирал рот платком, расшитым земляникой, — уж не тот ли это платок, который Отелло подарил своей супруге?

Несчастный мавр обезумел от ревности и ярости; Яго же, рухнув на колени, призвал небеса в свидетели, что отдаёт всю силу своих рук, сердца и ума на службу Отелло.

— Я ценю твою преданность, — сказал Отелло. — В ближайшие три дня ты должен доложить мне, что Кассио мёртв.

Как вы думаете, что сделал Яго? Он подбросил платок Дездемоны в покои Кассио! Кассио удивился, увидев незнакомую вещь, но ему так понравился земляничный узор, что он вручил платок своей возлюбленной, Бьянке, и попросил вышить ему такой же.

Дальше хитрый Яго подговорил Отелло (который был очень зол на Дездемону и бранил её из-за потерянного платка) укрыться в сторонке и тайком подслушать его беседу с Кассио. Он замыслил поговорить с Кассио о Бьянке — но так, чтобы Отелло решил, будто они говорят о Дездемоне.

— Как поживаете, лейтенант? — спросил Яго, увидев Кассио.

— Всё хуже и хуже, — угрюмо ответил Кассио, — и как раз потому, что я больше не лейтенант.

— Почаще просите Дездемону, и ваше звание к вам вернётся, — сказал Яго и шёпотом, чтобы не услышал Отелло, добавил: — Вот если бы вопрос решала Бьянка — как быстро бы всё уладилось!

— Бедняжка! — улыбнулся Кассио. — Похоже, она и вправду меня любит.

И он, не в силах сдержать самодовольства, стал бесстыдно похваться любовью Бьянки. А Отелло в своём укрытии задыхался от гнева — он-то был уверен, что Кассио ведёт речь о Дездемоне!

«Ну погоди, Кассио! — думал он. — Я уже вижу твой нос, но ещё не вижу пса, которому его швырну!»

Тут откуда ни возьмись появилась разъярённая Бьянка. Ей почему-то взбрело в голову, что Кассио, который, как она считала, всецело принадлежит ей, попросил её снять узор с платка, подаренного ему новой подружкой! Осыпая Кассио упрёками, Бьянка швырнула ему платок и убежала. Кассио бросился следом.

Посмотрев на Бьянку, которая уступала Дездемоне во всём — в красоте, уме, благородстве, — Отелло невольно, вопреки злости и обиде, стал восхищаться собственной женой. Сам того не желая, он хвалил её искусство вышивальщицы, её нежный голос, который укротил бы и свирепого медведя, её высокий ум, её приветливость... Яго же всякий раз перебивал его и говорил о Дездемоне что-то дурное, вновь распаляя гнев Отелло. Тогда тот снова принимался бранить её — и тут же начинал хвалить, причитая:

— Как жаль, Яго! Ох, как жаль, Яго!

Плетя свои злодейские сети, Яго ни на миг не поколебался, ни разу не испытал угрызений совести. Вот и теперь он хладнокровно произнёс:

— Задуйте её.

А несчастный одураченный Отелло воскликнул:

— Прекрасно!

И вот как раз когда они обсуждали убийство Дездемоны, появилась она сама в сопровождении отцовского родственника по имени Лодовико и его свиты. Этот Лодовико прибыл с письмом для Отелло от дожа Венеции. В письме сообщалось, что Отелло отозван с Кипра, и отныне пост наместника будет занимать Кассио.

На свою беду, Дездемона выбрала именно этот злополучный момент, чтобы ещё раз напомнить мужу о деле Кассио.

— О, пламя ада! — взревел Отелло.

— Наверное, он огорчился из-за письма! — предположил Лодовико и рассказал Дездемоне о содержании привезённого им послания.

— Я очень рада, — с вызовом сказала Дездемона — и это были первые слова обиды за всё то время, пока Отелло был суров и груб с нею.

— Я рад, что ты сошла с ума! — рявкнул в ответ Отелло.

— Почему же, милый Отелло? — насмешливо спросила Дездемона.

И Отелло ударил её по лицу. Вот тут-то Дездемоне самое время было спастись бегством, но она даже не заподозрила, что над ней нависла смертельная угроза. Она просто почувствовала, что ей и её любви нанесена глубокая рана.

— Я этого не заслужила, — проговорила Дездемона, и слёзы потекли по её щекам.

Лодовико был потрясён и возмущён увиденным.

— Синьор, это уж слишком! — воскликнул он. — Если я расскажу о таком, в Венеции мне просто не поверят. Скорей просите у неё прощения!

Но обезумевший Отелло не желал ничего слушать. Он вновь принялся оскорблять Дездемону, а под конец крикнул:

— Прочь с моих глаз!

— Я уйду, чтобы не огорчать тебя, — покорно сказала Дездемона, но всё же медлила и ушла лишь после того, как Отелло ещё раз выкрикнул:

— Сгинь!

Затем Отелло пригласил Лодовико с компанией на ужин.

— Добро пожаловать на Кипр, сударь! — сказал он, а потом добавил: — Козлы и обезьяны! — и покинул общество, не дожидаясь ответа.

Высоким гостям было неприятно присутствовать при семейной ссоре и уж совсем не понравилось, что их называли козлами и обезьянами. Поэтому Лодовико обратился за объяснениями к Яго.

Коварный Яго оставался верен себе: он обиняками дал понять, что Отелло не в своём уме, и посоветовал гостям ни о чём больше не спрашивать, а понаблюдать за хозяином и самим сделать выводы.

Затем Яго стал подстрекать Родриго, чтобы тот убил Кассио. Родриго был явно обижен на друга, потому что много раз передавал ему драгоценности для Дездемоны — и всё без толку. Простофиля Родриго и не догадывался, что Дездемона даже не видела этих драгоценностей, так как Яго все их присвоил. В придачу ко всему он оказался ещё и вором!

Как ни был Родриго раздосадован, Яго без труда смягчил его сердце очередной ложью и подбил на убийство. Когда

Кассио выходил из дома Бьянки, Родриго подстерёг его и ранил — и был ранен в ответ. На крики Кассио прибежали Лодовико с товарищем. Кассио указал на Родриго, объяснив, что этот незнакомец напал на него. Находившийся поблизости расчётливый Яго сразу понял, что это удобный шанс избавиться от приятеля, который мог его выдать. Он выкрикнул: «Негодяй!» — и заколол Родриго. Однако тот, как выяснилось потом, остался жив.

Тем временем в замке печальная Дездемона не находила себе места. Она велела Эмилии уйти, поскольку Отелло приказал ей отослать служанку.

— Отослать меня?! — воскликнула Эмилия.

— Такова воля мужа, — сказала Дездемона, — не будем его огорчать.

Простившись с Эмилией, Дездемона тихонько запела песню де-вушки, которую бросил любимый, — песню бедняжки, плачущей над ручьём под ветвями плакучей ивы. Так, напевая, Дездемона легла в постель и уснула.

Проснулась она от того, что муж смотрел на неё неотрывным, пронзительным взглядом.

— Молилась ли ты на ночь? — грозно спросил Отелло и приказал невинной, кроткой Дездемоне попросить у Бога прощения за все грехи, которые лежат на её душе. — Потому что, — добавил он, — душу твою я не хочу убивать.

Отелло заявил Дездемоне, что Кассио во всём признался, — но она-то знала, что касательно неё Кассио не

в чем было признаваться! Она так и сказала мужу:

— Кассио не может сказать обо мне ничего плохого!

— Конечно, не может, — отвечал Отелло. — Рот его закрыт навсегда!

Дездемона плакала, молила о пощаде, но Отелло не желал ничего слушать. Он с проклятиями схватил Дездемону за горло и задушил её.

Пришла Эмилия, сердцем почуявшая беду, и стала умолять впустить её. Отелло отпер дверь, и тут с кровати донёсся стон:

— Умираю... безвинно...

— Кто это сделал? — вскричала Эмилия.

— Никто... — ответил голос. — Я сама... Прощай!

— Это я убил её, — сказал Отелло.

К скорбному ложу, где лежала бездыханная Дездемона, сбегались люди, среди которых был и Яго. Отелло принялся перечислять свидетельства вины Дездемоны — но когда он дошёл до платка, вмешалась Эмилия и поведала правду.

И Отелло всё понял.

— Неужто у небес нет молний? — в отчаянии воскликнул он и бросился на Яго, но тот бежал, успев смертельно ранить Эмилию.

Однако Яго догнали, вернули и приговорили к мучительной казни.

Отелло же хотели отвезти в Венецию и там судить. Но он, обращаясь к венецианцам, взмолился:

— Постойте, дайте мне сказать два слова! Когда будете рассказывать об этом, опишите меня таким, каков я есть, не лучше и не хуже. Скажите, что я отшвырнул прочь прекраснейшую из жемчужин и оплакал её, хотя мои глаза доселе не знали слёз. А ещё скажите, что когда много лет назад в Алеппо я увидел, как турок бьёт венецианца, то я схватил его за горло и заколол — вот так!

С этими словами Отелло вонзил кинжал прямо себе в сердце — и рухнул замертво, коснувшись губами лица Дездемоны в последнем безнадежном поцелуе.

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ

Падуе жил некогда богатый дворянин по имени Баптиста, и были у него две дочери-красавицы.

К старшей, Катарине, сердитой и вспыльчивой грубиянке, никто не сватался — кому нужна сварливая жена? Зато её сестра Бьянка была такой милой, нежной и кроткой, что многочисленные поклонники осаждали Баптисту, прося её руки. Но тот оставался непреклонен: сначала он должен выдать замуж старшую дочь. Вот воздыхатели Бьянки и сговорились найти Катарине жениха — после этого, решили они, Баптиста хотя бы согласится выслушать их речи о нежных чувствах к Бьянке.

Выбор их пал на молодого дворянина из Вероны по имени Петруччо, и они полушутя спросили его, не хочет ли он жениться на грубой и сварливой Катарине. К их изумлению, Петруччо ответил, что очень хочет! Если эта Катарина хороша собой и богата, сказал он, то уж ласковой и приветливой он её как-нибудь сделает.

Для начала Петруччо обратился к Баптисте с просьбой: не позволит ли тот ему поухаживать за своей дочерью — любезной Катариной? Баптисте не оставалось ничего иного, кроме как предупредить Петруччо, что дочь его вовсе не любезна. Словно в подтверждение этих слов в комнату ворвался учитель музыки: несносная Катарина сломала лютню о его голову всего лишь за то, что он указал ей на ошибку!

— Вот весёлая девчонка! — воскликнул Петруччо. — Кажется, она мне нравится ещё больше! Скорее бы встретиться с ней и поболтать.

Тут вошла Катарина, и Петруччо радостно приветствовал её:

— *День добрый, Кет! Так вас зовут, слышал я?*

— *Слыхали так? Расслышали вы плохо,* — грубо ответила девушка. — *Зовусь я от рожденья Катариной!*

А вот что сказал на это Петруччо:

— *Солгали вы; зовут вас просто Кет;*

То милой Кет, а то строптивой Кет,

Но Кет, прелестнейшей на свете Кет.

Так вот, моя милая Кет, услышав, что люди повсеместно хвалят твою кротость и красоту, я прибыл сюда просить твоей руки.

— Моей руки?! — взвилась Кет. — Да ни за что на свете!

И она наговорила Петруччо ужасных грубостей, а в довершение всего, стыдно сказать, дала ему пощёчину!

— Ударишь ещё раз — получишь сдачи, — тихо сказал Петруччо и, несмотря на все колкости Катарина, заявил, что она мила и прекрасна и что он женится на ней во что бы то ни стало.

В этот момент вернулся Баптиста и сразу же спросил:

— Ну что, поладили вы с дочкой?

— Конечно, поладили, — ответил Петруччо. — Могло ли быть иначе?

— А ты что скажешь, Катарина? — обратился Баптиста к дочери. Катарина так и вспыхнула:

— Нечего сказать, хорош отец! Просватал меня за полоумного, нахала, грубияна...

— Понимаете ли, — сказал Петруччо, — вы и все другие зря на неё наговаривали. Видели бы вы, как она мила и нежна, когда мы с ней наедине! Словом, я еду в Венецию за подвенечными нарядами, потому что — дай ручку, Кет! — в воскресенье мы играем свадьбу!

При этих словах Катарина вылетела из комнаты, словно ужаленная, а Петруччо, усмехаясь, спокойно вышел в другую дверь.

Мы не знаем, понравился ли Катарине Петруччо. Возможно, она просто была рада впервые в жизни встретить мужчину, который не оробел перед ней. А может, ей польстило, что, несмотря на всю её грубость и язвительность, он всё равно был полон решимости взять её в жёны. Так или иначе, в воскресенье они действительно сыграли свадьбу, как и обещал Петруччо.

Чтобы смирить мятежный дух Катарины и заставить её поволноваться, Петруччо нарочно опоздал на свадьбу. Наконец он явился — но в таких ужасных лохмотьях, что Катарина сгорала со стыда, идя с ним под венец. Слуга его тоже был в обносках, а над их жалкими клячами потешались все встречные.

После венчания Петруччо вместо свадебного пира увёз жену прочь, не дав ей ни кусочка съесть и ни глоточка выпить. Он заявил, что отныне жена — его собственность, а своим добром он волен распоряжаться по своему усмотрению. Вёл он себя при этом так дико и грубо, что Катарина, дрожа от страха, повиновалась ему. Петруччо усадил молодую жену на тощую, спотыкающуюся клячу и, ворча и ругаясь, повёз в свой загородный дом.

Дорога была грязная и ухабистая, и когда они добрались до места, Катарина совсем обессилела от усталости. Однако Петруччо решил не давать ей в эту ночь ни есть, ни спать, поскольку твёрдо вознамерился преподать строптивой жене урок на всю жизнь.

Петруччо приветливо пригласил Катарину в дом, но когда подали ужин, стал кричать на слуг и нещадно придирааться ко всему. Стол накрыт плохо, говорил Петруччо, а мясо пережарено; он же слишком любит молодую жену, чтобы позволить ей есть что попало. В итоге утомлённая путешествием Катарина отправилась спать без ужина. Но на этом её злоключения не кончились. Беспрестанно твердя о сво-

ей любви и о том, как ему важно, чтобы любимая хорошо выспалась, Петруччо разбросал куда попало все подушки, простыни и перины, так что Катарине вообще негде было лечь. Нечего и говорить, что при этом он неустанно бранил слуг за нерадивость. Петруччо хотел на своём примере показать Кет, что сварливый нрав не украшает человека.

На другой день история повторилась: Петруччо разругал яства и велел всё унести. Катарина не успела даже притронуться к еде и еле держалась на ногах после бессонной ночи.

— Прошу тебя, — взмолилась она, обращаясь к слуге, — раздобудь мне еды, всё равно какой!

— Что вы скажете про телячью ножку? — спросил слуга.

— Да! — обрадовалась Катарина. — Неси её скорей!

Но слуга, который был в сговоре с хозяином, ответил, что ножка, пожалуй, вредна для печени; может быть, госпожа предпочтёт требуху?

— Тащи! — велела Катарина.

— Нет, она тоже вредна для здоровья. Что вы скажете про говядину с горчицей?

— Я её обожаю! — воскликнула Катарина.

— Боюсь, горчица вас разгорячит...

— Ну так давай без горчицы! — поторопила его Катарина, изнывая от голода.

— Нет, — сказал слуга, — без горчицы никак нельзя. Только с горчицей.

— Тогда, — крикнула Катарина, теряя терпение, — тащи то и другое, или что-то одно, как хочешь!

— Ладно, — согласился слуга, — так и быть, принесу горчицу без говядины.

Только тогда Катарина поняла, что слуга потешается над ней, и поколотила его.

Наконец Петруччо пригласил Катарину отведать блюдо, которое сам для неё приготовил. Но не успела Катарина проглотить и кусочка, как муж велел немедленно убирать со стола, потому что явился портной с новыми нарядами.

Катарине пришлось по душе новые платье и шапочка — но не тут-то было. Петруччо принялся кричать, что наряд испорчен. Он обругал портного последними словами, швырнул на пол и шапочку, и платье, и поклялся, что его красавица-жена ни за что не наденет такое уродство.

— Надену! — закричала Катарина. — Все хорошие дамы носят такие...

— И ты будешь носить, когда станешь хорошей, — отрезал муж, — не раньше.

С бранью выпроводив портного (но тайком пообещав расплатиться с ним), Петруччо сказал:

— Собирайся, Кет, поедem к твоему отцу в обычном платье. Ведь как *сквозь тучи солнце проникает, так честь сквозь платье скромное видна*. Сейчас около семи; к обеду как раз доберёмся.

— Уверяю, сейчас почти два часа, — возразила Кет. Она уже поняла, что мужа лучше не сердить, и разговаривала с ним вежливо, не то что раньше с отцом и сестрой. — Почти два, мы и к ужину, скорее всего, не доедем.

— Поедем ровно в семь! — заупрямился Петруччо. — Что б я ни сказал, ни сделал, ни подумал — вечно ты идёшь наперекор! Вот возьму и вовсе сегодня не поеду, а когда поеду, будет столько времени, сколько я скажу!

Наконец они тронулись в путь.

— Посмотри-ка на луну, — сказал Петруччо.

— Но ведь это солнце! — удивилась Катарина.

А это и вправду было солнце.

— Опять ты пререкаешься? Сказал «луна», значит, луна! А скажу «солнце» — будет солнце. Что я скажу, то и будет светить, иначе не поедем к твоему отцу!

Тут-то Катарина и сдалась — раз и навсегда. Она сказала:

— *Как назовёте, так оно и есть,*

И так всегда для Катарины будет.

С этого самого момента Катарина поняла, что муж — господин над ней, и больше не показывала свой строптивый нрав ни ему, ни другим.

Приехав в Падую, они попали прямоком на свадебный пир. Бьянка из всех своих женихов выбрала самого достойного — Люченцио,

а отвергнутый ею Гортензио не стал унывать и тут же сделал предложение своей давней знакомой. Так что в этот день праздновались сразу две свадьбы в одном доме. Петруччо и Катарину пригласили к столу, где все пировали и веселились, и всё шло как нельзя лучше. Но тут молодая жена Гортензио, видя, как беспрекословно Катарина

повинуется мужу, надумала потешаться над ней, на что раньше вряд ли решилась бы. Однако Катарина отвечала ей сдержанно и находчиво, обратив все насмешки против самой новобрачной.

После пира, когда дамы удалились, Баптиста вместе с другими стал подшучивать над Петруччо:

— *Увы, как мне ни жаль, сынок Петруччо,
Твоя жена строптивей, чем у всех.*

— Ошибаетесь, — сказал Петруччо, — и я вам это докажу. Пусть каждый из нас пошлёт сейчас за своей женой, и тот, чья жена немедленно придёт на зов, получит весь заклад, который мы поставим на кон.

Остальные с готовностью согласились. Каждый полагал, что его жена послушнее всех, и в глубине души был уверен, что выигрыш достанется ему.

Поначалу был предложен заклад в двадцать крон.

— Двадцать крон! — возмутился Петруччо. — Да я столько ставлю на сокола или на гончую, а на жену надо ставить раз в двадцать больше!

— Тогда сотню, — предложил Люченцио.

— Согласны! — закричали все.

Люченцио послал за прекрасной Бьянкой. Баптиста не сомневался, что младшая дочь послушает мужа. Каково же было их удивление, когда слуга вернулся со словами:

— Госпожа велела передать, что занята и прийти не может.

— Вот вам и ответ, — усмехнулся Петруччо.

— Глядите, как бы вам не получить худший! — проворчал Люченцио.

— Я надеюсь на лучший, — ответил Петруччо.

Следующим был Гортензио.

— Попроси мою жену тотчас прийти сюда, — сказал он слуге.

— Вот как? Её приходится просить? — заметил Петруччо.

— Боюсь, — съязвил Гортензио, — ваша всё равно не явится, как её ни проси.

Но тут слуга вернулся и объявил Гортензио:

— Ваша супруга говорит, что вы, должно быть, шутите над ней, так что она не придёт.

— Всё лучше и лучше! — воскликнул Петруччо. — А теперь ступай к моей жене и скажи, что я велю ей прийти сюда.

Все рассмеялись, уверяя, что ответ известен заранее: «Я не приду».

И вдруг раздался удивлённый возглас Баптисты:

— Боже мой, Катарина!

И действительно, это была она.

— Что вам угодно, синьор? — спросила Катарина мужа.

— Где твоя сестра и жена Гортензио?

— Болтают в гостиной у камина.

— Приведи их сюда.

Когда Катарина вышла, Люченцио произнёс:

— Вот чудо из чудес!

— Да, но что сулит нам это чудо? — нахмурился Гортензио.

— Оно сулит нам мир, — сказал Петруччо, — и любовь, и тихую, спокойную жизнь.

— Что ж, — сказал Баптиста, — ты выиграл заклад, а я ещё прибавлю к нему двадцать тысяч крон. Дочь моя стала совсем другой, а другая дочь — другое и приданое.

Итак, Петруччо выиграл спор и обрёл нежную и верную жену. Укротив строптивый и вспыльчивый нрав Катарины, он и сам полюбил её сильнее, и ничто больше не омрачало их любви. Так они с тех пор и жили — долго и счастливо.

МЕРА ЗА МЕРУ

ного веков назад, сколько — уж и не упомним, в городе Вене царили весьма вольные нравы — а всё потому, что герцог венский правил чересчур мягко, ибо был добросердечен и не любил причинять неприятности своим подданным, пусть даже они порой и преступали закон.

И знаете, к чему всё это привело? К тому, что слишком многие жители Вены стали вести себя дурно. Герцог только качал головой при виде длинного списка нарушителей закона. Наконец он решил, что больше терпеть это нельзя. Порок должен быть наказан! Однако герцогу хотелось, чтобы его по-

прежнему любили в народе. Он прекрасно понимал, что если после стольких лет попустительства греху вдруг проявит строгость, то прослывет тираном.

И вот что придумал герцог. Он сказал своему советнику, что должен немедленно ехать в Польшу по делам государственной важности.

— А на время своего отсутствия, — добавил герцог, — я выбрал наместника. Им будет Анджело.

Но — увы! — этот самый Анджело, несмотря на благородное происхождение, на поверку оказался человеком низким и подлым. Несколькими годами раньше он обручился с девушкой по имени Мариана, но когда она, по несчастью, лишилась наследства, Анджело передумал жениться и стал избегать её. Бедняжка Мариана жила уединённо, втайне надеясь, что корыстный Анджело вновь постучится в её дверь, — ведь она всё ещё любила его.

Назначив Анджело своим наместником, герцог отправился к монаху, брату Фоме, и попросил у него монашеское платье, а также наставления о том, как давать людям душеспасительные советы. Герцог вовсе не собирался в Польшу — у него были другие планы: остаться в Вене и тайком понаблюдать, как будет править Анджело; не вскружит ли власть ему голову?

В первый же день своего пребывания у власти Анджело приговорил к смерти молодого дворянина по имени Клавдио. Юноша, поддавшись чувствам, и впрямь совершил неосмотрительный поступок и заслужил суровое порицание — но никак не смертную казнь!

У Клавдио был чудацок-приятель, которого звали Лючио. Чтобы помочь другу сохранить жизнь и обрести свободу, этот Лючио придумал вот что: Изабелла, молодая и прекрасная сестра Клавдио, должна вступить за него перед наместником.

Изабелла в то время жила при монастыре. У неё не было возлюбленного, никто ещё не завоевал её сердце, и она всерьёз размышляла о том, чтобы сделаться монахиней.

Нашлись у Клавдио и другие защитники. Эскал, старик вельможа, тоже уговаривал Анджело проявить милосердие. Он говорил, что наместник должен быть

*Не обухом, крушащим наповал,
А тонким краем лезвия щадящим.
Спасёмте Клавдио! Его отец
Преблагороднейшим был человеком.*

Но Анджело оставался глух к мольбам:

— Если бы суд признал виновным меня, я подчинился бы велению закона и не стал просить поблажек.

И он приказал тюремщику, чтобы Клавдио был казнён на завтра в девять часов утра.

Как только Анджело отдал этот приказ, ему доложили, что сестра приговорённого молит о встрече с ним.

— Что ж, пусть войдёт, — разрешил Анджело.

В сопровождении Лючио вошла прекрасная Изабелла и бросилась к наместнику со словами:

— *Я к вашей милости просительницей скорбной!*

— Покороче, — приказал Анджело.

Услышав, каким ледяным тоном он бросил это слово, Изабелла покраснела и от этого стала ещё красивее.

— У меня есть брат, — продолжала она, — приговорённый к смертной казни. Я умоляю вас: казните грех, но пощадите брата.

— Невозможно покарать грех, не карая грешника. — ответил Андже-ло. — Если пощадить виновного, правосудие не свершится.

Потеряв надежду, Изабелла собралась было уходить, но Лючио шепнул ей: «Что за холодность, что за робость! Вы же не булавку просите!»

Изабелла приободрилась и вновь обратилась к Анджелю, горячо моля его пощадить брата. Даже когда Андже-ло сказал: «Не прощу», — она всё равно молила; даже когда он отрезал: «Поздно, приговор вынесен», — Изабелла всё ещё пыталась достучаться до его сердца. Но доводами разума Андже-ло было не пронять.

Чего только не говорила наместнику Изабелла! Она сказала, что милосердие красит могущественного владыку. Она сказала, что весь род людской был обречён, но Спаситель сжалился над ним. Сказала, что обладать великанской силой прекрасно, но применять её следует с поистине великанской мудростью. Что молния поражает дуб, но щадит тонкую иву. Наконец Изабелла произнесла:

— *В своём поройтесь сердце; если там
Найдёте ту ж вину, что и у брата,
То да не повернётся ваш язык
На плаху слать его.*

И в этот миг Анджело и впрямь нашёл в своём сердце точно такую же вину. Он понял, что сражён красотой Изабеллы и ради этой красоты готов сделать то, чего не сделал бы из человеколюбия.

Притворившись, будто смягчился, он сказал:

— Придите ко мне завтра до полудня.

Так Изабелле удалось продлить жизнь брата хотя бы на несколько часов.

Когда она ушла, Анджело стал терзаться муками совести. Он жестоко корил себя за то, что готов поддаться искушению и пренебречь долгом судьи:

— Судить ли вора, когда воруют судьи?

И когда наутро Изабелла пришла к нему, он заявил:

— Ваш брат умрёт.

Изабелла была потрясена (не такого ответа она ждала!), но сказала лишь:

— Что ж, храни вас Бог, ваша честь, — и повернулась, чтобы уйти.

Однако в это самое мгновение Анджело понял, что долг и честь для него — ничто в сравнении с угрозой навсегда потерять Изабеллу!

— Подари мне свою любовь, — сказал он, — и я пощажу Клавдио.

Тут Изабелла поняла, что Анджело вовсе не так справедлив, как кажется.

— Мой брат скорее ляжет головой на двадцать кровавых плах, чем позволит мне стать твоей! — в негодовании воскликнула она.

Изабелла отправилась к брату в тюрьму с горестной вестью о том, что он всё-таки будет казнён. Поначалу Клавдио храбрился и хватался, что примет смерть в объятья, как невесту. Но ясно осознав, что Изабелла может спасти его, выйдя за Анджело, Клавдио понял, что собственная жизнь ему дороже, чем счастье сестры, и воскликнул:

— Сестра моя! Даруй мне жизнь!

— О низкий трус! — содрогнулась Изабелла. — Бесчестное животное!

Но тут появился герцог, переодетый монахом и называвший себя братом Людовиком. Он попросил Изабеллу на минутку задержаться и побеседовать с ним.

Мнимый монах рассказал Изабелле, что Анджело был обру-

чён с Марианой, и поведал печальную историю её любви. А затем он изложил девушке свой хитроумный план. Вот что придумал герцог: Мариана в монашеском одеянии, укрыв лицо покрывалом, придёт к Анджело и голосом, похожим на голос Изабеллы, скажет, что готова выйти за него замуж, если он пощадит Клавдио. При этом она снимет у него с мизинца кольцо, которое потом послужит доказательством того, что к нему приходила именно Мариана.

Изабелла, конечно же, была преисполнена почтения к монахам — ведь и сама она уже почти стала монахиней. Поэтому она сразу согласилась, и они договорились встретиться у Марианы — в сельском доме, окружённом рвом.

На улице герцог встретил Лючио. Увидев монаха, тот крикнул ему:

— Нет ли новостей о нашем герцоге, святой отец?

— Я не слыхал, — ответил герцог.

Тогда Лючио принялся потчевать герцога нелепыми рассказами об Анджело, а потом и о самом герцоге, с которым якобы водил

дружбу. Герцог, конечно, возражал ему. Тогда Лючио, чтобы придать вес своим словам, сказал, что хотя он и любит герцога, тот всё же *пустейший, невежественный, легковесный малый*.

— Герцог прекрасно меня знает, — добавил он.

— Он узнает тебя ещё лучше, если я доживу до его возвращения, — угрюмо проворчал герцог и двинулся дальше.

Вскоре он встретил Эскала и спросил, что тот думает о герцоге, своём господине. Эскал, полагая, что беседует с монахом, ответил:

— Герцог — человек благородный и воздержанный; он больше радуется веселью других, чем веселится сам.

Наконец герцог дошёл до дома Марианы. Вскоре туда же явилась Изабелла, и герцог познакомил их. (Разумеется, обе они считали его монахом.) Девушки удалились, чтобы наедине обсудить спасение Клавдио. Пока они тихо и взволнованно перешёптывались, герцог выглянул в окно, увидел покосившиеся строения, клумбы, поросшие мхом, и понял, что Мариана равнодушна к сельскому житью. Многие женщины с радостью возделывают сад и растят цветы — многие, но не она. Мариана была создана для городской жизни. Герцог уверился, что, выйдя замуж за Анджело, Мариана не станет несчастнее.

— Мы сговорились, святой отец, — сказала Изабелла.

И Анджело был обманут той самой девушкой, чью любовь когда-то отверг. Зато теперь он собственной рукой надел ей на палец кольцо с молочно-белым камнем, вспыхивавшим на солнце удивительными красками.

Узнав, что затея его удалась, герцог на следующий день явился в тюрьму. Он ожидал услышать, что получен приказ об освобождении Клавдио. Однако никакого приказа не оказалось, зато тюремщику вручили некое письмо. Каково же было изумление герцога, когда тюремщик вскрыл письмо и вслух прочёл:

— Каких бы иных указаний вы ни получили, казните Клавдио в четыре часа утра, а к пяти пришлите мне его голову.

— Думаю, вы должны предъявить наместнику какую-нибудь другую голову, — сказал вдруг герцог и с этими словами достал письмо и печатку. — Вот, посмотрите: почерк герцога, а вот его печать. Уверяю вас, он вскоре вернётся, но Анджело об этом не ведаёт. Пошлите Анджело другую голову.

«Должно быть, этот монах знает что говорит, — подумал тюремщик. — Это действительно печатка герцога, да и почерк его мне знаком».

Поразмыслив, он произнёс:

— Сегодня утром в тюрьме умер молодой пират. Лет ему примерно столько же, сколько и Клавдио, и борода того же цвета. Вот его-то голову я и предъявлю.

И действительно, в указанное время Анджело получил голову пирата и ни на миг не усомнился в том, что это голова Клавдио.

Тут по городу разнеслась весть о возвращении герцога. Жители Вены сбегались на площадь и на радостях даже сняли с петель городские ворота, открывая путь любимому правителю. При-

шли туда и Анджело с Эскалом, и герцог сердечно поблагодарил их за то, что в его отсутствие они хорошо управлялись с делами.

Но Анджело ожидал весьма неприятный сюрприз: Изабелла, разгневанная его вероломством, бросилась в ноги герцогу и взмолилась о справедливости.

Услышав её рассказ, герцог воскликнул:

— Она оклеветала моего наместника, мою правую руку! В тюрьму её! Но погоди: кто подучил тебя так поступить?

— Брат Людовик, — ответила девушка.

— Какой ещё брат Людовик? — спросил герцог. — Кто-нибудь знает его?

— Я знаю, государь, — подал голос Лючио. — Я его однажды побил за то, что он ругал вашу светлость последними словами.

— Неправда! — вмешался монах по имени Пётр. — Брат Людовик — святой человек!

Изабеллу увели стражники, но тут вперёд вышла Мариана. Она откинула с лица покрывало и сказала Анджело:

— Вот лицо, на которое ты когда-то не мог наглядеться!

Анджело холодно взглянул на Мариану, а она протянула руку со словами:

— А вот рука, которую ты сжимал вчера в своём саду, думая, что держишь руку Изабеллы!

— Я знаю эту женщину, — сказал Анджело. — Когда-то давно у нас с ней шли разговоры о свадьбе, но потом я обнаружил, что она чересчур легкомысленна.

Мариана опустилась на колени перед герцогом и поклялась, что они с Анджело связаны нерушимым обетом. Анджело же возмущённо произнёс, что всё это — козни брата Людовика, и попросил герцога, чтобы тот велел разыскать монаха.

— Его приведут, — пообещал герцог.

Он попросил Эскала расследовать дело и воздать клеветникам по заслугам, поскольку сам он, герцог, вынужден ненадолго удалиться. С этими словами герцог ушёл — и вскоре появился вновь, но уже под видом брата Людовика и в сопровождении тюремщика. С ними шла Изабелла. Эскал приступил к допросу, но не столько расследовал дело,

сколько оскорблял «брата Людовика» и угрожал ему. А Лючио и вовсе заявил, что этот нахальный монах обзывал герцога дураком и трусом, а он, Лючио, за это оттащил его за нос — и пусть только посмеет сказать, что дело было не так!

— В тюрьму его! — прогремел голос Эскала, но как только тюремщик приблизился к «монаху», тот откинул капюшон — и все ахнули, узнав герцога!

— Ну что же, — сказал герцог, обращаясь к Анджело, — если тебе достанет наглости защищаться — начинай, мы тебя слушаем.

— *Я сознаюсь — и об одном прошу:*

О быстром приговоре и о казни, — таков был ответ Анджело.

— Был ли ты обручён с Марианой? — спросил герцог.

— Был, — ответил Анджело.

— Тогда женись на ней немедленно, — приказал ему герцог. — Брат Пётр, обвенчайте их и возвращайтесь с ними сюда.

Затем герцог обратился к Изабелле.

— *Прошу вас, подойдите, Изабелла,* — сказал он нежно. — *Ваш духовник — теперь ваш государь,* и он горько сожалеет о том, что не успел спасти вашего брата.

На самом-то деле хитрец-герцог прекрасно знал, что Клавдио цел и невредим.

— О государь, — воскликнула Изабелла, — простите, что я утруждала вас своими заботами.

— Вы прощены, — улыбнулся герцог.

Тут появились новобрачные — Анджело и Мариана.

— А теперь, Анджело, — сказал герцог сурово, — ты пойдёшь на ту же плаху, где сложил голову Клавдио!

— О милосердный государь, — разрыдалась Мариана, — не обращай в насмешку мой брак, не отнимай у меня мужа!

— Добудешь себе другого, достойного, — ответил герцог.

— Государь, мне не надо никого достойнее! Мне нужен он один!

К мольбам Марианы присоединилась добрая Изабелла, но герцог по-прежнему притворялся непреклонным.

— Скажи-ка, — повернулся он к тюремщику, — как получилось, что Клавдио был казнён в неположенный час?

Боясь признаться, что обманул Анджело, тюремщик уклончиво ответил:

— Я получил записку.

— Я лишаю тебя должности! — объявил герцог, и тюремщик удалился.

— Мне жаль, что я причинил столько горя, — проговорил Анджело. — *Смерть заслужил я и о ней прошу.*

Вдруг толпа оживилась: появился тюремщик, а с ним какой-то человек, закутанный в плащ.

— Кто это? — заволновались все.

И тюремщик, заранее радуясь собственной шутке, произнёс:

— Это человек, которого я спас, и он как две капли воды похож на Клавдио!

Довольный герцог рассмеялся и сказал Изабелле:

— *Раз он на брата вашего похож,*

То ради брата мы его прощаем.

А ради вашей сущности прелестной

Мне руку дайте; согласитесь быть

Моей — и Клавдио мне станет братом.

Изабелла радостно протянула ему руку — и герцог простил Анджело, а тюремщика поблагодарил и повысил в должности. Зато болтуна и злостного обманщика Лючио он сурово наказал: заставил жениться на сварливой толстухе!

❀ ДВА ВЕРОНЦА ❀

Речь в нашем рассказе пойдёт о двух дворянах, людях благородного происхождения, — но, как вы вскоре поймёте, подлинным благородством отличался лишь один из них. Звали этих дворян Валентин и Протей, они были друзьями и жили в Вероне — городе на севере Италии.

Валентин получил своё имя в честь святого покровителя всех влюблённых; считалось, что носитель этого имени не способен на подлость и измену. А вот Протею с именем повезло меньше: герой мифа, в чью честь его назвали, умел принимать разные обличья. Поэтому наш Протей отличался ветрено-

стью и непостоянством: он бывал то пылким влюблённым, то бессовестным изменником.

Однажды Валентин сообщил другу, что едет в Милан.

— В отличие от тебя, я ни в кого не влюблён и потому не привязан к дому, — сказал он.

Протей действительно был влюблён — в прекрасную золотоволосую Джулию, девушку состоятельную и независимую. Но его печалила мысль о разлуке с другом.

*— В опасности доверь своё несчастье
Моим молитвам. Помни, Валентин,
Что о тебе молюсь я непрестанно.*

Итак, Валентин со слугой отправился в Милан.

В то время, когда Протей и Валентин прощались, Джулия ещё не осознавала, что влюблена в Протея. Она даже порвала на клочки одно из его писем на глазах у своей служанки Лючетты, особы весьма неглупой и наблюдательной. Увидев, как её госпожа рвёт письмо, она усмехнулась:

*— Ишь, недотрога! А ведь как хотела б
Сердиться вновь — за новое письмо!*

И вправду, не успела Лючетта уйти, как Джулия горько пожалела о том, что порвала письмо. Она подобрала клочок бумаги, на котором была подпись влюблённого Протея, и спрятала себе под платье — прямо на сердце.

Так уж вышло, что только разорвав письмо Протея, Джулия поняла, как сильно любит его. И тогда искренняя и отважная девушка призналась Протею в любви. «Наберись терпения, — гласило её письмо, — мы непременно поженимся!»

Протей, сам не свой от счастья, бродил, прижав к груди письмо любимой.

— Что это у тебя? — спросил Антонио, его отец.

— Письмо от Валентина, — соврал Протей.

— Дай-ка я его прочту, — протянул руку Антонио.

— Да там нет никаких новостей, — вывернулся обманщик. — Валентин лишь пишет, что герцог Миланский очень добр к нему. Поэтому он совершенно счастлив и зовёт меня к себе — разделить его удачу.

Эта ложь вышла Протею боком: Антонио решил отправить сына в Милан, чтобы тот, как и Валентин, испытал на себе благосклонность герцога.

— Ты едешь завтра! — приказал Антонио.

Протей пришёл в отчаяние.

— Позвольте мне хотя бы собраться! — взмолился он, пытаясь выиграть время.

— Всё, что понадобится, тебе пришлют, — последовал ответ.

До чего же опечалилась Джулия, узнав, что ей предстоит разлука с возлюбленным на второй день после признания в любви! Она подарила Протею кольцо, сказав:

— Береги его на память обо мне!

Протей в ответ тоже подарил ей кольцо, и они расцеловались — двое влюблённых, пол-

ных решимости хранить друг другу верность до самой смерти.

И Протей отправился в Милан вслед за Валентином.

Тем временем Валентин влюбился в Сильвию, дочь герцога Миланского. Её насмешливые светлые глаза и каштановые локоны лишили его сна и покоя. Однажды Сильвия сказала ему, что хочет написать приветливое письмо одному другу, который мил её сердцу, но ей недосуг; не напишет ли Валентин это письмо за неё? Валентину, конечно, пришлось не по душе такое поручение, однако он его выполнил — и вручил Сильвии письмо, не скрывая обиды.

— Раз вы писали это письмо без всякой охоты, заберите его обратно! — приказала девушка.

— Синьора, оно ваше, — возразил Валентин.

— Нет, заберите! В нём не хватает нежности!

Обескураженный Валентин остался с письмом в руках. Он собирался уже писать другое — но слуга открыл ему глаза на то, что, по сути дела, Сильвия позволила Валентину написать от её имени любовное письмо... самому себе!

— Эта хитрость, — ухмыльнулся слуга, — так же незаметна, как флюгер на башне!

Конечно, он имел в виду, что уловка Сильвии слишком очевидна:

— *Ведь вы писали часто ей, она ж из страха и приличий*

Не отвечала вам — таков у честных девушек обычай.

Она боялась, что посыльный предаст её, и против правила

Любимому письмо любимой писать любимого заставила.

Когда Протей прибыл в Милан, Валентин представил его Сильвии — а позже, оставшись с другом наедине, принялся расспрашивать Протея о Джулии.

— Странно, — удивился Протей. — Раньше ты не хотел ничего о ней слышать. Разговоры о любви навевали на тебя скуку.

— Ах, — вздохнул Валентин, — теперь всё переменялось.

Еду и сон, всю жизнь и все желанья

Отныне заменила мне любовь.

— Похоже, ты обожествляешь Сильвию, — заметил Протей.

— Но она и вправду божество! — воскликнул Валентин.

— Ладно тебе, — попытался урезонить его Протей.

— Если и не божество, — уступил Валентин, — то, по меньшей мере, царица всех земных женщин!

— Кроме Джулии, — добавил Протей.

— Милый мой, — сказал Валентин, — я, так и быть, готов признать, что из всех женщин только твоя Джулия достойна нести шлейф моей дамы.

Протей изумился:

— Не слишком ли далеко ты зашёл в похвальбе?

Однако Протей уже видел Сильвию — и теперь вдруг всем сердцем ощутил, как перед её красотой меркнет образ золотоволосой Джулии. Протея одолели недостойные мысли, и он впервые в жизни себе признался: «*Я самому себе дорожее друга*».

Если бы в тот злосчастный миг, когда Протей пренебрёг Джулией ради

Сильвии, у него (как и у вещего старца, в честь которого он был назван) изменились не только мысли, но и внешность, — о, тогда Валентин сумел бы разгадать его чёрный замысел! Однако внешне Протей ничуть не изменился, он улыбался всё так же приветливо и дружелюбно, и Валентин доверил другу великую тайну: Сильвия обещала с ним бежать!

— Вот здесь, под плащом, — сказал Валентин, — у меня шёлковая верёвочная лестница с острыми крючьями, чтобы зацепить за подоконник.

Протей знал, почему Сильвия и её возлюбленный задумали побег. Дело было в том, что герцог вознамерился выдать дочь замуж за синьора Турио, напыщенного болвана, которого Сильвия терпеть не могла.

Протей надеялся, что, избавившись от Валентина, сумеет завоевать сердце Сильвии — особенно если герцог по-прежнему будет заставлять её слушать утомительную болтовню глупого Турио. И он отправился к герцогу со словами:

— Долг важнее дружбы! Мне горько предавать друга, но, ваша светлость, вы должны знать, что Валентин собрался нынче ночью бежать с вашей дочерью.

Протей умолял не выдавать его, и герцог пообещал, что Валентин даже не заподозрит, от кого стало известно о побеге.

В тот же день ближе к вечеру герцог вызвал к себе Валентина. Тот явился в плаще, под которым что-то топорщилось.

— Знаешь ли ты, — спросил герцог, — что я хочу выдать дочь за синьора Турио?

— Да, — ответил Валентин. — Что ж, он человек добродетельный и щедрый, как и подобает другу вашей светлости.

— Вот! А ей он не нравится! — сказал герцог. — Капризная, надменная, строптивая девчонка! Ни гроша не дам ей в приданое. Лучше я сам женюсь!

Валентин поклонился.

— Но я совсем не знаю, как в наши дни принято ухаживать за дамами, — добавил герцог. — Вот я и подумал: быть может, ты научишь меня, как завоевать сердце моей избранницы?

— Пробовали ли вы дарить ей драгоценности? — спросил Валентин.

— Пробовал, — вздохнул герцог.

— Если она отвергла один подарок, подарите ей другой — и вскоре даритель станет ей мил.

— Беда не в этом, — продолжал герцог. — Родные прочат её замуж за одного достойного молодого человека и потому держат взаперти. С ней даже словом трудно перемолвиться!

— Так предложите ей бежать, ваша светлость! — воскликнул Валентин. — На то есть верёвочные лестницы.

— Как же я пронесу такую лестницу? — спросил герцог.

— А она лёгкая, — ответил Валентин. — Её можно пронести под плащом.

— Под таким, как твой?

— Да, ваша светлость.

— Так одолжи мне его!

Валентин понял, что попался, — он не мог отказать герцогу. Тот распахнул его плащ и увидел письмо, надписанное: «К Силь-

вии». Герцог хладнокровно сорвал с письма печать и прочёл: «Сильвия, любимая моя! Сегодня же ночью ты будешь свободна».

— А вот и верёвочная лестница... — произнёс он. — Что же, задумано неплохо, но, как видишь, не без изъяна. Даю вам, синьор, ровно день на то, чтобы покинуть мои владения. Если задержитесь в Милане хоть на минуту дольше — вы умрёте.

С этими словами герцог повернулся и вышел.

Бедный Валентин пришёл в отчаянье:

— *Без Сильвии ярчайший свет — не свет,*

И радость мне без Сильвии — не радость.

Прежде чем покинуть Милан, он пришёл проститься с Протеем. Тот проявил себя отъявленным лицемером:

— Надежда — посох влюблённого, с ней и отправляйся в путь, — сказал он Валентину, которого сам же и предал.

Покинув Милан, Валентин и его слуга забрели в лес близ Мантуи, где некогда жил великий поэт Вергилий. Теперь же в этом лесу не осталось поэтов — лишь разбойники, нападавшие на путников. Схватили они и Валентина со слугой. Валентин спокойно и уверенно побеседовал с разбойниками, и те, восхитившись его разумными речами, решили сохранить ему жизнь — с условием, что он согласится стать их атаманом.

— Согласен, — сказал Валентин, — но только если вы освободите моего слугу и никогда больше не будете нападать на женщин и бедняков.

Это был ответ, поистине достойный Вергилия! Так Валентин стал атаманом шайки разбойников.

Теперь вернёмся к Джулии, которая с тех самых пор, как Протей уехал из Вероны, не находила себе места от тоски. Она умоляла свою служанку Лючетту, чтобы та придумала им способ свидеться.

— Дождитесь лучше, пока он вернётся, — сказала благоразумная Лючетта.

Джулия поняла, что Лючетта не составит ей компании в опасном приключении, и решила сама ехать в Милан, одевшись пажом.

— Тогда вам придётся отрезать волосы, — сказала Лючетта.

Она думала, что Джулия, услышав это, сразу откажется от своей затеи. Но та, к разочарованию Лючетты, придумала выход:

— А я завяжу их узлом!

Лючетта снова и снова пыталась высмеять план Джулии, но та твёрдо решила ехать, и все насмешки были для неё пустым звуком. В мужском костюме она полностью преобразилась. Никто не догадался бы, что перед ним девушка, а не юный паж.

И вот Джулия (взявшая себе мужское имя Себастьян) приехала в Милан. Перед дворцом герцога звучала прекрасная музыка.

— Это поют серенады поклонники синьоры Сильвии, — пояснили Джулии миланцы.

Внезапно из хора выделился один голос — и Джулия узнала его. Это был голос её Протея! Но что же он пел?

— *Кто Сильвия? И чем она
Всех пастушков пленила?
Умна, прекрасна и нежна,
Велением богов дана
Ей чар любовных сила.*

Джулия старалась не слушать, но две строки громом прогремели в её ушах:

— *Друзья, среди чудес земли
Что Сильвии чудесней?*

Выходит, Протей считал, что Сильвия прекраснее Джулии; а раз он на весь белый свет прославлял красоту Сильвии, то, похоже, не просто был неверен Джулии, но и вовсе позабыл её. Однако Джулия любила его по-прежнему. Она подошла к нему и попросилась в пажы — и Протей, ни о чём не подозревая, согласился.

Однажды он вручил ей кольцо — то самое, которое она подарила ему, прощаясь, — и сказал:

— Себастьян, отнеси это синьоре Сильвии и скажи, что я мечтаю получить её портрет, который она мне обещала.

Сильвия действительно обещала ему портрет, но Протей ей не нравился. Она беседовала с ним лишь по настоянию отца. Герцог осыпал Протея милостями, думая,

что тот уговаривает Сильвию стать женой Турио. Сильвия же знала от Валентина, что в Вероне у Протея осталась возлюбленная, с которой он был обручён; поэтому, когда Протей говорил Сильвии нежности, она не могла не думать о том, что он предаёт и друга, и любимую.

Джулия принесла Сильвии кольцо, но та не приняла его:

— Я не оскорблю ту, которая подарила ему это кольцо!

— Она вас благодарит, — сказала Джулия.

— Так ты её знаешь? — удивилась Сильвия.

И Джулия принялась рассказывать ей о себе. Говорила она так ласково и нежно, что растроганная Сильвия решила, будто Себастьян влюблён в Джулию, и пожелала ему счастья. Она вручила Джулии обещанный Протею портрет — и, разглядев его, Джулия убедилась в том, что сама она ничуть не менее красива, чем Сильвия.

Вскоре во дворце поднялся переполох: Сильвия бежала! Герцог был уверен, что она отправилась вслед за изгнанником Валентином — и, конечно же, не ошибся. Он не мешкая бросился в погоню, а вместе с ним — Турио, Протей и слуги.

Преследователи поскакали в разные стороны. Протей и Джулия (в одежде пажа), ехавшие рядом, вдруг увидели Сильвию: разбойники захватили её в плен и теперь вели к своему атаману. Протей вызволил Сильвию из рук разбойников и сказал:

— Я спас вас от смерти — так подарите же мне хоть один приветливый взгляд!

— О, как я несчастна! — воскликнула Сильвия. — Уж лучше бы меня растерзал лев, чем быть обязанной этому предателю Протею!

Джулия молчала, но в душе у неё пели птицы. Протей же так разозлился на Сильвию, что, схватив её за плечи, принялся угрожать ей и запугивать.

— О небо! — взмолилась Сильвия.

В этот миг послышался треск ветвей. Это был Валентин: не разбирая дороги, он ломился сквозь лесные заросли на помощь Сильвии. Джулия испугалась, что он ударит Протея, и бросилась защищать неверного возлюбленного.

Но Валентин не поднял руку на вероломного товарища. Он лишь сказал:

— Протей, мне горько оттого, что я не могу больше тебе доверять.

Тут у Протея наконец заговорила совесть, и он упал на колени:

— Прости меня! О, как я виноват! Мне очень стыдно!

— Что ж, тогда ты снова мне друг, — сказал великодушный Валентин. — И если Сильвия, потерянная мною, полюбит тебя, то, клянусь, я не буду мешать вашему счастью и благословлю обоих.

Услышав эти слова, Джулия ахнула и упала в обморок. Валентин привёл её в чувство и спросил:

— Что с тобой, мальчик?

— Я вспомнил, — солгала Джулия, — что забыл вручить синьоре Сильвии кольцо.

— Покажи-ка мне его, — велел Протей.

И Джулия показала ему кольцо — но другое, то, которое он подарил ей, покидая Верону.

Протей взглянул на её руку и покраснел до корней волос.

— Я изменила свою внешность, когда ты изменил своему слову, — сказала Джулия.

— Но я люблю тебя! — воскликнул Протей. — Я вновь тебя люблю!

Тут появились разбойники, ведя свою добычу — герцога и Турио.

— Не трогать герцога! — властно приказал Валентин.

— Да тут Сильвия! — крикнул Турио. — Она моя!

— Только прикоснись к ней — и ты покойник, — сказал Валентин.

— Не такой я глупец, чтобы из-за неё рисковать жизнью, — пошёл на попятный Турио.

— Тогда ты подлец! — возмутился герцог. — Иное дело ты, Валентин! Мне по душе твоя храбрость. Возвращайся в Милан и женись на Сильвии. Ты заслужил её!

— Благодарю вас, ваша светлость! — с признательностью произнёс Валентин. — Но у меня есть ещё одна просьба.

— Я её исполню, — пообещал герцог.

— Простите этих разбойников, ваша светлость, они такие же изгнанники, как и я. Это достойные люди, им можно поручить важные дела.

— Прощаю и тебя, и их, — сказал герцог. — Пусть зарабатывают на жизнь честным трудом.

— А как вам нравится этот паж, ваша светлость? — спросил Валентин, указывая на Джулию.

Герцог окинул её взглядом и произнёс:

— *Мальчишка грациозен.*

— *От граций больше в нём, чем от мальчишки,* — рассмеялся Валентин.

И единственным наказанием вероломному Протею стало то, что ему пришлось, сгорая со стыда, выслушать рассказ о приключениях Джулии-Себастьяна из Вероны.

❀ КОНЕЦ – ДЕЛУ ВЕНЕЦ ❀

оду этак в тысяча триста каком-то во дворце графини Руссильонской, что близ Пиренеев, царила печаль. Ещё совсем недавно графиня похоронила мужа, а теперь король Франции вызвал её сына Бертрама в Париж, за сотни миль от родного дома.

Юный Бертрам был красавцем — кудри, брови дугой, соколиный взор. Однако он был невежествен и высокомерен, ему ничего не стоило солгать ради собственной выгоды, и лицо его при этом оставалось невозмутимым, как сама правда. Но красота есть красота, и Елена, воспитанница графини, сходила с ума от любви к Бертраму.

Елена была дочерью искуснейшего врачевателя, служившего графу Руссильонскому. Умирая, отец оставил ей в наследство свои чудодейственные рецепты; в них и состояло всё её богатство.

Итак, Бертрам отправился в Париж. На лице Елены было написано отчаяние, и это не укрылось от глаз графини. Утешая девушку, графиня сказала, что любит её, как родную дочь. При этих словах глаза Елены наполнились слезами. Да, думала она, Бертрам мне — как брат, а я ему — как сестра; мне никогда не стать его женой. Графиня разгадала причину её слёз, и Елена призналась, что любит Бертрама и поклоняется ему, точно солнцу, которое не замечает её с небес...

И всё же Елена надеялась, что солнце взглянет на неё со своей недостижимой высоты. Ради этого она решила завоевать признательность короля Франции, которого давно терзала мучительная болезнь. Величайшие придворные доктора отчаялись исцелить его. Елена же верила, что сумеет поставить короля на ноги с помощью испытанного средства, которое завещал ей отец.

Нежно простившись с графиней, Елена отправилась в Париж и добилась встречи с королём. Король был с ней учтив и любезен, однако намекнул, что считает её шарлатанкой:

— Как я могу довериться простой девушке, когда светила медицины сказали, что наука здесь бессильна?

На это Елена ответила:

— Пусть я слаба; но часто небеса
Творят руками слабых чудеса.

И добавила:

— Я верю твёрдо, нет в душе сомненья:
Бальзам целебен, ждёт вас исцеленье!

И если я не сумею вас вылечить, пусть меня казнят!

— А если сумеешь, — спросил король, — то какой награды ты попросишь?

— Я попрошу ваше величество дать мне в мужья того, кого я пожелаю!

Видя серьёзность и решительность девушки, король доверился ей — и через два дня его болезнь бесследно прошла.

Король созвал своих придворных, и в тронном зале собрался весь цвет молодого дворянства. Возможно, другую девушку, выросшую, как и Елена, в глуши, ослепила бы красота юных аристократов, и она растерялась бы, не зная, кого выбрать. Но Елена спокойно скользила взглядом по лицам, пока не нашла графа Руссильонского — Бертрама. Подойдя к нему, Елена сказала:

— Боюсь сказать, что вас я выбираю,
Но и себя и всё, чем обладаю,
Вручаю вам.

И громко добавила — так, чтобы услышал король:

— Вот мой избранник!

— Бертрам, — сказал король, — отныне она твоя жена.

— Моя жена, государь?! — переспросил изумлённый Бертрам. — Молю вас, ваше величество, позвольте мне самому выбирать себе жену!

— Знаешь ли ты, что сделала эта девушка для твоего короля? — спросил монарх, относившийся к Бертраму, как к родному сыну.

— Знаю, ваше величество, — ответил Бертрам. — Но неужели я должен жениться на дочери простого лекаря, которая и воспитание-то получила лишь по милости моего отца?

— Ты презираешь её за низкое звание? Но я могу её возвысить! — сказал король и задумчиво добавил: — Не странно ли, что ты судишь о людях по крови? Ведь если налить в один сосуд твою кровь и кровь какого-нибудь бедняка, одну не отличить от другой...

— Я никогда её не полюблю! — запальчиво выкрикнул Бертрам.

— Ваше величество, — тихо произнесла Елена, — не принуждайте его. Я счастлива, что исцелила короля ради Франции, и мне не надо другой награды.

— Задета моя честь, — возразил король. — Я проучу этого дерзкого, заносчивого мальчишку! Смири гордыню, Бертрам. Ты женишься на этой девушке — или узнаешь, что такое гнев короля. Итак, твой ответ?

Бертрам низко поклонился и сказал:

— Одарив девушку своей милостью, вы наделили её благородством. Я подчиняюсь королевской воле.

— Возьми её за руку, — приказал король, — и назови женой.

Бертрам повиновался, король благословил их союз, и молодых тут же обвенчали.

Но даже страх перед королём не мог заставить Бертрама полюбить Елену, и он ходил мрачнее тучи. Масла в огонь подлил его приближённый по имени Пароль — отъявленный подлец и негодяй. Он сказал, что теперь из-за какой-то «бабёнки» Бертраму придётся торчать дома, вместо того чтобы сражаться, как пристало дворянину. Это оказалось последней каплей, и Бертрам, несмотря на королевский запрет, заявил, что немедленно отправляется в Италию, в военный поход.

— *Поход не труден, не страшна война,
Когда в дому постылая жена.*

Бертрам приказал Елене покинуть королевский двор и возвращаться в Русильон. Вручив ей два письма — для ма-тушки и для неё самой — и холодно простившись, он ускакал прочь.

Елена вскрыла письмо, адресованное ей, и прочла: «*Когда ты завладеешь кольцом, которое я не снимаю со своего пальца, — только тогда можешь называть меня своим мужем. Но такое тогда означает никогда...*»

С сухими глазами, не проронив ни слезинки, Елена пришла проститься с ко-

ролём. Король, однако, заподозрил неладное и дал ей перстень со своей руки, сказав при этом:

— Дитя моё, если ты пришлёшь мне этот перстень, я пойму, что ты в беде, и приду тебе на помощь.

Елена не показала ему письмо от Бертрама, боясь, что король в гневе казнит молодого графа, посмеявшего его послушаться. Она вернулась в Руссильон и вручила второе письмо графине — своей названной матери, а теперь и свекрови. Послание оказалось кратким и полным горечи. «Я бежал из Франции, — гласило оно. — Если мир действительно велик, то я всегда буду далеко от этой женщины».

— Не сокрушайся, — сказала благородная вдова покинутой жене. — Я изглажу его имя из своего сердца; теперь у меня только одно дитя — ты.

Однако вдовствующая графиня всё же любила сына и пыталась оправдать его. Его поведение она объясняла дурным влиянием Пароля, которого называла *дряннойшим малым, с грязною душой*.

Елена задержалась в Руссильоне совсем ненадолго. Она облачилась в паломнические одежды и, оставив прощальную записку свекрови, тайно отправилась во Флоренцию.

Прибыв туда, она спросила у одной горожанки дорогу к постоялому двору, но та принялась горячо упрашивать «святую паломницу» остановиться у неё. Женщина оказалась вдовой; у неё была

дочь-красавица по имени Диана. Узнав, что Елена из Франции, Диана сказала:

*— Здесь одного из земляков своих
Увидите сейчас. На поле брани
Он славно отличился.*

Однако потом оказалось, что граф Руссильонский — а это был именно он — отличился не только славными подвигами, но и бесславным поведением. Он ухаживал за Дианой, не скрывая, что женат! Но Диана слышала от Пароля, что жена графа — ничтожество, о котором и говорить не стоит.

Вдова, мать Дианы, тревожилась за свою дочь. Елена решила открыться ей и признаться, что она графиня Руссильонская.

— Ваш муж всё время просит у Дианы прядь волос, — сказала вдова.

Елена горько усмехнулась — её волосы были так же красивы, как волосы Дианы, и точно такого же цвета! И тут ей в голову пришла замечательная мысль:

— Вот кошель с золотом — возьмите его, он ваш. Я дам Диане ещё три тысячи крон, если она поможет мне осуществить мой план. Она должна пообещать моему мужу свой локон в обмен на кольцо, которое он носит на пальце не снимая. Это кольцо — фамильная реликвия. Его носили пять графов Руссильонских, однако же мой муж наверняка согласится отдать его за прядь волос вашей дочери. Только пусть Диана поставит графу условие: он срежет её локон в полной темноте и в полном молчании — девушка не вымолвит ни слова!

Вдова внимательно слушала, сжимая кошелёк с золотом, и наконец произнесла:

— Я согласна — если Диана согласится.

И Диана согласилась.

Как ни странно, мысль о том, чтобы отрезать прядь волос в тёмной комнате у молчащей девушки, настолько обрадовала Бертрама, что он тотчас отдал Диане кольцо, и она сказала ему, куда и когда прийти. В назначенное время граф с острым ножом в руке явился в указанное место. Во тьме, отрезая локон, он прикоснулся к нежному лицу — и ушёл счастливый и полный восторга, а на пальце его поблескивал перстень, подаренный ему в тёмноте и безмолвии.

Тем временем война почти закончилась; однако в последние её дни случилась история, показавшая Бертраму, что человек, имевший наглость назвать его жену «бабёнкой», сам был трусливее многих женщин. Пароль был такой хвастун и щёголь, что французские офицеры решили сыграть с ним шутку и показать графу, чего стоит его приближённый.

Пароль, который потерял на поле боя полковой барабан, заявил, что отыщет его во что бы то ни стало, даже если это будет стоить ему жизни. Однако ничего искать он не стал — просто бродил и выдумывал для графа историю о том, как геройски отбивал барабан у врагов, но силы были неравны...

Не успел Пароль досочинить этот лживый рассказ, как

его внезапно окружили, отняли оружие и завязали глаза.

— Трока мовезус! Карго, карго, карго! — сказал французский дворянин, разыгрывая роль противника.

«Что за тарабарщина?» — недоумевал Пароль.

Тут заговорил другой француз, притворившийся переводчиком:

— Он говорит, что нужно принести орудия пытки, иначе ты ничего не скажешь.

— Я всё скажу! — закричал Пароль. — Я не смогу ничего добавить, даже если вы сотрёте меня в порошок!

И на этот раз Пароль сдержал слово: он рассказал «врагам», какова численность конницы и пехоты у флорентийского герцога, да ещё и попотчевал их грязными выдумками о командирах (тех самых, которые его сейчас допрашивали!).

При допросе присутствовал и Бертрам. Он с отвращением слушал, как зачитывают найденное у Пароля письмо к Диане, в котором тот обзывал графа «набитым дураком».

— Это же Пароль, ваш преданный друг, — с насмешкой и укоризной шепнул Бертраму один дворянин.

— Теперь он для меня хуже кошки, — ответил Бертрам, который терпеть не мог наших с вами мурлыкающих любимцев.

Наконец Пароля отпустили восвояси, но с тех пор он прекратил бахвалиться и вёл себя тише воды ниже травы.

А мы с вами последуем за Еленой, которая вернулась во Францию, но прежде пустила слух о своей смерти. Вдовствующей графине Руссильонской этот слух принёс Лафё — дворянин, мечтавший выдать свою дочь Мадлен замуж за Бертрама.

Король скорбел по Елене:

— *Сокровище утратили мы в ней!*

Однако он примирился с утратой, дал согласие на новый брак Бертрама и даже сам приехал в Руссильон, чтобы присутствовать на свадьбе.

— Пусть Бертрам подойдёт ко мне, — приказал король.

Бертрам с боевым шрамом на щеке упал на колени перед его величеством. Он сказал, что был влюблён в дочь Лафё ещё до того, как женился на Елене, потому-то и не смог по достоинству оценить жену — и полюбил её лишь теперь, когда стало слишком поздно.

— *Чтоб мы как должно ценное ценили,*

Оно должно покоиться в могиле, — сказал король. — Забудь прекрасную Елену и отправь Мадлен обручальный перстень в качестве подарка.

Бертрам снял с пальца перстень и протянул его Лафё. Но тот возмущённо воскликнул:

— Это же перстень Елены!

— Нет! — ответил Бертрам.

Тут король попросил взглянуть на перстень.

— Этот перстень я подарил Елене, чтобы она послала его мне, если вдруг попадёт в беду и будет нуждаться в моей помощи. Как тебе

удалось выманить у неё то, что было для неё ценнее всех сокровищ; то, что помогло бы ей избежать смерти?

Как ни оправдывался Бертрам, даже его мать подтвердила, что перстень принадлежал Елене.

— Ты лжец! — прогремел король. — Взять его!

Стражники схватили растерянного и недоумевающего Бертрама. Он никак не мог понять, почему перстень, подаренный ему (как он думал) Дианой, как две капли воды похож на перстень Елены.

Тут вошёл какой-то дворянин и попросил позволения вручить королю прошение. Король зачитал его вслух. Это оказалась жалоба от некоей Дианы Капилетти. Она молила короля приказать Бертраму жениться на ней — на девушке, которую тот, добившись её любви, бросил.

— Лучше уж я куплю себя зятя на ярмарке, — воскликнул Лафё, — чем выдам дочку за Бертрама!

— Впустите просительницу! — повелел король.

Перед Бертрамом предстали Диана и её мать.

Бертрам упрямо отрицал всё, что говорила Диана, обвинял её во всех грехах, называл низкой лгуньей. Однако Диана спросила его: если она так плоха, почему же тогда он подарил ей своё фамильное кольцо?

Бертрам был готов провалиться сквозь землю, однако щедрая судьба одарила его великой милостью: в зал вошла Елена!

— Что за чудо? — изумился король. — Уж не призрак ли это?

— О, прости меня! Прости! — взмолился Бертрам.

Елена протянула мужу его фамильное кольцо:

— Вот, твоё кольцо у меня. Будешь ли ты теперь меня любить?

— До конца моих дней! — воскликнул Бертрам.

— Тут, наверно, резали лук, иначе откуда у меня эти слёзы на глазах? — пошутил растроганный Лафё.

Поняв наконец, чем объясняется поступок юной Дианы, король похвалил её. Ведь эта отважная девушка ради Елены согласилась разоблачить недостойного Бертрама — не только перед королём, но и перед ним самим. Гордыня Бертрама была сломлена, и ходили слухи, что после всей этой истории он стал для прекрасной Елены не таким уж плохим мужем.

примечания

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ (A MIDSUMMER NIGHT'S DREAM)

Имена персонажей — из перевода Т. Щепкиной-Куперник.

К с. 19. *Не в добрый час я при сиянье лунном...* — Из перевода Т. Щепкиной-Куперник.

К с. 20. *Будь то медведь, иль лев, иль волк, иль бык...* — Из перевода М. Лозинского.

К с. 22. *Увидя, что Лизандр во сне глубоком...* — Из перевода М. Лозинского.

Пробудись, в неё взглядишь... — Из перевода Т. Щепкиной-Куперник.

...где цветут в избытке... — Из перевода М. Лозинского.

Что увидишь, встав от сна... — Из перевода М. Лозинского.

БУРЯ (THE TEMPEST)

Цитируется перевод М. Донского.

КАК ВАМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ (AS YOU LIKE IT)

К с. 40. *Боже, как это горько...* — Из перевода В. Левика.

Да, если б даже отдавал с ней царство. <...>

Да, если б даже был царём всех царств! — Из перевода Т. Щепкиной-Куперник.

К с. 41. *Я ваша и веряюсь вам навек.* — Из перевода В. Левика.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА (THE WINTER'S TALE)

Имена персонажей — из перевода В. Левика.

К с. 45. *Гермиона — целомудренна...* — Из перевода В. Левика.

К с. 46. «...на берегу Богемии...» — Ошибка Шекспира: у Богемии (территории, на которой сейчас находится Чехия) нет побережья.

К с. 47. *Ещё такой красотишки не бывало... <...>*

Клянусь, она царица творога и сливок! — Из перевода Т. Щепкиной-Куперник.

К с. 50. *Ей равной...* — Из перевода П. Гнедича.

КОРОЛЬ ЛИР (KING LEAR)

К с. 54. *Мою любовь словами не опишешь...* — Из перевода О. Сороки.
Далее цитируется перевод Б. Пастернака.

ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ (TWELFTH NIGHT)

К с. 60. *Себя к плывущей мачте привязал...* — Из перевода Э. Линецкой.
...по крови и по нраву благородный... — Из перевода Д. Самойлова.
К с. 63. *И я теперь все дочери отца...* — Из перевода Д. Самойлова.
К вам герцога слезу... — Из перевода Д. Самойлова.
К с. 66. *Я тысячу смертей готов принять...* — Из перевода А. Кронеберга.
К с. 67. *Вы это мне? Я ничего не знаю...* — Из перевода Д. Самойлова.
Далее цитируется перевод М. Лозинского.

МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО (MUCH ADO ABOUT NOTHING)

К с. 70. *...она слишком мала для большой похвалы...* — Из перевода А. Кронеберга.
К с. 73. *Я бы не женился на ней...* — Из перевода Т. Щепкиной-Куперник;
Время тащится на костылях... — Из перевода А. Кронеберга.
Далее цитируется перевод Т. Щепкиной-Куперник.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА (ROMEO AND JULIET)

Цитируется перевод Б. Пастернака.

ПЕРИКЛ (PERICLES)

Цитируется перевод Т. Гнедич.

ГАМЛЕТ (HAMLET)

К с. 104. *Оно прекрасно и похвально, Гамлет...* — Из перевода А. Кронеберга.
Далее цитируется перевод Б. Пастернака.

ЦИМБЕЛИН (CYMBELINE)

Цитируется перевод П. Мелковой.

МАКБЕТ (MACBETH)

Цитируется перевод М. Лозинского.

К с. 121. «Одна из них — о человеке по имени Макбет...» — Прототипом шекспировского персонажа послужил король Макбет, правивший Шотландией с 1039-го по 1057 год; двоюродный брат своего предшественника, короля Дункана.

К с. 122. Эдуард Исповедник — король Англии с 1042-го по 1066 год. В последние годы жизни ему приписывались чудотворные способности.
Тан — шотландский титул знати.

КОМЕДИЯ ОШИБОК (THE COMEDY OF ERRORS)

Цитируется перевод Л. Некоры.

ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ (THE MERCHANT OF VENICE)

Цитируется перевод Т. Щепкиной-Куперник.

ТИМОН АФИНСКИЙ (TIMON OF ATHENS)

Цитируется перевод П. Мелковой.

ОТЕЛЛО (OTHELLO)

К с. 167. «Четыре сотни лет назад...» — Напоминаем, что этот пересказ был сделан сто лет назад.

К с. 168. *Лицом Отелло был мне дух Отелло.* — Из перевода М. Лозинского.

К с. 170. *Боже мой! И нужно же людям...* — Из перевода Б. Лейтина.

К с. 173. *Берегитесь ревности, синьор...* — Из перевода М. Лозинского.

МЕРА ЗА МЕРУ (MEASURE FOR MEASURE)

Цитируется перевод О. Сороки.

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ (THE TAMING OF THE SHREW)

К с. 182. *День добрый, Кет! Так вас зовут, слышал я?..* — Из перевода П. Мелковой.

К с. 186. *...как сквозь тучи солнце проникает...* — Из перевода М. Кузмина.

К с. 187. *Как назовёте, так оно и есть...* — Из перевода М. Кузмина.

К с. 188. *Увы, как мне ни жаль, сынок Петруччо...* — Из перевода П. Мелковой.

ДВА ВЕРОНЦА (TWO GENTLEMEN OF VERONA)

Цитируется перевод В. Левика (стихи) и М. Морозова (проза).

КОНЕЦ — ДЕЛУ ВЕНЕЦ (ALL'S WELL THAT ENDS WELL)

Цитируется перевод М. Донского.

История с обменом локона на фамильное кольцо в пьесе «Всё хорошо, что хорошо кончается» – пожалуй, самый яркий образец тех искажений, которые автор внесла в шекспировские сюжеты, повинаясь требованиям викторианской эпохи. У Шекспира здесь говорится не о локоне, а о любовном свидании – вот с чем на самом деле связаны бурные чувства персонажей и вот почему они делают то, что делают. Конечно, это далеко не единственная неточность такого рода (и в пересказе этой пьесы, и в других пересказах), но мы не стали отмечать их все, решив, что рано или поздно читатель познакомится с оригиналом – и тогда всё само встанет на свои места.

СПИСОК

имён персонажей

Адриа́на (Adriana)	Гермио́на (Hermione)
Алиэ́на (Aliena)	Ге́рмия (Hermia)
Алкивиа́д (Alcibiades)	Ге́ро (Hero)
Ало́нзо (Alonso)	Го́нери́лья (Goneril)
А́нджело (Angelo)	Гонза́ло (Gonzalo)
Антиго́н (Antigonus)	Го́рацио (Horatio)
Антио́х (Antiochus)	Го́ртэнзио (Hortensio)
Антифо́л (Antipholus)	Дездемо́на (Desdemona)
Анто́нио (Antonio)	Деме́трий (Demetrius)
Апемáнт (Apemantus)	Дже́ссика (Jessica)
Ариэ́ль (Ariel)	Джу́лия (Julia)
Ба́нко (Banquo)	Джулье́тта (Juliet)
Бапти́ста (Baptista)	Диáна (Diana)
Бассáнио (Bassanio)	Диони́сса (Dionyza)
Беатри́че (Beatrice)	Дональба́йн (Donalbain)
Белáрий (Belarius)	Дро́мио (Dromio)
Бенво́лио (Benvolio)	Дункáн (Duncan)
Бенедíкт (Benedick)	Елэ́на (Helena)
Бертра́м (Bertram)	Изабéлла (Isabella)
Борáхио (Borachio)	Имоге́на (Imogen)
Браба́нцио (Brabantio)	Калиба́н (Caliban)
Бья́нка (Bianca)	Камилло́ (Camillo)
Валенти́н (Valentine)	Капуле́тти (Capulet)
Венти́дий (Ventidius)	Ка́ссио (Cassio)
Вио́ла (Viola)	Катарина́ (Katharina)
Га́млет (Hamlet)	Кла́вдий (Claudius)
Ганиме́д (Ganymede)	Кла́вдио (Claudio)
Гелика́н (Helicanus)	Ко́нрад (Conrade)

Кордэ́лия (Cordelia)
Лафе́ (Lafeu)
Лаэ́рт (Laertes)
Ле́ннокс (Lennox)
Леона́т (Leonatus)
Леона́то (Leonato)
Лео́нт (Leontes)
Лиза́ндр (Lysander)
Лир (Lear)
Лисима́х (Lysimachus)
Лодови́ко (Lodovico)
Лоре́нцо (Laurence)
Луку́лл (Lucullus)
Лу́ций (Lucius)
Люциа́на (Luciana)
Люче́нцио (Lucentio)
Люче́тта (Lucetta)
Лю́чио (Lucio)
Мадле́н (Maudlin)
Макбе́т (Macbeth)
Макду́фф (Macduff)
Мальво́лио (Malvolio)
Малько́льм (Malcolm)
Марга́рита (Margaret)
Мари́ана (Mariana)
Мари́на (Marina)
Менафо́н (Menaphon)
Мерку́цио (Mercutio)
Мира́нда (Miranda)
Монта́но (Montano)
Монте́кки (Montague)
Оберо́н (Oberon)
Оливе́р (Oliver)

Оли́вия (Olivia)
Орла́ндо (Orlando)
Орси́но (Orsino)
Оте́лло (Othello)
Офе́лия (Ophelia)
Пари́с (Paris)
Паро́ль (Parolles)
Паули́на (Paulina)
Пе́дро (Pedro)
Пере́икл (Pericles)
Петру́ччо (Petruchio)
Пе́тр (Peter)
Пиза́нио (Pisanio)
Поликсе́н (Polixenes)
Поло́ний (Polonius)
По́рция (Portia)
Про́сперо (Prospero)
Проте́й (Proteus)
Пэ́к (Puck)
Регана́ (Regan)
Родри́го (Roderigo)
Розали́на (Rosaline)
Розали́нда (Rosalind)
Ромео́ (Romeo)
Росс (Ross)
Себастья́н (Sebastian)
Се́лия (Celia)
Семпро́ний (Sempronius)
Сикора́кса (Sycorax)
Си́львия (Silvia)
Симони́д (Simonides)
Солы́н (Solinus)
Та́йса (Thaisa)

Тибáльт (Tybalt)
Тимóн (Timon)
Титáния (Titania)
Тóби (Toby)
Тýрио (Thurio)
Урсýла (Ursula)
Утрáта (Perdita)
Фердинáнд (Ferdinand)
Филáрио (Philario)
Флáвий (Flavius)
Фламíний (Flaminius)
Флинс (Fleance)
Флоризéль (Florizel)
Францýск (Francis)

Фредерýк (Frederick)
Хуáн (John)
Цезáрио (Cesario)
Церимóн (Cerimon)
Цимбелýн (Cymbeline)
Шарль (Charles)
Шéйлок (Shylock)
Эгеóн (Aegeon)
Эмýлия (Emilia)
Эмýлия (Emilia)
Э́ндрю (Andrew)
Эскáл (Escalus)
Я́го (Iago)
Якýмо (Iachimo)

знаменитые шекспировские цитаты

БЕЗРАССУДСТВО

Юность — сумасбродный заяц, который перескакивает через капкан калеки-благоразумия.

Венецианский купец, I 2
Т. Щепкина-Куперник

БОГАТСТВО

Печётесь слишком вы о благах мира.
Кто их трудом чрезмерным покупает,
Теряет их.

Венецианский купец, I 1
Т. Щепкина-Куперник

ВИНО

Боже, и как это люди берут себе в рот врага, чтобы он похищал у них разум!

Отелло, II 3
М. Лозинский

ВЛАСТЬ

Когда б земная власть могла
Владеть Юпитеровыми громами,
То бог Юпитер тишины б не знал —

Ведь каждый мелкий, жалкенький чинуша
Гремел бы, грохотал бы в небесах
Без перерыва. Милостивый боже!
Ты огненною громовой стрелою
Раскалываешь кряжеватый дуб,
Но ивушку щадишь. А человек,
А гордый человек,
Минутной куцей властью облечённый, —
Не понимая хрупкости своей
Стеклянной, нутряной, неустрашимой, —
Как злая обезьяна, куролесит
У господ, у неба на виду —
И плачут ангелы.

Мера за меру, II 2
О. Сорока

ВНЕШНОСТЬ И СУТЬ

Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови её, хоть нет.

Ромео и Джульетта, II 2
Б. Пастернак

ВРЕМЯ

Распалась связь времён.

Гамлет, I 5
А. Кронеберг, с изменениями

ДОБРОЕ ИМЯ

Ни у мужчин, синьор мой, ни у женщин
Нет клада драгоценней доброй славы.

Укравший мой кошель украл пустое:
Он был моим, теперь — его, раб тысяч;
Но добрую мою крадущий славу
Ворует то, чем сам богат не станет,
Но без чего я нищий.

Отелло, III 3
М. Лозинский

Сокровище на свете разве есть
Ценней, чем незапятнанная честь?
Нужнее жизни добрая мне слава:
Её отдав, на жизнь утрачу право.

Ричард II, I 1
М. Донской

ЖИЗНЬ

Жизнь — ускользающая тень, фигляр,
Который час кривляется на сцене
И навсегда смолкает; это — повесть,
Рассказанная дураком, где много
И шума и страстей, но смысла нет.

Макбет, III 4
М. Лозинский

ЗЛО

Как часто мы свершаем злое дело
Лишь потому, что так доступны средства!

Король Иоанн, IV 2
Н. Рыкова

ИРОНИЯ

— Что читаете, милорд?

— Слова, слова, слова.

Гамлет, II 2
Б. Пастернак

Я помешан только в норд-норд-ост. При южном ветре я ещё отличу сокола от цапли.

Гамлет, II 2
Б. Пастернак

КАРЬЕРА

В том и проклятье службы,
Что движутся по письмам, по знакомству,
А не по старшинству...

Отелло, I 1
М. Лозинский

КЛЕВЕТА

Не властны добродетель и величье
Здесь на земле избежать злоязычья.
И самая владычная рука
Унять бессильна желчь клеветника.

Мера за меру III 2
О. Сорока

Как вдруг услышишь: этот скажет: «Ах»,
Другой: «Да, да», «Гм, гм», — прибавит третий.
Пусть это всё любимые словечки
Пятнающей невинность клеветы
Иль жалости, которая горюет,

Когда при ней клеветают на невинность,
Но, право, после этих восклицаний
«Она чиста» уже никто не скажет...

Зимняя сказка, II 1

В. Левик

Нет, жало клеветы острей меча,
Укус — опасней яда нильских змей;
Дыхание её на крыльях бури
Летит, все уголки земли пятная,
Черня царей, цариц, и дев, и жён,
И даже тайны склепов отравляет
Ехидна клеветы.

Цимбелин, III 4

П. Мелкова

КОРЫСТЬ

Кто лишь из выгоды служил,
Тот — буря ли, беда ли —
Вещички бранные сложил,
И поминай как звали.

Король Лир, II 4

О. Сорока

КРАСОТА

Тот, кто наделил вас красотой, одарил вас и душевной прелестью. Красота, не дорожащая добром души, добротна не бывает и вскорости вянет; но прелесть сердцевинная натуры вашей не даст угаснуть и телесной красоте.

Мера за меру, III 1

О. Сорока

ЛЕСТЬ

Лесть...

Подобна мерзкой, ядовитой жабе,
Надевшей бриллиантовый венец.

Как вам это нравится, II 1

В. Левик

ЛИЦЕМЕРИЕ

...надо записать,

Что можно жить с улыбкой и с улыбкой
Быть подлецом...

Гамлет, I 5

М. Лозинский

ЛОЖЬ

В нужде и чёрт священный текст приводит.
Порочная душа, коль на святыню
Ссылагся, похожа на злодея
С улыбкой на устах иль на красивый,
Румяный плод с гнилою сердцевинной.
О, как на вид красива ложь бывает!

Венецианский купец, I 3

Т. Щепкина-Куперник

ЛЮБОВЬ

Вина убийцы может скраться в тень,
Любовь не может; ночь её — как день.

Двенадцатая ночь, III 2

М. Лозинский

...любил её, как сорок тысяч братьев
Любить не могут!

Гамлет, V 1
Н. Полевой

Путь истинной любви всегда тернист.

Сон в летнюю ночь, I 1
О. Сорока

Любовь глядит не взором, а душой...

Сон в летнюю ночь, I 1
М. Лозинский

Она меня за муки полюбила,
А я её — за состраданье к ним.

Отелло, I, 3
П. Вейнберг

Но ведь любовь слепа, и тот, кто любит.
Не видит сам своих безумств прелестных...

Венецианский купец, II 6
Т. Щепкина-Куперник

МЕЧТЫ БЕЗУМЦА

Нет, нет, нет, нет! Пойдём с тобой в тюрьму.
Там будем петь вдвоём, как птицы в клетке.
Попросишь у меня благословенья —
Молить прощенья на коленях стану.
Так будем жить, молиться, песни петь
И сказки говорить; смеяться, глядя
На ярких мотыльков; и у бродяг

Разузнавать о новостях придворных —
Кто в милости, кто нет, что с кем случилось;
Судить о тайной сущности вещей,
Как божьи соглядатаи... И так
В стенах темницы переждём мы распри
И ссоры власть имущих, что подобны
Приливам и отливам.

Король Лир, V 3
Т. Щепкина-Куперник

МИР

И я соединю свой меч с оливой.
Пускай война рождает мир, а мир,
Войну смирив, отныне будет свят.
Мир и война друг друга исцелят.

Тимон Афинский, V 5
П. Мелкова

Теперь себя познал я, и в душе
Мир, что превыше всех земных блаженств, —
Спокойная, утихнувшая совесть!

Генрих VIII, III 2
Б. Томашевский

МОЛЧАНИЕ

Молчание — лучший глашатай радости. Если бы я
мог высказать, как я счастлив, я не был бы счастлив.

Много шума из ничего, II 1
Т. Щепкина-Куперник

МУЖЕСТВО

Садись со мной и под ярмо Фортуны
Ты шею не склоняй, но пусть твой дух
Над всеми бедами восторжествует.

Генрих VI, часть 3, III 3

Е. Бирукова

Когда помочь себе ты можешь сам,
Зачем взывать с мольбою к небесам?
Нам выбор дан. Те правы, что посмели;
Кто духом слаб, тот не достигнет цели.

Конец – делу венец, I 1

М. Донской

МУЗЫКА

Тот, у кого нет музыки в душе,
Кого не тронут сладкие созвучья,
Способен на грабёж, измену, хитрость;
Темны, как ночь, души его движенья
И чувства все угрюмы, как Эреб:
Не верь такому.

Венецианский купец, V 1

Т. Щепкина-Куперник

МУКИ СОВЕСТИ

Всё ещё держится запах крови: все благовония Аравии не надуют эту маленькую руку. О, о, о!

Макбет, V 1

М. Лозинский

Гамлет, перестань!
Ты повернул глаза зрачками в душу,
А там повсюду пятна черноты,
И мне их нечем смыть!

Гамлет, III 2
Б. Пастернак

НАДЕЖДА

Как ночь ни длится, день опять придёт.
Макбет, IV 3
Ю. Корнеев

Зима тревоги нашей позади.

Ричард III, I 1.
М. Лозинский

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

Неблагодарность,
Ты, демон с сердцем мраморным! Когда
Ты в детях проявляешься — страшней ты
Чудовища морского!

Король Лир, I 4
Т. Щепкина-Куперник

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ЗНАНИЯ

Есть многое в природе, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.

Гамлет, I 5
М. Вронченко

ОТЧАЯНИЕ

О ужас, ужас, ужас!
Ни сердце, ни язык не в состоянье
Постигнуть и назвать тебя!

Макбет, II 3
Михаил Лозинский

ПЕЧАЛЬ

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте.
Ромео и Джульетта, V 3
Н. Греков, с изменениями

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Коня, коня! Полцарства за коня!
Ричард III, V 4
Я. Брянский

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Не пей вина, Гертруда!
Гамлет, V 2
Б. Пастернак

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ

Быть иль не быть, вот в чём вопрос.
Достойно ль
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед

Покончить с ними? Умереть. Забыться.
И знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?
Вот в чём разгадка. Вот что удлиняет
Несчастьям нашим жизнь на столько лет.
А то кто съёс бы униженья века,
Неправду угнетателя, вельмож
Заносчивость, отринутое чувство,
Нескорый суд и более всего
Насмешки недостойных над достойным,
Когда так просто сводит все концы
Удар кинжала! Кто бы согласился,
Кряхтя, под ношей жизненной плестись,
Когда бы неизвестность после смерти,
Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался, не склоняла воли
Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться!
Так всех нас в трусов превращает мысль
И вянет, как цветок, решимость наша
В бесплодье умственного тупика.
Так погибают замыслы с размахом,
Вначале обещавшие успех,
От долгих отлагательств. Но довольно!
Офелия! О радость! Помяни
Мои грехи в своих молитвах, нимфа.

Гамлет, III I
Б. Пастернак

ПРОКЛЯТИЕ

Чума на оба ваши дома!

Ромео и Джульетта, III 1

Т. Щепкина-Куперник

РЕВНОСТЬ

Берегитесь ревности, синьор.

То — чудище с зелёными глазами,

Глумящееся над своей добычей.

Отелло, III 3

М. Лозинский

СКРОМНОСТЬ

Вернейшая порука мастерства —

Не признавать своё же совершенство.

Много шума из ничего, II 3

Т. Щепкина-Куперник

СМЕРТЬ

Дальше — тишина.

Гамлет, V 2

М. Лозинский

Смелей иди на смерть. Поверь, она

Страшна в людском воображенье только...

Мефа за меру, III 1

О. Сорока

Лекарства могут жизнь продлить, но смерти
И врач подвластен.

Цимбелин, V 5
П. Мелкова

**СОВЕТ СЫНУ,
ПОКИДАЮЩЕМУ РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ**

Заветным мыслям не давай огласки,
Несообразным — ходу не давай.
Будь прост с людьми, но не запанибрата,
Проверенных и лучших из друзей
Приковывай стальными обручами,
Но до мозолей рук не натирай
Пожатьями со встречными. Старайся
Беречься драк, а сцепишься — берись
За дело так, чтоб береглись другие.
Всех слушай, но беседуй редко с кем.
Терпи их суд и прячь свои сужденья.
Рядись, во что позволит кошелек,
Но не франти — богато, но без вычур.
По платью познаётся человек,
Во Франции ж на этот счёт среди знати
Особенно хороший глаз. Смотри
Не занимай и не ссужай. Ссужая,
Лишаемся мы денег и друзей,
А займы притупляют бережливость.
Всего превыше: верен будь себе.
Тогда, как утро следует за ночью,
Последует за этим верность всем.

Гамлет, I 3
Б. Пастернак

СОЖАЛЕНИЕ

Бедный Йорик!

Гамлет, V 1
М. Вронченко

СОН

Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь.

Буря, IV 1
М. Донской

...невинный сон,
Сон, распускающий клубок заботы,
Купель трудов, смерть каждодневной жизни,
Бальзам увечных душ, на пире жизни
Сытнейшее из блюд...

Макбет, II 2
М. Лозинский

СТРАХ

И вот я заперт, стиснут, сдавлен, скован
Грызущим страхом.

Макбет, III 4
М. Лозинский

СУДЬБА

...кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

Буря, I 1
М. Донской

От всех врагов Макбет храним судьбой,
Пока Бирнамский лес не выйдет в бой
На Дунсинанский холм.

Макбет, IV 1
М. Лозинский

ТЕАТР

Весь мир — театр, и люди в нём — актёры.
Как вам это понравится (Как вам угодно), II 7
О. Сорока

УГРОЗА

Молилась ли ты на ночь, Дездемона?
Отелло, V 2
П. Вейнберг

УПАДОК

Подгнило что-то в датском королевстве.
Гамлет, I 4
М. Лозинский

ФИНАЛ

Скомандуйте дать залп.
Гамлет, V 2
Б. Пастернак

ХВАСТОВСТВО

Кто хвастает, не избежит никак,
Чтоб где-нибудь да не попасть впросак.

Конец – делу венец, IV 3

М. Донской

ЦЕННОСТИ

Так создан свет.
Мы не даём цены тому, что наше,
Но стоит только потерять — и вдруг
Откроем в нём прекрасного так много,
Что нет утраченному и цены.

Много шума из ничего, IV 1

А. Кронеберг

ЧЕЛОВЕК

Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движеньям! Поступками как близок к ангелам! Почти равен богу — разумением! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что мне эта квинтэссенция праха?

Гамлет, II 2

Б. Пастернак

ЧЕСТНОСТЬ

Быть честным — по нашим временам значит быть единственным из десяти тысяч.

Гамлет, II 2

Б. Пастернак

ШРАМЫ

Рубец, приобретённый в честном бою, благородный шрам — почётное украшение.

Конец — делу венец, IV 6

М. Донской

ЭТИКЕТ

Придуманы законы этикета,
Чтоб фальшь и безразличие лоском скрыть.
Притворное радушье, не успев
Ещё явить себя, уже жалеет,
Что проявиться следует ему.
Но там, где дружба искренна, излишни
Любые церемонии.

Тимон Афинский, I 2

П. Мелкова

содержание

Предисловие	7
Краткая биография Шекспира	9
СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ	17
БУРЯ	27
КАК ВАМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ	35
ЗИМНЯЯ СКАЗКА	43
КОРОЛЬ ЛИР	53
ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ	59
МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО	69
РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА	85
ПЕРИКЛ	95
ГАМЛЕТ	103
ЦИМБЕЛИН	111
МАКБЕТ	121
КОМЕДИЯ ОШИБОК	133
ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ	145
ТИМОН АФИНСКИЙ	153
ОТЕЛЛО	167
УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ	181
МЕРА ЗА МЕРУ	191
ДВА ВЕРОНЦА	203
КОНЕЦ — ДЕЛУ ВЕНЕЦ	217
Примечания	229
Список имён персонажей	233
Знаменитые шекспировские цитаты ..	236

Для среднего школьного возраста

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ШЕКСПИРА
в изложении Эдит Несбит

Перевод с английского
Евгении Канищевой и Яна Шапиро

Директор: *В.Байдак*
Оформление: *А.Наумов*
Редакторы: *Е.Кудряшова, В.Подобед*
Корректор: *Е.Феоктистова*

Подписано в печать 18.12.2009.
Формат 84 × 90/16. Печ. л. 16.
Печать офсетная.
Тираж 3000 экз.
Заказ № 1152.

ООО «Издательство «Октопус»»
119021, Москва, Комсомольский пр-т, д. 14/1, стр. 3
Тел.: (499)-246-90-51
E-mail: octo@octo.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Московская обл., г. Можайск, ул. Мира, д. 93.

